

РОМАН
РУБЕЖ ВЕКОВ

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

LUDVIG NORMAIEN

Конец XVI века, Восточная Европа. Если история дала шанс, то надо им пользоваться.

История Теодора Лемка, церковного воспитанника, оказавшегося в качестве новобранца в армии Ромейской империи. Захотел изменить свою судьбу? Получай в полной мере!

(Донесение фирме Фуггер из Лиона от 19 сентября 1596 г.)

Король Филипп Испанский хочет наложить запрещение на принадлежащие частным лицам доли золота и серебра, которые незадолго перед этим доставил флот из Америки, с тем, чтобы все это оставить за собой. Речь идет почти о 10 млн., согласно приводимому ниже расчету. Это дело многим принесет ущерб. Также известно, что часть этой суммы пойдет на поддержку христиан во главе с Хью О'Нилом, графом Тайрона в Ирландии и Андроником IV Гаврасом в Византии. Расчет того, что причитается каждому отдельному лицу из сокровищ, доставленных флотом, на которые посягает король, таков:

Млн. дукатов

Мальвенда.....	1,7
Суарес.....	1,05
Амброджио Спинола....	0,4
Николо Форнари	0,6
Николо Дория.....	1,0
Синибальдо Фиеско, Джаованни Баттиста Гвидетти	0,8
Симоне Луичче, Алессандро Саули.....	0,5
Баттиста Серра.....	0,5
Фуггерам.....	2,0
Обещано Фуггерам за фландрский долг.....	1,3

Сумма: 9 млн. 800 тыс. дукатов.

(Письмо из Мадрида от 20 ноября 1598 г.)

Новый король Испании 8-го числа сего месяца торжественно ознаменовал свое восшествие на престол в Сент-Иерониме, неподалеку отсюда. Он со своими кавалерами шел под балдахином, который несли 20 человек. При этом можно было видеть очень много золота, драгоценных камней и серебра. Теперь король собирается, отправиться вместе с сестрой и престарелой королевой в Барселону. Эта поездка должна состояться в декабре. Но этому мешает сильный недостаток в деньгах. Так как в январе ожидается прибытие флота с золотом и серебром, его величество поручил договориться с придворными поставщиками о займе в четыреста тысяч дукатов, который будет затем в разные сроки покрыт платежами во Фландрии.

ж) Сдача в аренду испанской почты

(Письмо из Рима от 16 июля 1599 г.)

Господин Таксис, оберпочтмейстер Испании, решил сдать управление почтой господину Говето, одному генуэзцу, за 9 тысяч крон в год. При этом, как говорят, он выгадает 3 тыс. крон чистого дохода.

Хороши города со славной и древней историей. Но бывает и так, что город представляет из себя лишь тень былого величия. И когда уже город казалось потерял все свои шансы, происходит нечто, что взбудораживает всех и вселяет надежду на лучшие времена.

За свою жизнь этот город повидал много несчастий. Ну и, конечно же, войны были в том числе. И не внешние зачастую приносили несчастья, а внутренние, гражданские. Потому

как любой успешный полководец считал своим долгом рискнуть, если была возможность, и стать императором. И как всегда, этим пользовались враги. Год за годом, десятилетие за десятилетием, которые складывались в столетия, Империя теряла провинцию за провинцией. Были, конечно, моменты, когда она на какое-то время собиралась при сильном императоре с силами, отвоёвывала часть земель назад, но император умирал, а его наследники упустили все достижения. Пожалуй, кульминацией можно назвать времена, когда династия Палеологов признала себя вассалами османского султана, потеряв все земли. Как пишут хронографы, приводя слова Баязида I: «Если ты хочешь исполнять мои приказания, затвори ворота города и царствуй внутри него; всё же, что лежит вне города, принадлежит мне».

И хоть после смерти Баязида вздохнулось спокойнее, его сыновья и племянник недолго дали скучать императору, хоть и передрались из-за наследства между собой. Лишь чудо, что, не сумев тогда убить друг друга, они не позволяли и захватить захиревший Город своим врагам, если надо, то и объединяясь для такого дела.

Участившийся приход небольших эскадр иностранных кораблей, привозящих людей, выглядящих то как откровенные разбойники, то солдаты, а то и дворяне, вызывал в городе кучу пересудов.

Люди, смотревшие на очередные прибывшие судна, всю гадали, зачем они прибыли.

— Нас будут захватывать! Посмотрите, сколько пушек и людей! — вещал пожилой.

— Что за чушь? Вы видели флаги? Зачем Испании, иоаннитам, генуэзцам нас захватывать? — вступил с ним в дискуссию молодой и богато одетый горожанин.

— Как зачем? Чтобы мы не достались султанатам, конечно же!

— А ещё затем, что Испания захотела сама стать империей!

— Да что за чушь? Если бы они прибыли нас захватывать, то уже как минимум обстреливали башни, а им бы отвечали!

— Да кто им отвечать-то будет? Все наши «воины» уже, наверное, давно разбежались по домам, пьют, или готовятся встречать новых хозяев! — выкрикнул кто-то из собравшейся толпы и все собравшиеся начали хохотать, не понаслышке зная о внутреннем воинском контингенте, состоявшем в основном из виглов, занимавшихся тем, что обеспечивали порядок в порту, охраняя товары иноземных купцов и обеспеченные восточные кварталы. Были, конечно же, ещё подразделения дворцовой охраны, но и те, и другие за последние лет сто уже никто из них за пределами города не воевал, штурмов извне не отбивал, да и до того, последние лет двести-триста, не показывала больших достижений. По виду, да и бродившим слухам, более разложившихся войск найти было невозможно во всей Ойкумене.

Смеялись все, но так лишь казалось, так как в этой толпе отыскался человек, который стоял, внимательно рассматривая судна, с хмурым выражением лица. Был он, как и основная масса собравшихся, не слишком хорошо одет. Можно даже добавить, что бедно, так как залатанную монашескую сутану из грубого сукна, подпоясанную веревкой, при всём желании не назвать добротной одеждой. Выглядел этот человек очень молодо, если бы не нахмуренные брови, и крепко сжатые губы, что добавляло ему лишние годы. Был он среднего роста, белобрыс, стрижен под горшок, сероглаз и крепок телом. Об этом можно было судить по рукам, которые по локоть выглядывали из закатанных рукавов сутаны, а так же по развороту плеч.

Постояв, и ничего нового больше не услышав, этот парень пошёл дальше, сначала вдоль набережной, а затем повернул в город. Причём, если бы за ним наблюдали, то, наверное,

удивились его пути, потому как когда он пришёл к своей конечной цели, сделал по городу изрядный крюк. С последними лучами солнца он вошёл в церковный двор, первым делом зашёл к келарю, которому отдал несколько медных монет, затем в столовую, где его ждала порция запечённой рыбы с куском лепёшки. А уж затем отправился в длинный бревенчатый барак, который в этом месте называли «кельями трудников». Внутри царил полумрак, так как вечерний свет слабо проникал через узкие оконца. И там его уже ждали.

— Эй, Лемк! Сегодня погрузка? — обратился к нему один из молодых парней, сидевших на деревянных лежанках.

— Ага.

— Кого загружали?

— Бизертская тартана. Я загружал сукно и пряжу, были ещё специи, сухофрукты. — опережая вопросы, отвечал он, укладываясь на соломенный тюфяк.

— И ничего не утащил?

— Иди к чёрту. — лаконично ответил он.

— Эй, Юх! — пришла его очередь задавать вопросы.

— Чего?

— О чём трепитесь?

— О том же, о чём и все.

— Городские гости?

— А то как же!

— И кто они такие? — вот если у кого и спрашивать, то как раз у Юхима. Этот высокий, подвижный, загорелый до черноты парень, казалось, мог услышать о чём шепчутся на той стороне Пропонтиды и всегда был в курсе всех новостей.

— Испанские, мальтийские, неаполитанские, тосканские, генуэзские судна. Говорят, что привезли войска. Для чего? Ну, мы тут подумали, немного. Возможно, что испанский король хочет помочь своему остмаркскому родичу и собирается напасть на султанаты откуда не ждут, пока их войска проверяют, кто сильнее.

— Не поздно ли они собираются? Что-то не то. Уже октябрь, а пока они высадутся, пока дойдут до городов, пока возьмут — если им надо взять быстро, то нужна артиллерия, а её быстро не доставить к ним. А потом обратно. Нет, вряд ли. Может они просто пополнить запасы, а потом попробовать пройти мимо Анодолухисары и там уже пограбить? Но тогда зачем им тут пополнять припасы? Штормов ещё не было, все целые. Тут что-то другое.

— Стратег! Не зря книги читает! — посыпались шутки от тех, кто сидел рядом или слышал беседу Лемка с Юхимом. А надо сказать, что народ в барак всё прибывал и внутри находилось уже не менее дюжины человек.

— Чего скалитесь? — спросил новый вошедший, вихрастый и длиннорукий, одетый, как и все, в кое-как починенную монашескую одежду.

— Лемк тут планы строит. Ты вот, Сид, последний зашёл, а потому наверняка больше слышал. Что там с теми зашедшими кораблями? Войска они привезли, или просто за припасами?

— Людей они выгружают на лодках, много.

— О, вот и ошибся Теор! А то — «не будут они войска выгружать, не должны»... — загоготал, как сказали бы, плюгавый мужичок, в самой грязной сутане из всех.

— Заткнись. Я не всё рассказал. Людей выгружают, да люди те не военные. Одеты все кое-как, да безоружия почти все. Большую часть наши виглы на берегу встречают и ведут

куда-то. Мы там, пока заканчивали работу у пизанцев, услышали как у них спрашивают кто они да откуда. Так там кого только нет — кефалонийцы, мессинцы, сфакийцы. И это они только начали разгружать. Ещё выгражались и вооружённые, да. Но их мало было и расходились они уже сами кто куда. И среди них в основном испанцы, этих по одеже сразу различить можно. В Галату вроде как припасы ещё привезли. Воот... Это то, что мы успели выяснить. Но это ладно, никуда они сразу не денутся, глянем ещё кто такие и зачем это всё надо. Ты вот что скажи, Теор, как прошёл-то через город?

— Ну раз ты меня видишь сидящим перед собой, то всё хорошо. — улыбнулся тот.

— И деньги заработанные пронёс? — всё допытывался Сид, или, как правильнее назвать полным именем — Сидир.

— Пронёс-пронёс, что пристал?

— Ну тебе и везёт! Мы с парнями, пока обратно шли, схлестнулись при выходе с Леомаха (квартал Леомакелий) с какими-то придурками — нас пятеро, а их шестеро, один нож достал, так Илия ему дубиной по руке только на! А та только хрусть, и всё! Мы тут же на остальных кинулись. Вон, — показывая рукав — порвали, сволочи. И зуб теперь шатается. Надо будет пойти потом всем, наказать их. Они новенькие, с Митилены, думали, что тут им рай будет.

— С этими разберёмся, появятся другие.

— Когда появятся, то и с теми поговорим. И это в твоих интересах!

— Почему это в моих? — сделал удивлённый вид Лемк.

— А кто алтарнику ребро сломал? И теперь, вместо того, чтобы как когда-то сидеть в скриптории, на тёплом месте, приходится пробираться через весь город, рискуя быть ограбленным и прибитым за те гроши, за которые мы работаем! И сделал бы вид, что раскаялся тогда! Специально же тебя отправляют на работы одного на другой конец города.

— Я раскаялся тогда.

— Ты, когда делаешь раскаянный вид, то смотри на носки ног, а не в глаза говорящему. Когда так говоришь, смотря в глаза, то это угрожающе выходит.

— Учту.

— Учтёт он, как же.

Теор, а на самом деле Теодор Лемк, как он записан был в церковных документах, нисколько не раскаивался в своем уже давнем поступке, когда он, сначала на словах, а потом и на кулаках, схватился с алтарником церкви святого Иоанна. Спор возник из-за того, что вроде как он неправильно переписывает книги, делая ошибки, на что Лемк вежливо попросил его вынуть нос из не своих дел, и засунуть его себе куда поглубже. Тот мирянин чего-то оскорбился, да полез с кулаками. То есть сам напросился. Только вот наказали в первую очередь Теодора, так как он был по сути никто, сирота, хоть и с хорошим почерком, а тот — алтарник, хоть и гад, но добровольный помощник церкви. К счастью, сам Теодор считал, что легко отделался, так как действительно был виноват с точки зрения всех. Он, переписывая старые книги и документы, хранящиеся в их скриптории, а также те, которые им приносили, мог сделать на полях заметку вроде: «Ложь», «Враньё», или приписать в описании жития — «Предатель», «Жулик», либо подобное. Слава Богу, что пока это не вскрылось, но Лемк и не собирался тогда задерживаться в этих стенах, а потому порой отводил душу таким образом. Делал он это не из желания навредить, а таким образом дать понять для будущих поколений, кто кем являлся на самом деле.

На следующий день стали появляться свежие новости. Привезённых насчитывались уже

сотни, и были они не только с венецианских островов, но и из испанских владений в Италии, то есть из Сицилии, Неаполя, Калабрии. Так же немалое количество из самой Кастилии, Каталонии, генуэзской Лигурии и её островов. Неизвестно сколько всего было людей, но перевозили сотнями. Всех их выводили за пределы Константиновой стены, в Эксокионий, главным образом в кварталы Девтер, Триптон, Пемптон, Ливадия, то есть бывшие «готские», самые бедные кварталы города, хоть и весь остальной город тоже не отличался богатством своего населения. В тех районах сразу поднялся невообразимый шум, из-за того, что хоть тут и было немало пустырей, но комиты (чиновники) вместе с виглами местами выгоняли людей из их трущоб, которые стали сносить. Куда переберутся выгнанные бедняки, ни комитов, ни стражу не интересовало. Тут же началось силами самих новых приезжих строительство построек для жилья, материал на который брали из внешней Константиновой стены и из разбираемых лачуг местных жителей. Сами постройки стали лепить к внутренней Феодосиевой стене, за тремя кольцами которой уже, фактически, лежали земли султанатов.

Так же заметили, что с кораблей снимали орудия, грузили лодки ядрами, всевозможными ящиками, ящичками, бочками, упаковками, да связками.

Город лихорадило. Всех жителей, как местных, так и гостей, от Вуколеона и Акрополя, до Влахерн и Кикловия волновал один вопрос: зачем? Зачем они все приплыли сюда? Версий было не сказать чтобы много. Первая звучала так: последний Гаврас втайне отказался от императорской короны в пользу испанского короля за сотню тысяч дукат и поместье в Севилье (нашлись даже купцы, кто видел тот самый дворец). Как можно отказаться от такого положения? Но когда называлась сумма, то все согласно кивали — да, за такую грудку золото можно было пойти на что угодно, даже императору. Вторая — испанцы хотят на следующий год, после окончания зимы, нанести совместный удар с войсками Священной Империи по Румелийскому и Силистрийскому султанатам, чтобы прекратить длившуюся уже лет шесть войну. Эти темы настолько всех захватили, что были даже случаи, когда разбойники, прежде чем воткнуть нож своим жертвам под рёбра, спрашивали, что им известно об этих иноземцах.

Происходили стычки и с прибывшими. И если при виглах старались не нарываться, но их было недостаточно, чтобы оцепить весь этот гигантский район бывшей великой столицы. Поэтому и в проулках, подворотнях, да даже у таких оживлённых мест, как цистерна Мокия и церковь святого Георгия, что у Псамафийских врат, начали происходить сначала просто обмена зуботычинами, а затем и пролилась кровь. Местные грабители и задиры, сами в основном являвшиеся беженцами из всевозможных уголков бывшей империи, очень обиделись на иностранцев за выселение с «родной» земли. Подзуживаемые криками: «Убирайтесь из нашего города! Нам самим жрать нечего!» таких же бродяг, гулящих женщин, пьяных матросов с всевозможных судов, они стали хвататься за ножи. И оказалось, что не все из этих потрепанных иностранцев были безоружными. Крича на разных наречиях, суть криков которых сводилась к «Сдохните, ублюдки!» они доставали из сапог и пазух стилеты, ножи и бросались на своих обидчиков, доказывая, что могут за себя постоять, и опыта и отваги у них достаточно. До того, как успевали подойти отряды виглов, щедро одаривая дерущихся ударами своих алебард, успевало на месте оставаться по нескольку тел. Для острастки, префект города приказал повесить на третий день, с утра, с десяток-другой виновных в поножовщине с одной и с другой стороны. На этом впечатлённые скорой расправой задиры решили прекратить явное противостояние и начать противостояние другими средствами.

Глава 2

Ещё больше город закипел, когда через пару дней на основных городских форумах повесили, а потом начали зачитывать повеление василевса о том, что жители города мужского пола, от 16 до 45 лет принимаются в формируемое имперское войско, с оплатой в 18 полновесных больших денариев в месяц и выплатой 6 больших денариев одноразово при подписании пятилетнего контракта, с выдачей платья, оружия, со столованием за счёт василевса. Отслужившим не менее трёх сроков обещали земельный надел. Отслужившим не менее четырёх сроков пообещали к земельному наделу выдать подъёмные в сумме не менее годового жалования. Желаящим записываться велели подходить на форумы Аркадия, Бычий, Амастрианский, где будут сидеть, как их называли, рекрутёры, которые и будут записывать желающих.

Для парней и мужчин, живших при церкви святого Иоанна, где они, будучи ещё малыми сиротами, проходили обучение и где они в дальнейшем остались трудниками, получая кров и питание, взамен трудясь либо при приходе, либо на тех работах, куда пошлют, все эти новости находили живой отклик.

— Что думаете? Будем монахами или попробуем пожить иначе?

— То есть вариант ухода отсюда и занять где-то свою улочку, взимая плату за проход с прохожих ты уже не рассматриваешь?

— Нам никто не помешает этим заниматься после того, как мы послужим в войсках.

— А ты не рассматриваешь вариант, что мы оттуда можем вовсе не вернуться? Останемся в каком-нибудь овраге со стрелой меж ребер, и кости наши падальщики будут грызть.

— Твои, так и быть, могут и грызть, а я собираюсь подзаработать денег, приодеться не хуже этих сволочей с алебардами, чтобы все девки были мои. Ну и ещё мир посмотреть. Думаю, вместе со всеми этими отрыжками собак, что к нам припёрлись, мы сможем накостылять дикарям, которые когда-то забрали у наших предков, а значит и у нас, земли, города, богатства, в конце концов. Ну а потом, я не собираюсь быть там простым солдатом.

— И кем ты хочешь быть?

— Для начала, конечно же побуду простым бойцом, а потом, когда меня приметят, выдвинусь вперёд! И кто знает, может меня ещё возьмут в комиты, или я стану букеллариём (личная охрана полководцев и частных лиц) какого-нибудь презанта (придворный) или даже за подвиг или два, попаду в число палатинов (гвардия) или этериатов при императорском дворце. И уж на войне шанс всегда есть, например надо лишь знамя в бою захватить!

— Дааа, вот это у тебя планы... — поражённо выдохнул маленький кружок собравшихся в уголке их барака, слушая речь Сиды. — Но тебя в этерию не возьмут. Ты же наш, городской.

— Мне нельзя думать мельче, я хоть и не совсем помню своих родителей, но помню, что я — Мардаит, а мы когда-то показали всем соседям, что с нами шутить плохо!

— Ну а не получится стать героем сразу, мало ли, вдруг проиграем, то можно набрать ещё людей понадежнее и под шумок улизнуть, не дослужив до конца! Ищи ветер в поле! А для смелых людей работа всегда в мире найдётся.

— А не боишься, что там за воротами ты найдёшь не простую смерть? Говорят те сарацины любят кожу с людей заживо снимать, разрезать напополам, или камнями забивать.

— Нууу, это конечно не самая лучшая смерть, — почесал Сидир затылок — лучше,

конечно, в своём дворце и в окружении ангелоподобных девиц. Но что предначертано, то не предотвратить! — он попытался изобразить скрипучий голос, как у иерея Луки, что вёл у них, как они шутили, обрезанный курс старых времён: орфографию, грамматику, основы математических наук. На изучение остального курса (риторика, философия и юриспруденция) им нужны были родители, у которых бы водились деньги.

Мардаит обвёл взглядом собравшихся друзей. Лемк сидел с ногами на лежаке, перебирая страницы толстой тетради. Юхим вертел в руках нож. Пётр, Илия, Евхит и Месал.

— Ну так что? Что думаете? — вновь задал он вопрос.

— Я за, не собираюсь становиться монахом или всю жизнь тут горбатиться. — ответил первым Юхим.

— Я за, лучше проливать пот за хорошие деньги, а не за эти медяки. — Пётр.

— Я за. Бусико бы это одобрил. — отозвался Лемк.

— Вот, есть польза от книг! — улыбнулись все.

Илия просто кивнул. Евхит, крестясь:

— Куда вы, туда и я. Бог нас не оставит.

— Всё равно умирать. Если мы не пойдём в султанаты, то они рано или поздно придут сюда. — последним отозвался Михаил.

— Тогда решено, завтра не идём на работу, заканчиваем свои дела, у кого какие они есть, а послезавтра идём записываться к рекрутёрам.

Не успели парни разойтись по своим делам, как в помещение зашёл тот, кого здесь уже давно не видели. Игумен Михаил, высокий старик в рясе, что была чернее тёмной ночи, нагнувшись, преступил порог. Когда он вошёл, его поясok и крест сверкнули в лучах лампадки, осветив, казалось все уголки низкого и тёмного помещения. Все находившиеся в бараке подскочили.

Теодор, хоть и оказался в стороне от всех, но ощутил, как почти материализовавшаяся тяжесть вины за те страницы, что он утащил из интересной книги, легла на его плечи. Вспомнив недавний совет Сиды, он постарался смотреть под ноги.

— Братья мои, возможно вы уже слышали о том, что василевс объявил о создании войска, для защиты города нашего от безбожников и язычников что окружают нас. Все вы знаете о нашем бедственном положении. Давно прошли те времена, когда от имени Господа Бога и одного вида легионов разбежались наши враги. Прошли те времена, потому как оскудели мы на веру, на смелых и храбрых людей. Изнежены, горды, златолюбивы были наши предки, любили они больше держать в руках кубок с вином, завидовали богатствам соседей своих, за что их и покарал Господь. Но времена те прошли.

Выдержав паузу, он продолжил:

— Ведомо мне, что многие из вас собираются уходить из стен церкви, записавшись в войско. И вот что я хочу сказать...

Толпа замерла.

— Патриарх Матфей решил, что это дело богоугодное. И он благословляет вас. Те, кто решит остаться, пусть не сомневаются — их путь, это тоже Божий путь.

Осенив крестным знаменем всех, он покинул помещение. Луна за оконцем засияла ярче.

— Делaaa... — протянул Пётр. — То они нам твердят, что все на западе предатели и безбожники, а тут не против что мы будем с ними. Твердили, что проливать кровь грех, а в войско идти благословляют.

— Это ты просто мало книг читал, так бы ничему не удивлялся! — хлопнул его по плечу Теодор, заваливаясь обратно. — Надо будет завтра привести себя в порядок, чтобы от одного нашего вида нам засчитали двойное жалование.

Под немудрёные шутки стали укладываться и остальные, так как лампадка, без масла, затухала.

Следующий день был одним из самых непривычных дней в жизни Лемка и парней. После утренней молитвы и завтрака они оказались предоставлены сами себе. Келарь, что всегда находил им занятия, проходил рядом с ними так, будто их и не существовало. Илия, Сидир, Евхит пошли навестить знакомых, а Юх, Михаил и Теодор отправились побродить по городу, стараясь держаться центральных улиц.

Растрескавшиеся стены, грубо отремонтированные здания, осыпавшаяся мозаика, пустые постаменты скульптур. Следы пожаров. Время оказалось безжалостно для города. Можно лишь предполагать, каким он был. Дворцы, в которых нашли приют бездомные и преступники всех мастей.

Чем ближе к форуму Константина, тем многолюднее, тем чище, красивее становилась обстановка. Древние здания уже не светились неаккуратными заплатами поздних ремонтов, но всё же было видно, что эти камни видели очень много со времён своего возведения. Всё отличалось от нищеты пройденных кварталов. Лавки большие и маленькие, магазины, в которых можно было найти всё, что только продавали в трёх частях света. Португальский сахар, чернильные орешки, имбирь, перец, гвоздичные головки, опий, бальзам Митридата, печатная глина, шелк, благовония, предметы туалета, «безоарные камни», драгоценные камни, индийский жемчуг, мускатный орех, месопотамский хлопок, мышьяк, краски, румелийская пряжа, салоникская шерсть, порох, оружие всех народов, вплоть до артиллерийских орудий, соль, мыло, воск, тосканская, лионская парусина, драгоценные породы дерева, слоновая кость и рабы из глубин Чёрного континента, ювелирные украшения всех стран, английская сталь и олово, аравийский кофе, камедь и канифоль, ладан, обои, бусы, сукно, бумага и стекла из «священной» республики, скобяные изделия с запада, северные меха, моржовые клыки и амбра, ну и, конечно, китайский шёлк и фарфор — лишь часть всех тех товаров, которые можно было здесь найти.

Жизнь в центре кардинально отличалась от того, что творилось на окраинах города. Речь всех народов мира сплеталась в хаотичный гул. Итальянские, тюркские и славянские наречия, испанская, арабская, немецкая, английская, унгарская, французская речь и другие звучала на каждом углу, неспешно журча или с хрипом торгуясь. Чью речь было практически не слышно — так это речь местных жителей, потому что не было у них денег на покупки в этом районе, они присутствовали здесь лишь в качестве грузчиков, уборщиков и в лучшем случае приказчиками. Тут торговали богатые купцы огромными партиями. Те же из местных семей, кто за века сумел сохранить свои капиталы, давно выучили языки соседних и ничем от них уже не отличались.

Проходя по улице, Лемк с друзьями не раз ловил на себе настороженные взгляды местных купцов. Подходя с интересом к тем или иным товарам, их не раз с ругательствами выгоняли дальше. «Lardi» — презрительно неслось им вслед. Будь их воля, местных жителей подавно не пускали в эти районы для богатых господ. Ведь от этих местных голодранцев одни проблемы — то драку затеют, вспомнив о былой гордости предков, которой уже давно нет, то попытаются обворовать, стащив под прикрытием той же драки корзину товара, штуку драгоценного сукна или спрятав в кутерьме событий добытое под одежду. А у этих молодых

парней, что как раз идут, под их длиннополыми одеяниями как раз можно спрятать много чего. Поэтому лучше сразу кликнуть мальчонку для побегушек, чтобы позвал местную городскую стражу, виглов, присмотреть за этими подозрительными парнями. Ну или сразу выгнать. Где в городе и было много стражи, так это здесь, в районе, населённым иностранными купцами и чиновниками, нотариусами города, обслуживающими интересы зарубежных «гостей», которые уже давно по факту превратились в истинных хозяев города, что не раз доказывали. Район этот тянулся от с севера на юг, от Влахерн, через иноземные кварталы, форумы, Амастрийский, Феодосиев, Константинов, до Большого дворца и Вукелеона. Пусть и тут порой чувствовалось запустение, но ещё порой именно здесь можно было представить, какой был прежде этот великий город, из которого управляли одной из крупнейших империй мира, а он сам являлся огромнейшим городом Ойкумены.

Но друзья пришли сюда не для того, чтобы посмотреть на чужие богатства. Это было одно из мест, где можно было заработать немного меди, а повезёт, и серебра, без воровства и без тяжёлой работы. Забравшись на постамент какого-то безымянного полководца (время стёрло все надписи, кроме выцарапанных бродягами), Лемк принялся за работу:

— ... О, государь, как вынести мне норы этой бабы,
Насмешки повседневные и ругань, и попреки,
И «что расселся, муженек?», и «что, дурак, болтаешь?»
И «что, скажи, принес ты в дом? что от тебя мне проку?
Какой ты плащ, какой платок когда — нибудь дарил мне?...

Как практически любой житель города, он мог почти свободно изъясняться на итальянском, так как уж кого, а этих было представлено в городе очень много — гаэтанцы, амальфийцы, анконцы, генуэзцы, венецианцы, ливорнцы, тосканцы уже сложили целые поколения семей, торгующих в Городе. В Городе, во многом, уже практически не существовало какого-то единого государственного языка. Скорее, местные жители и купцы говорили на простонародной смеси всех языков бывшей империи. Зачастую бывало так, что коренной житель какого-нибудь Армироса, спасаясь от притеснений исмаилитов, и желая найти защиту у единоверцев в ещё живом Великом Городе, о котором он слышал только то, что это самый богатый город мира, при прибытии не мог понять — что говорят эти люди, которые и внешне не похожи на нормальных эллинов. Вот только местные жители давным-давно не считали себя эллинами. Местные (по крайней мере многие) продолжали считать себя наследниками того, прежнего государства, продолжали считать себя ромеями. И язык свой называли новоимперским, в отличие от старой империи, время которой закончилось более тысячи двухсот лет назад, но прямыми наследниками которой они продолжали себя считать.

— ... Смеются все на улице, что я хожу в обносках.
Мне стыдно выйти из дому — сижу ни с чем и плачу!
А коли в баню выберусь — еще того не лучше,
А коли день один поем — так два сижу голодной.
Рыдаю, плачу, сетую, ломаю в горе руки.
А все старье, что ты мне дал, бери себе обратно!
Будь это пурпур, иль атлас, иль хлопчатые ткани!...

Перекрикивая толпу, читая нараспев старую юмористическую поэму, он привлекал к себе внимание.

— ...Все это должен я терпеть, владыка венценосный,
От трижды проклятой жены, ворчливой и драчливой,
А все за то, что прихожу с пустыми я руками!
И если ты, мой государь, по доброте душевной
Меня своею милостью насытить не захочешь,
То, ах, мне, право, боязно — она меня прикончит,
И вы лишитесь Теодора, столь преданного мужа!

Немного изменённый стих, как и в прошлом, пришёлся по душе невольным слушателям. У толстых торговцев засверкали улыбки через густые бороды.

— Как молвят, изо всех животных злейшее
Живет в земле Ливийской и имеет вид
Весьма похожий на быка свирепого.
Глядит оно, как будто разъяренный лев,
Из — под бровей густых и нависающих.
А глаз его по мере меньше бычьего,
Налит густою кровью и притом вовек
Не взглянет прямо, в землю потупляясь:
Отсюда и прозвание катоблепово.
С макушки зверя волосы обильные
Нисходят гребнем и на лоб спускаются,
И с конской гривой сходствуют. Великий страх
Тому, кто с этим дивом повстречается!...

У него была хорошая память, что свободно позволяло пересказывать древние вирши. К тому же он неплохо натренировался, не раз пересказывая по вечерам уставшим после долгой и тяжёлой работы друзьям.

— ...Зверь кормится корнями ядовитыми,
Которых больше ни одно животное
В рот не возьмет, а коль возьмет — отравится.
Избычившись и в землю взор уставивши,
Он распускает гриву и вздымает шерсть,
Как будто вепрь, свирепо ощетинившись.
И если рот его приоткрывается,
Из недр гортани мерзостный исходит дух,
Отравного зловония исполненный.
Тот, на кого повеет дуновением,
Лишится языка незамедлительно
И навзничь в корчах яростных повергнется!

Юх и Миха, пока Тео читал, пошли по образованному кругу, держа шапки, и лоя кидаемую мелочь, под одобрительный шум. Когда уставший Лемк слез, то парни начали жонглировать несколькими мелкими камешками, давая время перевести дыхание. А затем Лемк продолжил надирать горло:

— Молва идет (болтают люди всякое,
А все — таки, сдается, правда есть в молве),
Святой отец, что будто бы до крайности
Ты рад, когда предложит продавец тебе
Святителя останки досточтимые;
Что будто ты наполнил все лари свои
И часто открываешь — показать друзьям
Прокопия святого руки (дюжину),
Феодора лодыжки... посчитать, так семь,
И Несторовых челюстей десятка два
И ровно восемь черепов Георгия!

Под хохот собравшихся, в шапки полетели даже мелкие серебряные монеты. Не дожидаясь, пока виглы оценят, что сейчас возможно произошло оскорбление веры, Лемк поклонился толпе и нырнул в толпу, скрываясь. Собравшиеся слушатели ещё пошумели, но не дождавшись того, кто продолжил бы представление, вернулись к своим делам.

Так, остановившись ещё пару раз и давая такие своеобразные представления, друзья заработали подзаработали денег побольше, чем в ежедневной тяжёлой работе в порту. И если бы нашёлся человек, который бы задал им вопрос, а чего же они таким образом постоянно не зарабатывать себе на жизнь, то понаблюдав ещё немного за тремя друзьями, увидели. Отойдя перекусить после очередного представления купленной тут же в одном их мелких переулков жареной камбалой, они оказались окружёнными полудюжиной оборвышей. Глядя на взгляды исподлобья, кисти рук, что скрывались в лохмотьях, можно было и не гадать, что добром эта встреча не закончится. *Поэтому сразу после вопроса вышедшего вперед:*

— *Надо делиться, звонкологоловый.*

В прошлом не раз с ними были подобные ситуации, а потому они знали что делать. Лемк просто и без затей вломил первому в челюсть, а Мих и Юх с зажатými в кулаки камнями так же не поступили с рядом стоящими с ними, а потом успели бросить их в стоявших чуть в отдалении, а потом все просто бросились бежать. Пока оставшиеся на вторых ролях поднимали опрокинутых с ног заводил, троица друзей уже сбежала. Уже не первый раз везло в том, что пока эта шпана ожидала ведение разговоров, первыми нападали они и выигрывали бой. Выигрывали в том, что отступили, сохранив своё здоровье и заработанные деньги. Но так долго продолжаться не могло, они это понимали. Именно поэтому они когда-то приняли решение уйти бродяжничеств, поменяв «лёгкие» деньги с улиц, которые ещё не в каждый сезон можно было взять представлениями, на заработки в качестве низшего звена в церкви. Но где всегда были какие-никакие кров и стол.

Выбежали на центральные улицы, так как углубляясь во внутренние дворы, чужаки с других районов могли там запросто пропасть. Придерживая полы своих длинных одеяний, чтобы не запутаться во время бега, постарались принять спокойный и равнодушный вид, по

которому и не скажешь, что их могли сейчас прирезать. Бывает, дело житейское.

Проведя время, как они решили, весело, решили вернуться к себе. Ближе к ночи, воня кислым вином, присоединились остальные члены компании. Наутро покормили только тех трудников, кто решил остаться, а остальные, собрав свои котомки, двинулись навстречу новой жизни. Которая, как они надеялись, будет сытнее и веселее.

Пока пробирались по улицам города, появилось чувство, что они скоро навсегда покинут свой, какой бы он ни был жестокий к ним, но родной город. Но эта лёгкая грусть, была им не очень свойственна. А так как они были молоды, то постарались вытеснить её тем, что первым в голову пришло. Например, вспоминая городские легенды.

— В той церкви, преследуя восставших, виглы и легионеры перебили целую толпу народа, которая хотела там спрятаться. До сих пор, говорят, там керамический пол красный именно от впитавшейся крови...

— А тут, говорят, стояла статуя из чистого серебра! Её во время погромов кто-то утащил и переплавил...

— А вон с того столпа латиняне императора скинули...

— А здесь святой Феодосии козий рог в горло забили...

— А вот тут стоял бык, в которых знатных сжигали...

Город был наполнен историей. За сотни и сотни лет, богатыми событиями, в городе произошло, пожалуй, всё, что только можно было вообразить.

— Тут не только знатных сжигали. Казнили всех, кто выступал против базилевса. И при Отступнике христиан кучу. И святого одного, Антипу. Даже одного узурпатора сожгли, Фоку. — блеснул недавно узнавший это Лемк, прочитавший это в дневнике какого-то путешественника не так давно, во время работы в порту. Там, ожидая работу, ради развлечения какой-то бандитского вида тип, выступивший их нанимателем, сначала дал ему почитать, а затем отдал его Теодору за пару денариев, которые ему удалось скопить. Бандитского вида тип не увидел, как он признался, практической пользы, так как не умел читать, а Лемку было интересно, и он готов был пожертвовать кровные. Дневник этот, представлявший собой просто набор листов, оказался сборником заметок какого-то путешественника, любителя истории. И сейчас он, в качестве одной из ценностей лежал в тощем старом мешке за плечами парня.

Впрочем, последние слова уже относились к месту, где их ждали. Вернее, ждали тех, кто готов вступить в войска. На древней площади, на которой когда-то устраивали казни, с южной стороны, в тени домов располагался стол с сидевшим писцом в простом кафтане, вокруг которого располагался с десятков иностранных солдат, в кирасах, с алебардами охранявших груды имущества. Ещё пятёрка с мушкетами, но без горящих фитилей располагалась за ними, рассевшись вдоль стены. Выходы с площади также были оцеплены солдатами, которые впускали всех, а уже с площади не выпускали молодых людей с охапкой одежды в руках. Как раз перед нами пришла ещё группа солдат и увела новых своих товарищей по западной дороге, в сторону казарм.

По очереди подойдя и назвав свои имена, расписались или поставили крестики под контрактами, получили сперва стопку монет из 14 серебряных гроссо, или как их ещё называли — большие денары, затем одежду. Так как скоро уже должна была начаться зима, выдали им сразу зимний комплект, который, впрочем, мало чем отличался от летнего, кроме более тёплой шапки, да носков. Для начала выдали кафтан-эпилорикон из толстого сукна с подкладкой. Затем запашной полукафтан, похожий на жупаны работников торговцев зерном из Полонии, чуть выше колен. Выдали пару каких-то коротких штанов, пару холщовых рубах, три пары высоких носков из грубой шерсти, шапку, кусок ткани на кушак. Поверх всего этого

богатства положили пару башмаков из бычьей кожи, подбитых металлическими гвоздями. Надо ли упоминать, что всё это было из самых простых тканей и без единого элемента украшений.

— Следующий! — и следующему выдали точь-в-точь такой же комплект. Ушить одежду предстояло уже им самим.

Евхит, поминая господу, попытался выпросить вместо башмаков сапоги, которые тут же грудой стояли рядом, но был далеко послан весьма далеко, со словами, что нам ещё повезло, что выдали всё по списку и целое. Но уже Месал все же как-то, когда все отошли подальше, сумел вместо кушака получить настоящий кожаный ремень, заработав завистливые взгляды всей кампании. На вопросы как у него это получилось — лишь скалил свои ровные зубы и молчал. Скинув одежду и переодевшись тут же, на холодных и сырых камнях, он сразу стал выделяться на общем фоне, хотя у всех же одна и та же одежда. Но нет. Рядом с ним вторым гоголем смотрелся Сидир, новая одежда которого подчеркнула его разворот плеч. Вот кому одежда не помогла, так это мелкому Илие. Но быстро подвернув всё, и он приобрёл довольно бравый вид. Чувствуя себя очень непривычно в новых одеждах, пристроились на свободном месте, подальше от очереди, которая стояла к писцу и солдатам на раздаче вещей.

От нечего делать рассматривали всех тех, кто собрался на площади, здороваясь со знакомыми. Были тут рыбаки с кварталов Цикловия и Елеферия. Разбойничьего вида тощие личности, зыркающие во все стороны, как будто ожидающие что их сейчас схватят. Приезжие, чьи надежды на лучшую жизнь не оправдались. В этой среде же были недоучившиеся студенты из Магнавра, что в силу или отсутствия денег, или жажды славы прибыли сюда. Выглядящие настоящими монахами парни и мужчины, уверенно подходящие к вербовщику. Зачастую вместе с мужчинами приходили и женщины с детьми, которым мужчины передавали деньги и свою старую одежду. Как правило, это были худые, строгие на вид женщины, не позволяющие себе показать лишних эмоций. И только порой они, или дети, обнимая отца, позволяли пустить слезу.

Были среди пришедших и те, кого выгоняли взащей — сифилитиков, древних стариков, кашляющих кровью, покрытых язвами и струпьями. Таких прогоняли, а если они артачились, то солдаты древками алебард давали понять, что к их словам следует относиться серьёзно. Хватало обычно одного удара. Так произошло с упавшим, и так и не поднявшимся стариком в лохмотьях, которого отволокли за пределы улицы и так и бросили, вернувшись к своим делам.

Отдельно выделялись состоятельные категории — купеческие или комитские дети, что не получали обмундирование, а записавшись и получив деньги, отходили и группировались отдельно. Подошедшие знакомые поделились, что из этих «чистеньких» будут создавать кавалерийские подразделения, что-то типа старых прониатов, или даже клибанариев. Коней у них ещё нет, но должны будут доставить вскоре. И плата у них будет минимум вдвое больше, то есть в месяц они будут получать не менее тридцати гроссо. Традиционная неприязнь жителей бедных западных кварталов к восточным вспыхнула с новой силой. Тут же завязалась дискуссия, насколько новая ромейская конница сможет противостоять окружающим исмаилитам. В общем пришли ко мнению, что первое столкновение для ромейской конницы окажется и последним.

Крики со стороны писца отвлекли их от спора:

— Ну помоги, как эллин эллину, ну чего тебе стоит...

— Я не эллин, я — ромей! И ничего более положенного ты здесь не получишь! — по

знаку писца просителя сопроводили смачным пинком, отправившего его в массу ожидающих сопровождающих.

Те тоже не заставили себя долго ждать. Дюжина солдат отделила не менее сотни новобранцев от сопровождающих и направила их через Елениану и площадь Аркадия, в юго-западный квартал города, Девтер. Там, возле Вторых военных ворот их ждали будущие недостроенные казармы. В постройку которых они, вместе со всеми, тут же были включены.

Если в представлении новобранцев раньше было представление о том, что с первых дней они начнут учиться сражаться, колоть чучела, как они это порой видели через щели в заборе у казарм городских вигл, или отрабатывать прочие упражнения на плацу, то они ошиблись. Но не бузили, так как дело, которым их загрузили, нашло понимание у всех. Дожди всё чаще начинали поливать город. Сбившись в плотную массу в паре построенных помещений, в которых имелись стены, они пережидали потоки воды, а потом отправлялись выламывать камни из старых стен, и таская с портовых складов выделенный им брус. Народу становилось всё больше. Прибывали как завербовавшиеся горожане, так и новые рейсы испано-итальянских кораблей под французским флагом доставляли европейский сброд, с отдельными вкраплениями профессиональных солдат и дворян. Те немногие солдаты, конвоировавшие новобранцев, оказались ветеранами габсбургских и итальянских армий — сержантами, которые в дальнейшем должны были стать их первыми наставниками в военном деле. Они не принимали участие в работах, а только присматривали за порядком и ухаживали за своим оружием и доспехами.

Прибыли и несколько врачей, помощь которых потребовалась ряду неудачников — то камень, то бревно неудачно уронят, раздавив ногу. Возможно, среди них были те, кто хотел отлежаться, пока остальные впахивали. Но их чаяниям не суждено было сбыться, так как одного притворяющегося повесили посреди образующейся площади, на которую выходили коробки казарм. А остальные сильно не обрадовались тем методам лечения, которые к ним применяли эти коновалы. Отрезанные раздробленные ноги закопали на ближайшем пустыре, а выживших рыдающих калек выгнали обратно в город, прежде отобрав часть одежд и деньги в качестве платы за лечение. Выживших, так как некоторые не вынесли таких методов лечения, и старые квартальные кладбища стали пополняться новыми постояльцами. Главное, что все вынесли для себя, так это то, что надо быть вдвойне осторожными и не попадаться к врачам, что не станут утруждать себя лечением своих пациентов.

Но ручеек пациентов к ним всё равно тёк, так как кроме несчастных случаев на стройке были и другие проблемы. Теснота казарм, на одно место в которых приходилось несколько человек, новая одежда, наличие денег на руках, игры в тавли и кости, которые были интернациональны — от всего этого и по ряду других причин вспыхивали конфликты, заканчивающиеся далеко не всегда только синяками да шишками. Не зря писец говорил, чтобы они были благодарны, что им всем выдали полный комплект одежды, так как чем дальше, тем более скудная и ветхая выдавалась новичкам одежда. Новой, не ношенной было уже практически не найти. К тому же, по идее, солдаты разных земель должны были быть разделены по разным казармам. Но то ли из-за того, что жилья не хватало, то ли из-за того, что кто-то посчитал, что ромей и итальянцы — одно и то же, то ли затем, чтобы они познакомились и привыкли друг к другу, то ли из-за банального бардака, но представители разных стран оказались перемешаны.

Шестёрка друзей долго держалась, не встречая в различные конфликты, держась

немного наособицу, но поддерживая знакомых из города. Все остальные, кто не сумел объединиться в группы, банды, шайки, вновь поменяли свою хорошую одежду на залатанные лохмотья, выполняли самую тяжёлую работу и спали на полу у дверей. Конечно, все спали на полу, но хотя бы на циновках, или на охалках сухих водорослей. И однажды вечером, после окончания работы и вечерней кормёжки, придя в свой барак, они увидели шустрого мужичка, первым забежавшим внутрь, который собирал охалки их и соседей подстилки и быстро утаскивал их в сторону. Взревев от такой наглости, Сид подлетел к вору, сбив его ударом с ног и принялся бить ногами. Затем рывком поднял его на ноги:

— Ты, козлийный выблядок, сейчас метнёшься и притаишься назад всё то, что ты отсюда унёс. Ясно?

Воришка, утирая кровавые сопли с лица быстро-быстро закивал.

— Что за собачье дерьмо подняла руку на моего человека? — басовито раздалось у увлѣкшихся расправой парней. Обернувшись, они увидели Анджело Кальколо, одного из главарей итальянцев, а конкретнее — неаполитанцев. Если ещё конкретнее, то по слухам, он со своей бандой промышлял на границе Кампании и Лацио, скрываясь то в одной, то в другой области, пока их не зажали в западню, где предоставили выбор — помереть в бою, а выжившим — каторгу на рудниках или галерах вице-короля, или поучаствовать в богоугодном деле войны против врагов истинной веры. И, конечно же, если они выберут второй вариант, то все их грехи, совершённые до сей поры, будут отмолены. Ну и никто не будет возражать, если доблестные защитники веры привезут частичку богатств проклятых исмаилитов и еретиков на родину. Перед таким выбором не нашлось отказавшихся отправиться в небольшой крестовый поход. А так как отправились они, можно сказать, добровольно, то и была возможность захватить с собой кое-какие вещички. Сейчас этот здоровяк, ростом не ниже шести футов, был больше похож на какого-нибудь аристократа в своём коричневом дублете с пышными плечами, короткими штанами и светлыми чулками, подвешанным кошельком и небольшим кинжалом на поясе. Шпагу, набивные штаны — плундры, и воротник по моде — и не отличить от средней руки дворянина.

— Твой человек — вор! И за деяния свои он был наказан. Каждому да воздастся по делам его. — встрял тут же Евх.

— Это мой человек, и руку на него могу поднимать только я! А не каждый, кто о себе тут что-то возомнил! — берет на кудрявых волосах здоровяка закачался, грозя упасть. — Бей их!

Взявшие обворованных в полукольцо неаполитанцы ринулись с кулаками в бой. Сид кинулся на Анджело. Лемк сцепился с одним из его подручных, по имени Бальдо. Бальдо был мельче и оказался заметно слабее, а потому сперва поймав его пальцы, он постарался выгнуть их до хруста в другую сторону, а затем пнул в пах, переключившись на помощь парням, которые отбивались от гораздо большего числа соперников. Четверо молотили Петра и Илию, и именно на помощь к ним бросился Лемк. Удар кулаком в затылок одному и вот они уже урвнены в числе, если бы сзади Теодора не пнули под колено, а потом в спину. Слетев с ног и покотившись кубарем, он откатился под ноги нападавшим на Петра, дав тому возможность провести чёткий удар в висок одному из противников, отправив его в беспамятство. Пока вставал, увидел как Месал, кривя в усмешке окровавленный рот и больше похожий на какого-нибудь кровососа, с маху бьёт головой своего противника в каменную стену. Михаил размахивал непонятно откуда взявшейся сучковатой палкой, нанося удары перед собой куда придётся.

Драка разгоралась, входящие в бараки тут же подключались к одной или другой стороне, смотря откуда они были и с кем до этого уже успели поспорить. Первый натиск, находясь в меньшинстве, с трудом, но удалось остановить. Банда Анджело не пользовалась большой популярностью, и хоть их и был не один десяток, остальных было гораздо больше, а потому итальянцев постепенно начали теснить. Из-под ног дерущихся достали Юхима, находящегося в полубессознательном состоянии. Кто первым достал ножи было непонятно, но вот уже в разных местах появился блеск стали, крики и стоны раненых. Лемк тоже достал свой нож, истончившийся от долгого использования. Он несколько лет назад забрал его в одной драке с одним подростком, и это была его первая ценная добыча в жизни. И сейчас он ему сильно пригодился, когда крича, его пытался заколоть очередной противник. Тот, сделав выпад, попытался воткнуть свой кинжал ему в живот. Отпрыгнув в сторону и пропустив его руку мимо, Теодор, держа нож обратным хватом, ударил его сперва в плечо, а затем ударил в шею. Кто-то толкнул раненного врага и тот упал на пол, под ноги Лемку.

В какой-то момент всё резко прекратилось — враги, тяжело дыша, вытирая кровь и пот, откатились в разные стороны, выставив руки с кинжалами и ножами, и держа друг друга на расстоянии. Те, у кого не было острого, из-за их спин посылали страшные проклятья на головы противоположного лагеря.

Но, кто-то видно сообщил главным, и через широкие двери стали врывать солдаты, раздавая удары направо и налево, отчего вновь начался хаос. Предвидя опасность, Лемк скинул окровавленный нож под ноги. Ветераны, как волна мусор, заставили всех выместись во двор. Те, кто мог идти, заковыляли вслед за всеми. В их казарме остались лишь десяток тел, половина которых ещё тряслась. Несколько десятков одоспешенных солдат построили их на площади в несколько шеренг, прошлись, обыскивая по рядам. Нескольких человек, у которых были найдены ножи и сами они имели следы крови на одежде, вытолкали в группу отдельно.

Пока это всё происходило, прибыл хартуларий, местный главный начальник, Пётр Гарид, которого за неполный месяц они видели несколько раз и мельком. Он считался главным над всеми новобранцами, так как формирующийся лагерь находился на территории города. Вместе с ним прибыл Хорхе Мартинес де Лара, четырнадцатилетний парень, сын вице-короля Неаполя, считающийся вторым человеком, главный над всеми иностранными «добровольцами». За его правым плечом возвышался Никколо да Мартони, человек его отца, молодой, но уже ветеран Фландрской кампании. Вот он и являлся фактическим главой лагеря. Зная итальянский и испанский языки, ему их было достаточно для того, чтобы отдать необходимые приказы как своим, так и чужим сержантам, младшим офицерам, а также присутствующим комитам ромеев.

Хартуларий Гарид, разительно отличавшийся по внешнему виду от строгих костюмов испанцев, блестя золотой вышивкой на солнце, прошёлся вдоль строя замерших новобранцев, сопровождаемый несколькими разнаряженными молодыми людьми и не торопясь подошёл к Мартинесу де Лара и да Мартони, обратившись ко второму на староимперском:

— Мой любезный друг, я вижу, что здесь произошло ужасное преступление. Хвала Господу Богу, что я оказался рядом и успел приказать пресечь творившееся убийство. Но также я вижу, что тут замешаны и ваши соотечественники. Поэтому я доверяю разбирательство этого дела в ваши руки, будучи абсолютно уверенным, что вы наведёте должный порядок, который будет соблюдаться и впредь.

Может оно сказано было и не совсем так, но Теодор, замерший в первом ряду, в силу своих куцых нахватавшихся знаний уложивший в своей голове эту речь как-то так.

Раскланявшись с хартуларием и уверив, что всё непременно будет сделано в лучшем виде, испанцы обменялись ещё фразами на итальянском:

— Никколо, этот ромей хочет чтобы мы сами тут разобрались, да? Что мы будем делать?

— Да, мой господин. Начальник лагеря хочет, чтобы как и до этого, он не касался никаких вопросов. А делать мы будем самую полезную вещь для восстановления дисциплины — вешать!

Услыхав последнее слово, «аппендере», пара сотен слегка заволновалась, выйдя из лёгкого ступора, возникшим при виде такого количества знатных людей. Но да Мартони, к которому младшие чины обращались «мой капитан» вышел вперёд и начал медленно выговаривать:

— Я раньше не представлялся вам, поэтому сделаю это сейчас. Я капитан Никколо да Мартони, офицер великой и непобедимой армии Его Величества короля Испании Филиппа Третьего. Вы все явились сюда, так или иначе добровольно, чтобы стать воинами, солдатами, которые будут защитниками нашей святой веры. Отрадно видеть, что вы не боитесь вида крови и вы жаждете её проливать. Печально, что это кровь ваших товарищей, которые в будущем могли бы прикрыть вас от меча сарацин. Поверьте, у вас будет ещё немало способов отдать свою жизнь. Вы должны понимать, что тех, кто убивает моих солдат и вас, которые этими солдатами только готовятся стать, я считаю своими врагами. А к своим врагам я отношусь без всякого снисхождения.

По его команде солдаты вытащили тела из казармы. Шестерых испустивших дух и четверых ещё живых. Своего заколотого противника Теодор среди тел тоже признал. Пока того тащили, за ним оставался широкий след почти чёрной крови. Капитан продолжил:

— Я буду считать этих неудачников, — он ткнул в стоявших отдельной группой новобранцев — пойманными на мете преступления. И отнесусь к ним так, как следует относиться к преступникам. Надеюсь, вы перестанете убивать друг друга. Если нет, то я буду вешать оставшихся до тех пор, пока вы все не кончитесь. Возможно сейчас кто-то меня не понимает, но по вашим лицам я вижу, что хватает знающих людей, вы доведёте до своих товарищей то, что я сказал.

После чего развернулся, отдал ещё несколько команд и ушёл.

Ветераны, матерясь, начали раздавать команды. Трупы, взяв за руки-ноги, потащили на кладбище. Раненых — к врачам. А шестёрку несчастных, озирающихся и зовущих на помощь товарищей — на виселицу, где без всяких построений и присутствия высокого начальства, только под взгляды их друзей, не решившихся вмешаться, они и были повешены под команды одного из ветеранов.

Все друзья Лемка выжили в этот день. Если у них и было оружие, то они догадались его сбросить. Но пережил этот день и Анджело, с большинством своей банды. И то, какие они бросали взгляды на ромеев, не оставляла никаких надежд, что рано или поздно они продолжат прерванные выяснения отношений.

И таких банд, как у Анджело, которым дали возможность искупить свои грехи на родине и подзаработать, было немало. Корсиканцы Джованни Фонтоне, генуэзцы Неро Тафура, кастильцы (или как их порой продолжали называть по старым источникам ромей — кельгиберы) Пабло Магро, Рикардо Маннай, ломбардец Маттео Андреоли. От калабрийцев

— Роберто Бевилаквa, от сицилийцев — Джузеппе Кольтелло и Антонио Маттоне. Это те, про кого услышали в своей и в ходе общения с новобранцами соседних казарм. А были и арагонцы, баски, португальцы и другие. Многие из той алчной толпы бродяг, азартных игроков, скрывающихся от кредиторов должников, авантюристов, попрошайек, воров, нищих дворян, отставных солдат, наивных мечтателей, слышавшие, какую добычу когда-то взяли латиняне во время четвёртого крестового похода в землях схизматиков и надеявшиеся, что и в этот раз уже им будет чем поживиться. И они, чтобы противостоять в пути уже сложившимся группам бандитов, также сбивались в свои стаи, уже не столько защищаясь, но и грабя тех, кто оказался в меньшинстве или слабее. Нищие ромеи, массово записывающиеся в войска в поисках лучшей доли, тоже не надеялись только на самих себя.

После этого столкновения их казарму, почти четыреста человек, уже не отправляли на стройку, а занялись их обучением. Первое время их разбили на пару кентархий или рот, как их называли иностранцы. Конечно, в них было гораздо более сотни будущих солдат, но как шутили ветераны, начавшие показывать им азы, в первом бою их число дойдёт до нормы. Только шутили ли они...

Кентархии поделили на отряды — полулохи, взводы по пятьдесят человек.

— В нормальной армии, например, армии Испании, да хранит её Дева Мария, — крестился слева направо один из их командиров, господин Уго Падилья. — взводы вполовину меньше. Это нужно, чтобы на поле сражения было гибко управлять всеми людьми, быстро реагируя на опасность с той или иной стороны. Потому что противник не дурак, он не всегда прёт равно в лоб на выстрелы и острия пик.

Обращение «господин» — это был их первый урок. Кто забывал, как следует обратиться, тех избивали, на второй раз не выдавали порции пищи всему полулоху, на третий раз — всё подразделение учило тупого, четвёртого раза не бывало. Одного принципиального придурка просто удавили, всем отрядом честно подтвердив, что он просто поперхнулся и задохнулся.

Первое время занято было лишь построениями и перестроениями. Очень непростая задача для разноплеменного войска, слушать и вовремя всё выполнять. Перестав из раза в раз наткаться на соседей, собираться в толпу, их поделили на тех, кто будет основой всего войска — пикинёрами, они же контарионы, алебардистами и стрелками-скопелфтами (они же — моливденолы).

Любые разговоры в строю наказывались. Сержанты не уставали наказывать тех, кто не умел держать язык за зубами.

— Сейчас ты болтаешь языком с соседом, мешая всем услышать команду. Потом в бою орёшь от страха, а потом вы все подыхаете из-за этого, тупая скотина!

В то время, когда их стали обучать обращению с оружием, все казармы были построены. И даже оставалось довольно много мест. Но с топливом было тяжело, и потому было, хоть и всего пару раз, когда в сырые, холодные и ветреные декабрьские ночи они грелись только прижавшись друг к другу. Это было настоящим испытанием. Но днём такой проблемы было мало — им практически не давали возможности отдыхать, видимо опасаясь того, что, если у них будет много времени, они опять возьмутся за ножи и начнут резать друг друга, уменьшая поголовье солдат, в которых уже вложены кое-какие средства.

После постройки казарм и все остальные начали свои тренировки. В это время первые роты уже отрабатывали отдельно приёмы с оружием — пикинёры-контарионы и стрелки-скопелфты по отдельности. Теодора сперва определили в контарионы, выдав частичный доспех из шлема — кабассета и панциря, ну и пику вручили, почти 17 футовую длинную заразу, неудобную, с металлической «пяткой» и коротким, толстым кинжальным лезвием, с хорошо окованным лезвием на пару футов возле острия. Ветераны показывали, как правильно держать пику, как левой толкать, а правой направлять в лицо или тело противника, которых изображали деревянные чурбаки. Показали и как правильно встречать конницу, вздумавшую атаковать их лоб — упирать пятку пики в землю, придерживая правой ногой, удерживая пику левой рукой, а правую держа наготове для меча или другого

короткого оружия, которое им ещё не выдали.

— Встаньте плотнее, сволочи! Чем плотнее вы стоите, тем меньше шансов у врагов проникнуть в ваш строй! Потому что если один, а за ним другой и третий проникнут через вас дальше, то всем вам конец! Им только дай шанс — они вас всех порубят в рагу! Что? Вы не знаете, что такое рагу?! Господи, эти идиоты издеваются?

Но когда перед их строем вызвали пару добровольцев покрепче для перехода в скопеды, он одним из первых попросился. Ветеран, что уже несколько дней занимался их обучением, подтвердил, что он вполне крепкий и вроде даже не самый тупой парень. Поэтому, сдав оружие и доспех, он перешёл к стрелкам. Вытянуло его вперёд любопытство. Пока они учились тыкать своей пикой под ругательства командиров, там, в стороне где обучались стрелки, постоянно что-то грохотало. За свою жизнь Лемк примерно понимал, что такое огнестрельное оружие, но близко с ним сталкиваться совсем не приходилось. Ни у одних из грабителей и разбойников в западных кварталах ничего такого не было. Да и оказаться в стрелках, значило не таскать на себе тяжёлый панцирь и неудобный шлем. Он, конечно, понимал, что они должны его защищать. Но вроде им должны были ещё что-то выдать. Опытные люди говорили, что стрелки в других странах, в той же Венеции, к примеру, тоже носили защиту — лёгкие шлемы, корацины или ещё что-нибудь. Ещё довод — стрелки в случае опасности ближнего боя, всегда должны были отходить за спины контарионов и алебардчиков, что, по мнению самого Лемка, должно было повысить его шансы на выживание. Ему, конечно, нравилось представлять себя в доспехе, как на изображениях святого Фёдора Гавраса, или как в книги рыцаря Бусико, лучшего из рыцарей! Но он уже не раз видел, что такое смерть. И сам уже перечеркнул жизнь одного человека, взяв на себя роль мойры. И он понимал, для того, чтобы стать хоть немного похожим на своих героев, надо очень много знать, а значит быть живым. Но не быть трусом, конечно же. В общем, стрелки — это те же солдаты, а потому смелость там тоже необходима.

Примерно такие мысли витали в голове у Лемка, когда он переходил к скопедтам, тренирующихся ближе к четвёртым военным воротам. Возле самих ворот мало что изменилось — осыпающиеся стены, пробивающаяся в дороге трава, кустарник вдоль стен, запертые ворота, которыми не открывали уже множество лет. А вот домишек, что тут стояли, уже не видать. Разваливающихся инсул и огородов тоже не видать. Вместо всего этого здесь были образованы утопанные площадки прямоугольной формы для стрельбы, со сторонами примерно в стадий на стадий с половиной. Вокруг площадки — всё те же бараки. Виднелся угол барака под больницы. Хоть таких стрельбищ было не одно, команды стрелков стреляли по очереди, на одного стрелка отводя один-два выстрела. Всё остальное время проводя в тех же построениях и выучиванию всех этапов заряжания и стрельбы, но без самой стрельбы. Немало времени в совместных построениях в составе кентархии-роты и полулохов-взводов отводилось на перестроения в линии (или шеренги, как говорил его новый учитель у стрелков, ветеран-сержант габсбургской армии Восточных земель Герберт Бауман), по восемь-десять линий по двадцать, двадцать пять человек в кентархии и более малочисленные четыре — пять линий, по десять — двенадцать человек в полулохе. Основное, что им следовало научиться делать совместно, как подразделению — разворачиваться в составе своих отрядов на поле, вести бой по-линейно, организованно отходить под защиту бойцов ближнего боя. Бой скопедтов представлял собой так называемый «контрмарш». То есть первая линия, выйдя вперёд и выстрелив по команде, уходила за другие линии, начиная перезаряжать свои фитильные ружья. Когда все шеренги

впереди них отстреливались, то подходила вновь их очередь. Если впереди в шеренге кто-то оказывался ранен или убит, то его место занимал стоящий за ним боец.

Так как Теодор присоединился уже в относительно слаженное подразделение, то первое время ему приходилось трудно, не раз получал он удары палкой от разгневанного сержанта за медлительность или поспешность. Но шли дни, и он постепенно вливался в общий ход действий.

Новое снаряжение состояло из сумочки с мешочком свинцовых пуль, войлочных кружочков-пыжей, зарядницы с одним видом пороха и рожка со вторым видом пороха, перевязи-бандольеры с подвешенным к нему десятком отмеренных пороховых зарядов на выстрел в деревянных коробочках, и, конечно же, сам мушкет. А так как он был довольно тяжел, из-за чего через какое-то время руки уставали и с трудом можно было куда-то попасть, то к нему же шла лёгкая сошка — большая буква Y, в которой ножка была окована металлом и была острая, чтобы её можно было воткнуть в землю.

Самым сложным оказались приём зарядания фитильного ружья.

— Отделяй фитиль! — орал сержант Глэкнер.

Все, держа оружие в левой руке, отделяли фитиль.

— Порох!

Насыпать порох в ствол.

— Пыж!

Вытащить первый пыж из мешочка и закинуть его в ствол.

— Шомпол!

Вытащить быстро и аккуратно деревянный пруток — шомпол и утрамбовать.

— Пуля!

Вытащить свинцовый шарик, закинуть в ствол и утрамбовать шомполом.

— Пыж!

Вытащить второй пыж и закинуть в ствол. Утрамбовать. Убрать шомпол.

— Порох!

Открыть полку и высыпать на неё пороха из рожка, закрыть, наклонить, сдуть лишний порох.

— Прикрепить фитиль!

Всё это время удерживаемый горящий шнур, пропитанный селитрой и ещё чем-то, был зажат между пальцами левой руки, которая удерживает и мушкет и лёгкую сошку, так как не всегда куда есть её воткнуть. Основная часть фитиля намотана же на кисть левой руки, так как он всё же прогорает и надо иногда отматывать его дальше. А ещё желательно, чтобы горели оба конца фитиля, так как не уследив, огонь мог потухнуть.

Прикрепляешь в специальный зажим — серпентин — фитиль. При этом примерившись, чтобы он достал до полки с порохом.

— Целься!

Ставишь сошку, укладывая на неё мушкет. Наводишь на стоявшие в ряд деревянные чурбаки, выбрав тот, который напротив.

— Стреляй!

Нажимаешь на курок, поднося фитиль к пороху. Отворачиваешь голову, чтобы воспламенившийся порох не попал в глаза не ослепил и не поджжёг волосы. Мушкет дёргается к тебе и вверх, с силой толкая, или даже лягая, в плечо. Тут желательно вновь прочистить ствол, чтобы он не забивался нагаром и не оставалось горящих остатков.

И всё это было опасно. Одному молодому парню искры всё же попали в глаза, и он стал плохо видеть одним глазом, но самый неприятный момент был, когда у другого разорвался ствол от выстрела, оторвав пару пальцев и ухо неудачливому стрелку. Поэтому все старались внимательно следить за состоянием своего оружия, потому как на этом примере они ясно убедились, что неизвестно как удастся поразить противника, но вот самому пострадать можно серьёзно.

Всё это выматывало. Постоянно носить это фитильное ружьё и сошку на плече, если совершаешь перестроения. Тяжёлый мушкет после дня таких упражнений казался каким-то проклятьем. Ещё — в городе вскрыли арсенал, где хранились запасы для тех армий, что когда-то были у империи и которые не продали в тяжёлые времена — скорее всего из-за того, что это оружие никому не было нужно. И выдали стрелкам их оружие для ближнего боя, чтобы резать и рубить врагов, когда уже не выстрелишь или когда придётся идти в бой в других условиях. На штурм, к примеру. На слова одного из новобранцев, что штурмы — это же дело других, не стрелков, пожилой солдат лишь весело рассмеялся, отчего всех передёрнуло и ответил, что на войне бывает всё что угодно. И вот, в качестве такого клинка Теодору выдали парамерион! Этот меч или сабля когда-то стояла на вооружении как тяжёлой пехоты — skutатов, так и знаменитых катафрактариев. Но ведь сколько времени прошло с тех времён! Можно смело утверждать, что уже идёт другая эпоха.

Длиною три фута, с широким у эфеса клинком, сужающимся и слегка изогнутым. К нему даже шли ножны, которые вполне неплохо сохранились. Они не рассохлись, так как хранились они прямо в доверху заполненных бочках, залитых маслом. Эти бочки подвезли к ним на площадку и тут же вскрывали. Но что тут только не попадалось порой, кроме парамерионов и акуфии, спаты, тесаки, сабли всех видов, а также корды. Последних было больше всего, непонятно каким образом у торговцев их оказалось довольно много, и по приказу великого логофета они были выкуплены все. Недалеко насаживали на древки оружие для алебардистов. Причем там были не только алебарды, но и ронконы, фашарды, глефы, вузы — в основном привезённые латинянами. Этим оружием снаряжали тех, кто должен был стоять за пикинерами и рубить всех, кто смог через них прорваться. В последние дни только им стали снаряжать тех, кто всё прибывал, желая оказаться в составе возрождающихся сил империи. Всё оружие было в разном состоянии, от пригодного для применения в бою хоть сейчас, до ржавых и тупых, без ножен, над которыми предстояло ещё предстояло провести много времени, приводя в пригодный вид. Чем многие и занялись в свободное время, которого было всё меньше.

Впрочем, ручеёк добровольцев уже почти иссяк. Корабли из испанского Сан-Лукар-де-Баррамедра, ставшего местом тех, кого вербовали на полуострове, уже не прибывали. Когда стало теплеть, стали прибывать организованные группы наёмников. Но не тех вышколенных, великолепно выглядящих, тренированных бойцов, как императорские этериоты, а во многом их противоположные группы. Это был сброд всей Европы — гасконцы, шотландцы, унгары, влахи, мунтяне, алеманы и швабы — немцы, как их порой называли, и представители других народов. Они шныряли по улицам города, пили, играли в кости, затевали драки с жителями города и между собой, хвастались тем, сколько они уже убили и сколько убьют, награбят на грядущей войне. Не зря же здесь собирается такая армия, которую в мирное время трудно прокормить и более богатому государству. И, по их словам, им и деньги за службу можно не платить, лишь оставив им право на всю добычу, ими взятую.

В начале марта все сформированные кентархии перемешали, постаравшись установить

относительно равное количество бойцов в них. В их кентархии оказалось почти сотня стрелков, восемьдесят контарионов, и всего около пятидесяти алебардистов, считая с сержантами, это считая с несколькими офицерами, повышенными в чинах из сержантов. Также было пару слуг из городских пацанов, обслуживающих офицеров. Их с радостью отдали их семьи за плату мальчишкам в виде кормёжки из общего котла. Но такое количество стрелков оставили только в первых сформированных ротах, в остальных было до половины меньше. Их кентархию возглавил Герард Дипар, бывший помощник знаменитого Филиппа Каньядеса, успевший послужить в основном в галерном флоте Сицилии. Но как выяснилось, опыт управления пехотным подразделением у него был, сформированный, как поделился его слуга, за счёт столкновений с магрибцами и налётов на их земли и попытками установления власти Испании в прибрежных городах при Филиппе Втором.

Несколько кентархий вошли в состав турмы под командованием Томаса де Вальверде, ещё одного островитянина. Бывший владелец собственного корабля, имевшего несчастье столкнуться с исмаилитскими кораблями, жаждал отомстить всем сарацинам и поправить свои финансовые дела. Здесь уже были несколько музыкантов — трубачей и барабанщиков. Четыре друнгрии образовали турму, под командованием маркиза де Виллаба, сына Сицилийского вице-короля. Из-за большого количество выходцев с острова, их прозвали Сицилийская турма или Сицилийский полк.

Вскоре после всех этих перестановок их повели на первую боевую операцию. Действовали совместно несколько сформированных турм, совместно с турмой виглов города под общим руководством Франческо де Медина, командиром одного из полков и Кирилла Стипиота, главой виглов, по просьбе великого логофета Анастасия Хинтила. Задача их состояла в том, чтобы оцепить районы, в которых располагались трущобы и никого не выпускать оттуда, пока вооруженные алебардами солдаты обыскивали дома в поисках скрывающихся от службы людей. Просто оказывается, пока шла их муштра, василевс Андроник IV издал указ, по которому жители города подлежали обязательной службе. Это касалось не всех — представители гильдий, слуги, торговцы, чиновники освобождались от вступления в формируемые части. Конечно, это многим не понравилось и как всегда, привыкшие к определённым вольностям жители не стремились выполнять указ. К тому же, количество преступников здесь всегда превышало число законопослушных граждан. Но сейчас в городе стояли части, которым как раз требовалась операция, в которой можно было проверить, чему они научились за последние месяцы. Ну а город мог избавиться от беспокоящих его людей, да не просто, а с тройной пользой — и новые солдаты, и уровень преступности снизится, и солдаты в хоть в каком-то деле обкатаются.

Полулох, в котором состоял Теодор, занял один из перекрёстков, исправно выполняя приказ. Примерно половина солдат отдыхала, пока есть возможность, вытянув ноги, пока их товарищи их сторожили. Стояла относительная тишина, лишь на соседних улицах раздавался крик, и время от времени грохот выламываемых дверей. Зажжённые фитили дымились, а голова Теодора, которому очень не хватало сна, отчаянно сопротивлялся тому, чтобы не уснуть. Должность гемилохита исполнял злобный Глэкнер, который после отработки приёмов с мушкетом, требовал от них заниматься с выданными клинками, показывая, как правильно наносить удары и отбивать их. Помимо этого, он требовал, чтобы они держали одежду и жильё в чистоте, и после скудного ужина они стирали, скребли, вычищали. А какое-то время назад придумал новую вещь — заставлял по очереди надевать на себя доспехи контарионов и бегать в них. Проклятые железяки гроыхали и скрежетали,

подкованные башмаки стучали по утрамбованной земле и камням и грозили уже развалиться, пот заливал глаза, ремешок шлема врезался в подбородок, шлем раскачивал голову, лёгкие разрывались от желания вздохнуть побольше воздуха, ноги горели и заплетались. Бегать заставлял по десятку солдат одновременно. И пока одни приходили в себя, другие молились или с ненавистью исподтишка поглядывали на младшего офицера. Но что-то сказать ему или уж тем более сделать не рисковали — эспонтон, символ власти гемилохита, в его жилистых руках был не только украшением. Им он раздавал увесистые удары, показывая, что нерадивых учеников он может с лёгкостью прибить. Поэтому такую «прогулку» в город Теодор воспринял с радостью, и теперь наслаждался отдыхом, стоя задремав. Лишь время от времени подвигал фитиль меж пальцев дальше, чтобы не обжечься.

Дремал, пока с соседней улицы, где ломали двери, не раздались уж больно громкие крики, рёв команд. Грохнул залп выстрелов. Все встрепенулись, лежащие подскочили, строясь в шеренги, готовясь прийти на помощь. Стрелки вперёд, пикинёры и остальные позади. Но не успели они ничего сделать, как из-за угла, метрах в тридцати, выбежали пять лохматых, окровавленных мужчин, держа в руках длинные ножи.

— Бросить оружие и стоять на месте!

Несмотря на команду, отданную с ужасным акцентом, беглецы решили рискнуть и пробежать на другую улицу.

Глэкнер был быстр:

— Целься!

И не успел Лемк вскинуть мушкет на сошку, как:

— Пли!

Не успев прицелиться, только наведя ствол в ту сторону, нажал на рычаг, опуская фитиль на пороховую полку. Более десятка выстрелов первой шеренгой. Грохот, сноп искр, клубы дыма. Отойдя назад, перезаряжая, увидел, как сквозь дым виднеются тела двух лежащих один на другом. Третий, отползая на руках, затих недалеко. Потом Теодор посмотрел на тела. Тяжёлые мушкетные пули, способные пробивать доспехи тяжёлой пехоты, пробили тела насквозь, оставив страшные развороченные раны. Пулям было без разницы — мясо или кость, они прошли через всё с одинаковой лёгкостью, пролетев улицу и сплюснвшись о стену. Глэкнер, походил вокруг трупов, перевернул один из них, что-то бурчал и пыхтел. Но мы, уже немного знавшие нашего строгого гемилохита, понимали — он был доволен нашим залпом.

Это было единственное серьёзное происшествие. Немец объяснил кентарху что произошло. Потом отряд перевели на конвоирование новых солдат империи в их новое место пребывания. Ещё пару дней они прочесывали другие районы, но таких происшествий, оканчивающихся смертями, больше не было.

А потом вновь началась муштра, не давая ни капли лишнего времени. И больше отработывали действия совместно всей своей пехотной турмой. Учились действовать на поле боя подобно испанской армии, считающейся лучшей армией. Перестраивались в один или несколько квадратов — каре. В один — когда стрелки в случае опасности отходили под защиту пикинеров-контарионов, оцетинившихся своими пиками и принимавшие основной удар. Основное построение — когда плотное центральное каре пикинеров-контарионов по углам окружали несколько малых каре стрелков, в основном аркебузирова, по пару сотен человек. Мушкетеры выстраивались по фронту перед каре контарионов, имея на флангах аркебузирова. «Задние» малые каре стрелков были резервом, выходили вперёд в случае

перегрева стволов у ведущих бой или обстреливали противника, угрожающего с флангов, при попытке окружения. Основная проблема — при движении вперёд строй начинал рваться, что было недопустимо. Все были измучены, но каждый раз выходило не очень хорошо.

Наступил май. Стало не просто тепло — стало жарко. Война должна была уже вот-вот начаться. Все это понимали, это буквально ощущалось в воздухе. Их стали меньше водить на стрельбище — экономили порох. И если и стреляли, то только местным, который был не такой хороший как привозной. Его приходилось больше закладывать в заряд.

Солдаты с нетерпением ждали когда наступит приказ выступать из опустылевшего города, из этих окружающих со всех сторон стен. Не надо было объяснять против кого была собрана армия. Выбор не особо велик, соседей не особо много — в первую очередь это лежащий на востоке Анатолийский султанат, находившийся по другую сторону Пропонтиды, омывающей город. Он же Бурский, по названию столицы, или Азиатский султанат. Могущественное государство, пожалуй, сильнейшее из исмаилитских, покорившая множество бывших провинций ромеев, со сворой мелких вассалов контролировала всю территорию Восточного Средиземноморья, часть кавказских народов, Месопотамию, Аравию, Египет — Миср. Не раз покушавшиеся на Город государство, которому мешали только его западные «братья». Но последние несколько лет оно переживала тяжёлые времена — доносились слухи о мятеже в Египте, горело восстание Чёрного Писаря на востоке Анатолии и Сирии, к которому присоединилось множество тимариотов и джебелю, недовольных лишением их земли и низкими денежными выплатами, а также ряд сирийских племён, и даже правителей ряда санджаков. Да ещё их восточный сосед, молодой и резвый шах Персии Аббас с интересом присматривался ко всем этим делам, желая вернуть ранее отобранные у его страны земли и приобрести что-нибудь ещё.

Но никто не думал, что придётся воевать с ними, тогда бы испанцы и другие латиняне не оказались здесь. Ну, по крайней мере не в таком количестве. А вот узнав на чьи деньги это всё организовано, можно было с лёгкостью ответить на поставленный вопрос. Первую часть выделил незадолго до своей смерти Филипп II — испанский, сицилийский, неаполитанский и португальский король, герцог Нидерландов, фанатичный католик, пытавшийся уничтожить всяческое инакомыслие, ведущий многолетнюю борьбу с мятежными голландцами, которые были не менее упорными протестантами и ввергнувший свою страну в пучину долгов, не раз объявлявший банкротство. Но это не мешало ему параллельно помогать католикам в других странах деньгами, оружием и солдатами — участие в гражданской войне во Франции, правда закончившейся для него неудачно с приходом к власти Генриха IV, и мятежу графа Тирона в Ирландии против английской королевы Елизаветы, где пока всё идёт успешно для ирландцев. Насаждение католичества, распространение своей власти, ослабление врагов, борьба с досаждавшими пиратами на море — вот цель короля Филиппа II в деле помощи Городу. Каким образом насаждение католичества? Потому что в этом деле, деле помощи, поучаствовал и Папа Римский, повелевший отдать доходы, идущие с церковной десятины южных и юго-восточных земель Священной Римской империи и части итальянских государств на борьбу с исмаилитами Румелии и на помощь христианам Востока. Взамен он требовал то, что продвигали его многочисленные предшественники ещё чуть ли не с XI века — подтверждение ортодоксами Востока главенства преемника апостола Петра и заместника Божьего Сына, то есть его главенство в вопросах веры. Почему же именно в том году, в 1598 году они, и король, и глава католиков, предприняли столь активное участие? Потому что их активно просит о помощи

Рудольф II, император Священной Римской империи, король Германии, Богемии, Унгарии, эрцгерцог Австрии, ведущий уже более пяти лет кровавую войну и с румелийцами, и с силистрийцами, и в которой он пока проигрывает. А Рудольф II — представитель другой ветви одной династии, что и Филипп II — Габсбург, активный сторонник католицизма.

Поэтому все понимали — удар придёт по Румелийскому, или по Силистрийскому султанатам, а скорее вести войну придёт одновременно с двумя государствами, которые являлись на данный момент союзниками. Эти государства, появившиеся в XV веке, контролировали не менее гигантскую и богатую территорию, чем их «восточный» брат. Румелия, которая образовалась после распада земель Баязида I, на данный момент сокрушившая и покорившая территории бывших Фессалоник, Албании, Морей (Пелопонесса), Хорватии, Сербии, Македонии, Боснии, Стримона, частично Болгарии, Хорватии, Унгарии, с находящейся в вассалитете торговой Рагузой. И Силистрия, которая включала в себя часть Фракии, Македонии, большую часть бывшего Болгарского царства, частично Унгарии, Добруджу, владеющая ключевыми крепостями на побережье Чёрного моря, контролирующая в качестве вассалов Семиградье — Эрдей, Валахию, Молдавию, кочевые орды северного Причерноморья, включая сильнейшую из них — Крымское ханство. И время было подходящее — все силы их были направлены на борьбу с Австрией, которую они успешно теснили. Но Рудольф и его советники зря времени не теряли. Помимо сколачивания коалиции против своих врагов на востоке и юго-востоке, он засылал эмиссаров в султанаты, убеждая покоренные народы поднять восстания, обещая всестороннюю помощь. И отклик был! Первыми восстали сербы в Банате, затем в других частях старого королевства. Через год совместно выступили албанцы и сербы в Бърдо Албании. Через два — восстание в Герцеговине. Было неспокойно в Ларисе и Морее. В прошлом году началось восстание в Тырнове и ряде других болгарских городов во главе с Тодором Балиным, владыкой Дионисием Рали и торговцем Джордичем, а также многими другими. Они объявили о создании Болгарии под руководством Шишмана III, поддержанное объявившим о независимости господарем Валахии Михаилом (или Михаем) по прозвищу Витязул, то есть Храбрый, успевшим уже разбить под Кулугэрани исмаилитскую армию, втрое превосходящую его силы и устроивший несколько рейдов в Подунавье, грабя и выжигая всё на своём пути. Причем, грабили всех, а не только сарацин. Правивший в Семиградье Жигмонд Батори, и подбивший Михаила на восстание, так же заявил о переходе на сторону Габсбургов.

И действительно, ситуация такая, что практически окружённые со всех сторон врагами, султанаты не могли долго продержаться, и скоро от государств этих пришельцев, захвативших исконные мессииан, не осталось бы ничего, кроме пепла. Но не всё оказалось так просто. Из-за несогласованности, выступлению не всех сразу, а поодиночке, они дали возможность исмаилитам перебрасывать силы туда, где это требовалось. Восставшие не доверяли друг другу, зачастую не помогая оказавшимся в тяжёлой ситуации товарищам по борьбе. Дамат Ибрагим-паша, разбил австрийские войска под руководством наследника Маттиаса и фельдмаршала Миклоша Пальфи под Керестешем, отчего те уже почти два года не предпринимали никаких активных действий со своей стороны. Семиградский князь, видя, что всё плохо, решил отдать свои земли Рудольфу II, в обмен на княжество в более безопасном месте с доплатой в пятьдесят тысяч талеров. Но Рудольф II, введя войска в Семиградье, отказался платить. На что Жигмонд выгнал сначала австрийцев, потом нанёс удар по вторгшимся отрядам силистрийцев. А теперь он собирался передать власть своему

брату Андру, кардиналу и гранд-мастеру Ордена Дракона, на условиях, что Семиградье выйдет из войны, которое исмаилиты активно поддерживают. Теперь уже Рудольфу приходится собирать силы и против семиградского князя.

Видя, как их враги заняты этими выяснениями отношений, у султанов оказались развязаны руки для борьбы с внутренними восстаниями, что они и начали исполнять, заливая кровью Сербию, Герцеговину, Болгарию. Муфетиш Ахмед устроил засаду, в ходе которой перебил костяк болгарских гайдуков, захватил Шишмана и почти всё руководство. Шишмана отослали в Белград, где с него прилюдно сняли кожу. Сербский воевода Грдан, уйдя в горы с остатками войск, обнаружив что австрийцы и семиградцы Батори тоже не спешат ему на помощь, слал во все близлежащие страны призывы о помощи, в обмен обещая признание себя вассалом и сто тысяч воинов из местных жителей, которые присоединятся к вторгнувшейся армии.

Рудольф попытался также привлечь федератов востока — полонско-литовскую Рес Публику, но король Сигизмунд III, занятый больше тем, чтобы удержаться и на шведском троне и хоть как-то обуздать непослушных подданных своих стран, ответил отказом. Ещё он помнил, как сразу после его избрания на польском престол, одна из шляхетских партий пригласили Максимилиана Австрийского его свергнуть. И лишь военными стараниями Яна Замойского удалось разбить его армию и взять в плен. Так что, как его ни уговаривали, втягиваться в далёкую войну он не пожелал. Правда его магнаты вмешались в дела Молдавии, введя туда свои силы, выгнав ставленника силистрийцев и поставив во главе Иеремию Могилу, одного из представителей местного нобилитета.

Но это не все силы, которые возможно было привлечь. Генуэзцы, потерявшие в последние годы те силы и влияние, что у них когда-то были, тоже решили подключиться. Генуэзцы — то есть их влиятельные семьи, управляющие этой республикой. Фиески, Дориа, Гримальди, Спинола, многочисленные банкиры, со времён подчинения Испании и потери восточных колоний погрязли в делах запада, спонсируя Карла V и Филиппа II, что приносило им огромные доходы. Конечно, бывали и случаи банкротства, отчего доверие к короне падало, но банкиры всегда отбивали всё вложенное с лихвой. К тому же, имея хорошие связи среди верхушки государства, в которую входили они сами, несложно было устроить так, что именно генуэзцам отдавали проценты в первую очередь. И вот, пришло время посмотреть на восток, вложившись в новое выгодное предприятие. К тому же, стародавние враги, Республика Святого Марка, уже были не столь сильны, как ранее. Долгие и неудачные войны с румелийцами отняли у них много сил и часть ключевых территорий. Булла Климента VII о запрете торговли католиков с анатолийцами и установление контроля Бусрой власти над Каиром тоже урезало их влияние, из-за чего поток специй и прочих товаров через венецианцев в Европу оказался урезан, а значит опять стало меньше денег. Генуэзские торговцы, узнавшие о готовящемся на востоке деле, начали скупать припасы и оружие, переправляя всё это в Галату, чтобы уже оттуда, вовремя предоставив испанцам и ромеям, обменять на звонкую монету, или что ещё лучше — на участие в разделе взятой добычи и всяческих преференциях. Молодые братья Амброзио и Федерико Спинола даже решили поучаствовать в составе армии, считая, что так они смогут принести больше пользы. Наняв небольшую эскадру галер и восемьсот наёмников, они устроили базу в Палермо, где стали ждать начала войны, справедливо полагая, что если торговые суда под французским флагом узкий Геллеспонт ещё пройдут, то вот уже они — вряд ли. А рисковать не хотелось. Сюда же прибыли ещё три сотни кондотьеров, присланных им их дедушкой, князем Салерно.

Венецианцы тоже понимали, что сидеть просто так, сложа руки, крайне невыгодно. Их агрессивная политика давно настроила всех окружающих против них. Анконцы, марсельцы, разужанцы, исмаилиты, генуэзцы, тосканцы, австрийцы, англичане, португальцы (а, следовательно, и испанцы) пытались их потеснить в торговых делах, не брезгуя никакими методами. Впрочем, как и сами венецианцы действовали против них. Португальцы открыли для себя путь в Индию и Красное море вокруг Чёрного континента, вывозя оттуда богатства в виде специй, чёрного дерева, сахара, драгоценных камней и металлов, красителей, аптекарских снадобий, лавзонии и многого другого, что отлично уходило на растущих рынках Европы. Венецианцы тоже пытались доставлять пряности на рынки Запада, не продавая всё у себя, а доставляя по морскому пути в Амстердам, который был их главным северным торговым и, можно сказать, идеологическим, в плане противостояния расползающегося влияния Испании, союзником. Это оказалось не сильно выгодным, так как приходилось снаряжать целые караваны, одиночек топили многочисленные французские, английские и другие пираты, рыскающие у берегов Испании в надежде откусить кусочек от «золотых караванов» и «серебряных караванов». Англичане, считающиеся долгое время союзниками Венеции, так как тоже считались старыми противниками Испании, зарабатывавшие сначала с помощью Венецианской компании, в дальнейшем открыли для себя напрямую рынки Румелии и Анатолии, основав в 1581 году Левантийскую компанию, в которую и влилась Венецианская компания. Трёхсотпроцентная прибыль в делах позволила акционерам довести свой торговый парусный флот более чем в пятьдесят кораблей. И вот здесь уже начала проявляться конкуренция. Причём испанцы, периодически воевавшие с англичанами, не могли установить такой контроль над Гибралтаром, чтобы никто не проходил без их разрешения, и раз за разом английские караваны проходили, неся прибыль. А последнее время не раз бывало, что высокобортные многопушечные фрегаты пускали на дно венецианских торговцев, продавая добычу в ближайших портах. Марсельцы, ставшие главным торговым городом юга Франции, тоже нанесли им серьёзный удар, поспособствовав заключению между в 1536 году системы капитуляций между французами и исмаилитами. Главное, что следовало из этой системы, так это то, что они получили право торговать на территории всех государств по таким же пошлинам, как и подданные султанов. Исмаилитские купцы — такие же права на территории Франции. Что до сей поры было неслыханно — французы могли игнорировать предписания кади, исмаилитских судей. Франция стала считаться защитницей всех католиков, находившихся на территории султанатов. И потому каждый латинский корабль обязан был нести, а, следовательно, и покупать право на французский флаг. Но это только торговые стороны. А были и другие. Французские короли, боровшиеся и с Испанией, и с Священной Римской империей, предоставили румелийскому и анатолийскому флоту доступ в Тулон, с правом становиться на ремонт и покупать превосходную французскую артиллерию, порох и прочие припасы. И хоть нынешний дож, престарелый Марино Grimani, активно помогал Генриху IV стать королём, и между ними были довольно неплохие отношения, но смотреть наперёд и защищать свои интересы дож был обязан.

Поэтому венецианцы, имея на руках договор о торговле с Румелией, не желали его нарушать. Они вообще не любили воевать, если только это не приносило многократно отыгранной прибыли. Война дело слишком дорогое и не всегда расчёты оправдываются. Но и упускать случай было нельзя — вернуть себе главенство на море, потеснить своих врагов... Будущая война открывала множество перспектив. Поэтому они запретили всем гражданам

участвовать в военных делах против султанатов, но подеста Кандии начал рекрутировать на Кефалонии и других островах, принадлежащих им, людей на помощь формируемой армии ромеев. Особенно он старался убрать с острова беспокойных сфакийцев, вечно бунтовавших и подбивавшие других устраивать беспорядки. Кефалонцы и другие греки, служащие в венецианской армии за еду, из-за тяжёлого положения и перенаселения островов, с удовольствием принимали предложение.

Великое герцогство Тосканское, во главе с династией Медичи, тоже не могли пройти мимо таких дел. Уж кого-кого, а торговцев у них хватало. После захвата Сиены, контролируя Пизу, и владея Ливорно, через который они повелели торговать всем, они превратились в одних из главных игроков в своём регионе. Гибкая политика Медичи, закрывавших глаза на некоторые моменты, превратила Ливорно в крупнейший контрабандный порт Европы, если не всего мира. Покровительствуя пиратам, они сами снаряжали целые эскадры, устраивавшие налёты на магрибский берег — Бизерту, Алжир, Тунис и другие земли, и захватывали и топили исмаилитские корабли. Но порой, когда им не везло, герцоги всячески открещивались от своих рыцарей ордена Святого Стефана, магистрами которого они являлись. И хоть они считались союзниками Франции, это не мешало им держать на востоке свою эскадру под командованием адмирала Кальфагги наготове, готовые поддержать инициативу испанцев и понтифика.

Мальтийцы, госпитальеры, иоанниты или правильнее — Суверенный военный орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна, Родоса и Мальты, являющиеся вассалами Испанской короны, так же были равнодушны к затеваемому делу. Полунезависимые, ставящие перед собой только задачу борьбы с исмаилитами на море, они помнили о том, как когда-то потеряли свои земли в Палестине, захваченные сарацинами. Потерявшие в 1522 году остров Родос, после беспримерной и героической обороны, они теперь действовали с острова Мальта, который тоже приходилось периодически оборонять против магрибских пиратов и армий, посылаемых румелийцами, желающими контролировать этот стратегический остров и прекратить досаждающие нападения иоаннитов. И хоть госпитальеры были больше похожи на пиратов, дело борьбы за веру они тоже не забывали. Их флот зачастую объединялся с папским, тосканским, генуэзским, сицилийско-неаполитано-испанским флотом для обороны, или совместного нанесения ударов. Единственное, что зачастую мешало — вопросы главенства, не раз приводящие к тому, что объединённый флот никуда не выходил или быстро распадался. Сейчас Великим магистром рыцарей был Мартин Гарсес, араговец. Не являясь членом ни одной из внутренних группировок ордена, он заботился об активизации борьбы против их извечных врагов, отменив обязательное прохождение службы рыцарей, сражающихся против исмаилитов в Унгарии, на орденом флоте. Ему удалось привлечь довольно много добровольцев из Швейцарии, приравняв происхождение от офицеров за дворянское. И сейчас он чувствовал, что с уходящим веком есть возможность вновь сделать свой орден великим. Главное, не упустить этот шанс.

А ещё письма Грдана возымели успех. На них откликнулся Карл Эммануил I, герцог Савойи и князь Пьемонта, граф Аосты, Морьены и Ниццы, титулярный король Кипра, Иерусалима и Армении, Великий магистр Высшего ордена Святейшего Благовещения и Великий магистр Ордена святых Маврикия и Лазаря, которого многие считали слишком активным и амбициозным, но который, как он считал, просто хотел занять достойное место согласно своему происхождению в мире. Желание попасть в качестве великого полководца в

историю, несло прямую угрозу для его соседей. И может всё было бы не столь для них плохо, но он оказался действительно неплохим военным, причём заботящийся о подданных. Содействуя развитию своих земель, он получал больше средств, которые можно было пустить на свою любимую армию, которая помогала ему расширять земли. Когда Папа Римский стал посредником в перемирии Филиппа II и Генриха IV, он понял, что пора и ему договариваться, обменяв ряд своих окраинных земель на богатый Салуццо, за который и враждовал с французами, уже при посредничестве и Папы Римского, и своего тестя — испанского короля, на дочери которого, Каталине, он был женат. Оказавшись в состоянии мира, он уже посматривал на Женеvu, когда к нему пришло письмо от тестя, с предложением поучаствовать в восточной экспедиции. Тогда он и вспомнил о письмах Грдана. Обладая рискованным характером, он уже не мог избавиться от идеи заработать не только новые титулы, но и расширить свои территории. Чем он хуже Жоффруа I де Виллардуэна Ахейского или какого-нибудь Бонифация Фессалоникского?

Но это ещё были не все силы, которые намеревались принять участие в экспедиции. В Средиземноморье издревле были силы, с которыми приходилось считаться всем государствам, даже самым великим. Пираты. Ещё великая Римская республика, а затем и империя, установившая своё господство над всем регионом, пыталась с ними бороться. Иногда это получалось, как у Помпея Великого. Но каждый раз они возрождались, меняя историю региона, как когда-то, предав Спартака. Шли столетия, менялись лишь лозунги и знамена, под которыми они грабили, пленяли, топили торговцев и друг друга. Большое количество мест, где они могли найти убежища, тоже способствовал тому, что всегда находились лихие головы, желающие рискнуть жизнью в обмен на короткую красивую жизнь, надеясь заработать состояние, которого хватит до конца дней. Конец действительно наступал часто, вот только зачастую без богатства. Но не всегда. Крупнейшими мессианскими пиратскими городами были мальтийская Ла Валетта, тосканские Ливорно и Пиза, сицилийские Мессина и Трапани, Неаполь, Пальма де Мальорка, Альмерия, Валенсия Фьюме, Кандия. Их противники, исмаилитские пираты, составлявшие им конкуренцию, как правило проводили время если не в море, то в Триполи, Тунисе, Ла Гулетте, Бизерте, Алжире, Тетуане, Сале, Диррахии, Лараше, Валоне, Родосе, Искандеруне, аль-Искандерийе Бейруте, где можно было отдохнуть, продать добычу, пополнить экипажи, купить необходимое.

И если среди мессиан были в основном выходцы из европейских народностей, то среди исмаилитов кого только не было — оседлые арабы, и представители берберских племён, чернокожие суданцы, сарацины Анатолии, Румелии, команды беев с берегов Нила, киликийские армяне, албанцы, греки, многие из которых честно служили своим повелителям со времён завоевания, как Мурад-раис младший, сирийцы и многие другие. С времён великого Кылыч Улудж Али, или как его ранее звали — Джованни Гелени, ставшего пашой Алжира и Триполи, множество европейских ренегатов переходило на сторону исмаилитов, принимая их веру и беря новые имена. Француз Мурад-реис, генуэзец Феру-раис, венецианцы Меми-реис и Меми Ганчо-реис, Монтез Сицилиец, Мурад Мальтрапило-реис, или один из самых успешных — Юсуф-реис, или же Джон Вард, англичанин, а также многие и многие другие. Многие считали, что среди тех десятков кораблей, бороздящих воды Средиземноморья под исмаилитскими флагами, большинство было как раз ренегатами. И если они захватывали какой-нибудь европейский корабль, то трудно было ожидать от них милости — или в рабство, или вместе с кораблем уйти на дно. Правда, как правило, они не

издевались над своими пленниками, как берберы, отрезавшие носы у мессиян и носящие, или хранящие, целые гирлянды подобных «украшений».

Понентинцы, как зачастую называли европейских пиратов, тоже от них не отставали в плане размаха своих действий. Сицилийские пираты Филиппо Корона, Джованни ди Орта, Якопо Кальво, Джулио Баттиста Корвайя и Пьетро Корвайя были уважаемыми людьми и зачастую вместе со своими головорезами приходили на помощь мессиянским военным флотам, в первую очередь Испании, в их карательных экспедициях против исмаилитов. Греки Педро — Петра Ланцы, тосканцы Филиппа Каньядеса и Франческо де Мантауто папские генералы Пуччи и Бусси, неустрашимый мальтиец Матюрен Ромегас и другие, не уставали держать своих противников под ударом. Хотя, конечно, в первую очередь страдали те, кому война была далека, кто к ней был зачастую непричастен. Так, например, в 1592 году Кутюр де Мартиг, под видом торговца набрал пассажиров в Родосе, заказавших корабль в Миср, но отвёз их в Мессину, где и продал всех в рабство. Но и попав в плен, они знали, что мягко с ними не обойдутся в меру своей выдумки. В лучшем случае — попадут на галеры, в качестве гребцов, которых вечно не хватало из-за высокой смертности. В худшем — убьют с всевозможной жестокостью: разрежут пополам, снимут кожу, отрубят конечности, оскопят, выколуют глаза. Все не уставали придумывать новые способы отвадить жадных до чужого добра чужаков.

Но это не значит, что мессияне грабили только исмаилитов, а исмаилиты только мессиян. Испанцы и генуэзцы не отказывали себе при случае прихватить венецианское добро, а какие-нибудь анатолийские измирцы с чистой совестью пускали на дно купцов из силистрийского Родосто, особенно если помолиться потом за души этих заблудших сынов истинного бога. А ускоки и маниоты вообще не видели никакой разницы между тем, какой корабль пускать на дно. Лишь бы поменьше охраны и было что взять.

И вот таким образом понентинцы, жаждавшие добычи, также не могли остаться равнодушными к носящимся шепоткам над водой, о том, что на востоке затевается интересное дело.

Не всё, но многое из этого знал последний нищий у ворот самой захудалой церкви в Девтере. Новости и слухи — это было то, чем жили многие жители города. Когда целыми днями жизнь заполнена беспросветной рутинной и тяжёлой работой, то сидя на пороге своего дома, глуща самое дешёвое пойло (и хорошо, если есть медь на него), и общаясь со своими товарищами, можно многое узнать. Один — сам рыбак, или уже успел пообщаться с ними, купив пару свежих рыбин на ужин. Он видел или узнал о новых судах, что вошли в одну из гаваней. Другой, грузчик, таскал под указанием гильдейского управляющего тюки, катил бочки, и слышал какие-то оброненные фразы матросами, гребцами, пассажирами, или самим хозяином, если он изволит остановиться и немного провести времени в этой портовой вони. У третьего жена работает поварихой в господском доме, «бери выше, этот тот, что на втором холме!», видела гостей. А её подруга, что подавала гостям полотенце, так вообще слышала интересные разговоры. У четвёртого, самого уважаемого, брат служит декархом виглов, и он по секрету шепнул кое-чего, чем он и поделился с товарищами, немного перебрав с выпивкой. Слухи и новости появлялись, разносясь по всему городу, кого-то радуя, кого-то огорчая, кого-то оставляя равнодушным. А кто-то просто откладывал в голове, с целью — а может когда-нибудь пригодится.

Теодор и Илия, оказавшиеся при тасовании подразделений в одном полулохе, сидели, привалившись к стене дома, подложив под себя свои свернутые эпилориконы, подкладкой наружу. Не вывернешь, загваздаешь их — так командир тебя потом приберёт за такое растяпство.

В животе переваривался завтрак-аристон. И хоть Великий пост не касался тех, кто служит в армии, их почему-то продолжали кормить довольно скромно. Кормёжка значительно ухудшилась после зимы. Если первоначально им, простым солдатам, выдавали минимум по два фунта пшеничного хлеба, полфунта сухой крупы на кашу, фунт мяса, одну мину пива или малую меру вина в неделю, и хватало на завтрак и ужин, а порой могли и в полдень накормить, то сейчас это можно было лишь вспоминать. Фунт ячменного хлеба, вместо мяса — рыба, как правило в форме похлёбки с мукой (тогда могли хлеб не выдать), пива не видели давно, а вино было настолько разбавленным, что мало чем отличалось от воды. Конечно, для многих и это было совсем неплохо. Минимум половина их новых товарищей была вполне довольна.

— Вот ты посчитай, — говорил щербатый аркебузир по прозвищу Птох, — деньги дают: это раз, я на них худо-бедно, но свою с двумя малыми содержу. Одежку нам дали. Тут один кафтан монет на 6 гроссов потянет. Значительный прибыльок! Это, значит, два. Кормят, опять же... — он запнулся, подбирая слова. — Ну, в брюхе что-то есть, уже неплохо! И каждый день! Я раньше, если не заработаю чего за день, то ложился спать не евши. Так потом соседи смеются — у тебя ночью в доме гром гремел! А я им — то не гром, то брюхо моё так урчало!

Все посмеялись, вспоминая свою жизнь.

— А в церкви-то иначе кормили, — включился в беседу Илия, старательно пришивая заплатку на рубаху, взяв её с кушака. Получалось какое-то чёрное пятно на серой ткани. — и яиц варёных нам иногда давали, и масло оливковое в каше было, и зелени с огорода притаскивали — лука и чеснока так ешь, сколько возьмёшь. И бобы часто готовили, и горох.

И рыба всякая разная была, а не одна и та же... И жарили, и на пару её.

У некоторых солдат, отдохавших рядом, забурчало в животах.

— Зажрались вы там, в этой церкви. — без злости, а просто как подтверждая истину, сказал смуглый, черноволосый и сухой Мармарец. Имени его никто не запомнил, а вот историю, как он уплыл с острова, когда не смог заплатить внеочередной султанский налог — авариз, бросив дедовский дом, помнили все. Так его и прозвали, как и многих по местности, откуда прибыл. Или просто звали — Мармар. «Фамилия — удел благородных, нам и прозвища хватит» — сказал опытный в жизненных делах, судя по нескольким шрамам на голове, критянин Гедик. Он был тут же — разрезал конец своего кушака и сплетал из них косички. Судя по внешности, он не очень походил на ромея, грека или итальянца, а больше на сарацина, но кого это волновало?

— Людям жрать нечего, а они там объедаются. Нацепят потом на себя одежду побогаче, цепь поярче и ходят, просят милостыню. И не отводят взгляд же! И как им, таким, что-то подавать. А не подашь или на службу не придёшь — виглы придут. «Ты, говорят, плохой мессинин! Следуй теперь отрабатывать.» — продолжил за мармарца оливриец Никифор. — И идёшь работать тогда, когда отдыхать должен. То стены им ремонтируй, то воду вози на огороды, то ещё какое дело.

— А ты думаешь, нам там легче? — не остался в стороне Лемк, которого задело, будто они там сидели без дела. — Вошёл в возраст, так отрабатывай еду, которую на тебя тратят. Пока малые были, так учили с утра, а потом за работу. Нету работы рядом — идите в порт, зарабатывай там медь на разгрузке.

— Зато писать — читать научили. — не успокаивался оливриец, мечтательно закатил глаза. — Можно пойти, поклониться какому-нибудь купцу. Так и так, возьми меня на службу! А там работа что, сиди на месте в доме, пером шевели. Тебе уж и слуги принесут с господского стола чего перекусить, может даже паштета печёночного какого. Или молока с белым хлебом. И вина не забудут в конце дня подать. — совсем он увлёкся мечтаниями.

Животы заурчали громче.

— Ну так давай я тебя научу. — перебил Лемк его мечты.

— Эээ... — вернулся тот на землю — старый я уже, поздно мне это всё! Это я так, помечтать только.

Помолчали.

— А ты вот о чём мечтаешь? — спросил он.

Теодор почесал затылок. Мыслей в голове особо не было.

— Да, как и все. Монет подзаработать. После контракта в комиты попробовать попасть. Лучше в комиты ворот. Повезёт — буду у Орейских или Феодосиевых ворот, считать, чего купцы привезли. Форму себе куплю красивую, дублет чёрный, как у испанского капитана, в котором он недавно за новой турмой наблюдал на плацу. Да, которую из тех, кого мы ловили составили. Жену выберу откуда-нибудь из-за кварталов, что за Константиновыми стенами... Хочу ещё, чтобы это всё было, мы победили и город стал такой как прежде. Не, Верни, не как при отцах и дедах. Тогда уже было что и сейчас. Хочу, чтобы было как ещё раньше — пятьсот, тысячу лет назад.

Все наморщили лбы, поражённые глубиной и величием мечтаний:

— Хватил...

— Начитался там совсем!

— О, я тоже так хочу!

— А ты, Илия, чего хочешь? — спросил Лемк у малого друга. Малого, как его слегка подначивали — потому как из их кампании Илия был самым мелким.

— Ясно чего, заработаю денег, да женюсь сразу. — ответ был уже наготове — Когда приду с войны закончив контракт, то отец моей Кики точно не откажет! — он так взмахнул рукой, что нить в игле не выдержала и порвалась.

— Ну и ладно... — он отдал иголку Гедику, который тут же засунул её за отворот своего полукафтана. — И так хорошо получилось.

Несмотря на то, что наступило летнее время, и плотный эпилорикон и полукафтан всё так же находились у них. Поговаривали, что ещё скоро должны выдать новую обувь, уже летнюю, и шляпы, вместо шапок. А пока, по тёплому времени, полукафтан носили полурасстёгнутым сверху или снизу. А эпилорикон совсем расстёгнутым, поднимая и подворачивая полы за кушак.

— Если дождётся, и папаша не выдаст её за эти годы, за кого-нибудь другого!

— Она обещала ждать! — воскликнул оскорблённый в лучших чувствах Илия и уже был полезть в драку, но тут послышался грохот, и по улице галопом пронеслась кавалькада всадников. Замешкавшихся убраться с их пути к стенам горожан, идущих по своим делам, они раздавали плетей. Солдаты, попавшиеся на их пути, не избежали этой участи, оказались к тому же ещё сбиты с ног.

Хохоча, всадники промчались далее.

Их Глётнер, оказавшийся среди тех, кому попало плетью, шипел, как-то непонятно разговаривал, видно на своём языке и выглядел очень зло.

— Вот мы попали! — наверняка подумал каждый. А кто-то и вслух высказал. — Паскудные твари!

Но Глётнер лишь ещё пошипел, поругался, а потом куда-то ушёл.

— А вы заметили, кто это был? — спросил Верни, местный, с которым Илия неплохо сошелся, в чём-то найдя общий язык.

— Богатенькие придурки, что понакупали коней, а скакать на них не знают где... — отряхивая одежду и заново повязывая кушак с торчащим из-за него двухфутовым кордом без ножен, отозвался Мармар.

— Неет, плохо рассмотрели вы его, — улыбнулся Верни — там же во главе сынок Нисона Франгопола!

— Это ты сейчас к чему? — не понял Никифор.

— Ну кто такой Франгопол?

— Один из помощников хартулария Гариды.

— И чем он обычно занимается? — пытался подсказать свои ход своих мыслей Верни.

— Продукты привозит, он же комит снабжения.

— А ты помнишь, какой он был в начале зимы? Как он выглядел?

— Да как и все — наш кафтан, сапоги только у него ещё были, точно. Всё равно не понял...

— А сейчас как выглядит?

— Нууу... Вчера в башмаках с пряжками серебряными был, штаны короткие, широкие, с разрезами, паклей набитые, куртка с валиками на плечах, цепь серебряная да шапка, точно тарелка с пером на голове... Выглядел, словно купец французский!

— Ну, так подумай, — Верни уже начал терять терпение. — мог он раньше снарядить своему сыну целую кавалькаду всадников?

— Нууу, нет, наверное... А что? — всё не доходило до оливрийца.

— Ой, да ну тебя!

Лемк успел немного рассмотреть их. Причём они ему уже попадались недавно. Это, конечно, не свита Великого логофета, но по местным меркам — вполне достойно. Остроконечные шлемы с металлическими наушниками и кольчужной бармицей. Касидион, кажется, такой называется. У парочки какие-то высокие остроконечные металлические колпаки. Самого Франгопола не рассмотрел, а вот у других всадников — кольчуги с металлическими пластинами, у двоих с надетыми поверх них цветастыми эпилориконам. Успел ещё заметить поножи, не сплошные, а из нашитых пластин. Оружия не заметил, но копий не было. Но даже всё это стоило на состояние. Самое дорогое — конечно лошади. Самая нижняя цена в городе — от семи дукатов за не самого хорошего коня. Их тут просто негде было содержать. Надо быть довольно состоятельным человеком, чтобы платить за корма. Румелийцы и анатолийцы давно издали указы о запрете вывоза злаков, а силистрийских урожаев на всех не хватало, из-за чего последние годы цены на сельскохозяйственную продукцию росли каждый год очень быстро. Город и поддерживал своё существование во многом тем, служил перевалочным пунктом в торговле восточных стран с Европой, как бы ни запрещал там понтифик католикам торговать с исмаилитами. По суше было слишком не выгодно — на перевозку купленного в одном месте мешка зерна уже через восемьдесят — сто миль, тратилось больше средств, чем он стоил. А вот морем — гораздо дешевле. Не надо кормить — поить волов, коней, верблюдов, погонщиков, охрану, опасаясь многочисленных разбойников... Небольшая команда старого большого нефа могла вмещать более тысячи человек и больше четырёх тысяч фунтов весу! А нефы — неповоротливое старьё, которое на воде уже не сыскать. И хоть грузоподъёмность изменилась не сказать, что уж совсем намного, но выросла скорость кораблей, позволяя сделать больше рейсов, если есть что купить и где продать. Если у тебя уже есть много парусов, то и кормить «дармоедов» на вёслах не надо. Конечно, есть сложности и тут, особенно у галер. Ели у тебя рабы на вёслах — то это одно. Но купить их стоило немалых денег — стоимость одного, это не один десяток золотых монет. А если наёмные гребцы, то другое, но как сказать... Гребцам платят неплохие деньги, но на эту каторжную работу даже в Городе никто не рвался. Надорваться на ней — очень просто. Поэтому галер, хоть и было ещё довольно много, но Лемк своими глазами видел, участвуя в разгрузке всевозможных судов, что тех кораблей, кто нёс только парусное вооружение — с каждым годом становилось всё больше и больше.

Пока всё это вертелось в голове, двое оборванцев под командой прилично одетого мужчины протащили, впрягшись в построжки, тачку со стоящей в ней большой, не менее чем десятиведерной бочкой. Тачка поскрипывала, оборванцы кряхтели, стучало привязанное ведро... И всё это распространяло сильную вонь.

— Эй, суконщики! Вы хотя бы свою бочку прикройте плотнее!

— Переливается же!

— Теряете своё жидкое золото!

Солдаты гомонили, а оборвыши катили себе тачку дальше, привычные ко всему.

— Будете смеяться, так наша гильдия вашу латрину в последнюю очередь обходить будет! Сами ещё ведрами через город будете к нам её таскать! — отойдя на расстояние, крикнул их командир.

Кто-то хотел уже побежать за ним, чтобы научить почтительности, но вновь появился

Глѣкнер. Сначала он повёл своих солдат в казармы, где они оставили оружие. Затем их повели получить новую форму. Правда из формы действительно выдали не много — пару носков, летние головные уборы, новые штаны. После этого (самое приятное) начали выдавать жалованье. Один из младших помощников комита Священных щедрот отсыпал монеты, отмечая в списках имена получивших и вычёркивая тех, кто выбыл по болезни и смерти.

Им уже выдавали зимой деньги, и теперь Лемку полагалось выплата за последние три месяца. Получив с десятков серебряных монет разных стран и достоинства, а также существенную горсть меди, он стал ждать, пока весь их отряд получит свои кровные. Но подарки дня на этом не остановились. Им давали время до завтрашнего вечера, которое они могли провести свободно в городе! Крики радости поднялись такие, что казалось будто стены Города, как когда-то стены Иерихона падут от этих звуков, и труб не надо будет. Разыскав с Илией своих друзей, они со своими товарищами пошли тратить приобретённые богатства. Хранить при себе было неудобно, медь весила существенно. К тому же воровство, хоть и жестоко каралось, вывести так и не смогли. Поэтому самое ценное всегда старались держать при себе.

Хороший совет дал Гедик: если они пойдут в поход, то нужна будет фляга под воду. На розыски их и отправились друзья, так как ни у одного её не было. В процессе блуждания по форумам Лемк приобрёл себе ещё несколько полезных вещей. Первое, что увидел — был

простой нож, с односторонней заточкой, купленный им за два гроссо. Потом — простой кожаный пояс, кошель, огниво, свою иглу. Купили тыквенные фляги, за которые Месал торговался так, что под конец торговец уже хотел просто выгнать их. Глядя на полуразвалившиеся ботинки из бычьей кожи, зашли на улицу к сапожникам, купив готовые сапоги, в которые было без разницы — левую или правую ногу совать. Всё это вылилось в круглую сумму, но последние свои деньги хотел оставить у букинистов, но у него уже не хватало денег ни на одну из приглянувшихся там книг. А уж чего-чего, в городе было из чего выбирать любителям книжной мудрости — от священной литературы, до сатирических поэм древности, от сочинений императоров, до изредка, но попадающих сюда зарубежных научных фолиантов.

Ну, а уж затем пошли в таверну, есть настолько вкусную пищу, насколько могли себе позволить, и пить неразбавленное вино. Набившись в одну из приличных таверн, они, еввшие и пившие в три горла, обнимая доступных дам, которые готовы были услужить за одно-два гроссо, которых объявилось довольно много, они чувствовали себя вполне счастливыми. Все трудности, пот, который они пролили, холод казарм казался им совсем несущественным по сравнению с этим моментом жизни. В зале были только ромеи и греки, поэтому, когда завалилась толпа моряков «марковцев» — венецианцев, все были уже настолько навеселе, что для драки не пришлось даже искать повода, просто дружно бросившись на них с кулаками, припоминая им все обиды своей страны по отношению к их. Но моряки не растерялись, и так же, матерясь по чём зря, кинулись в ответ, размахивая лавками и кувшинами.

Но какие бы отважные и трезвые они не были, ромеев было просто больше, они были злы и в состоянии куража выбили противников на улицу, где и оставили лежать. А сами бросились от приближавшегося отряда виглов, которые топали так старательно, и так неторопливо, что орава солдат успела скрыться, унося и не стоящих на ногах товарищей. А венецианцы, по старой традиции «проигравший платит», остались на месте, проклиная тот день, когда они решили сюда сунуться.

Друзья, решив продолжить веселье, пошли в следующую харчевню. Где их и застало известие, что савойский герцог Карл Эммануил с союзниками высадились у мыса Кале (Капо-Греко) и осадили крепость Килитбахир.

Отдых был прерван. Всё следующее утро виглы и трезвые солдаты носились по городу, собирая своих нетрезвых товарищей. Опухшие, пошатывающиеся солдаты приводили себя в порядок, чистили одежду, начищали своё оружие. Кентарх Герард Дипар велел контарионам, чтобы их наконечники их пик сверкали уже к вечеру. А для тех, у кого были хоть какие-то металлические элементы доспеха, тем он велел их начистить так, чтобы он мог в них видеть своё отражение.

Суэта поднялась из-за того, что передали приказ быть готовыми к смотру, а затем — к походу. Несмотря на то, что приказ поступил неожиданно, боевой дух был высок, чему значительно способствовали выплата жалования и хорошая пьянка, после которой остались сожжёнными несколько харчевен и бессчётное количество пострадавших в драках между собой, с обывателями, с залётными гостями людей. Правда, если бы солдаты не оставили оружие в казармах, то городу пришлось бы пережить погром, подобный тому, который был почти четырёхста лет назад.

Лемк носился со всеми. Голова гудела, всё происходящее казалось сном, в котором он себя видит со стороны. Вроде это ты, а вроде и нет. Тело, казалось, само действовало, выполняя те действия, которые требовались. Проверить, не потерял ли что из покупок, зашить порванные в драке вещи, оттереть пятна с одежды, одеть влажную рубаху, чтобы быстрее высохла. Помочь Сидиру зашить его вещи, таскать бочонки с порохом, связки дров, помогать грузить шатры, бочки с солёной рыбой, мешки с мукой, а также миндаль, мёд, специи, которые шли в числе груза врачей, для выдачи раненым и больным.

Вечером при построении полулоха, а затем и кентархии, на него и тех скопелфов, что помогали в погрузке, наорали и велели вновь привести себя в порядок. Лемк, который изгваздался в пыли и рад это был сделать. Пока он приводил в порядок одежду, он не слышал, как Дипар переговаривал с Глэкнером, посоветовав поставить «того парня, с садиной на щеке» в первый ряд, потому что у него «вполне зверский вид, почти как у настоящего ландскнехта».

А потом Дипар вновь их всех построил и под командой уже гемилохита Брауна они отправились в термы, где до блеска отмылись, вновь почувствовав себя людьми после трудного дня.

Утром их, построив, повели сперва в сторону форума Августа, к храму Святой Софии где испокон веков проводились церемонии с участием императора. Как сказали — василевс там проведёт смотр войск и даст своё монаршее благословение на поход. Но потом их повернули обратно, повернув на юг, где, доведя до Цикловия, кентархия за кентархией, турма за турмой выходили за распахнутые настежь Золотые Ворота. Теодор никогда сюда не заходил — просто потому что не пускали. И теперь он во все глаза смотрел на этот памятник прошлого. Задуманные и как ворота, и как триумфальная арка в честь победы великого императора Константина Великого над жадным Лицинием, они, даже по прошествии почти тысячи трёхсот лет поражали. Двое огромных ворот, которые они пересекли, вывели их в пространство между двумя высоченными башнями. Лемк не мог даже прикинуть их высоту. Когда-то, по слухам, надо воротами стояла огромная мраморная статуя Фортуны. Ворота были прекрасны в своём величии, но время и люди их совсем не жалели. Лет шестьдесят назад как произошло землетрясение, из-за которого статуя упала, и её заменили на

деревянную статую Девы Марии. Ранее прекрасная статуя, покрытая яркими красками и лаком, сейчас стояла не в приглядном виде. Кажущаяся со стороны чёрно-серой, потрескавшаяся и выгоревшая на солнце, она больше напоминала обликом мифическую горгулью, выпрямившуюся к нему и потерявшую крылья. Стены покрыты трещинами. С наружной стороны бойниц были выпавшие куски кирпича. То тут, то там в стене меж кладки прорастал кустарник. В башнях видны следы старых ремонтов, кажущимися более старыми заплатками на фоне общего вида стен.

За Золотыми Воротами располагались Феодосиевые ворота. Построенные последним великим императором единой империи Феодосием Великим в честь победы над Магном Максимом, лет эдак через семьдесят после Золотых, они были ниже, чтобы могли простреливаться с башен второй стены. Но при этом внешне они были прекраснее — украшенные белыми колоннами и резными барельефами побед империи, которые добавляли следующие императоры. Длинной более трёх с половиной миль, высотой в сорок футов, шириной — в шестнадцать футов, с девяноста шестью шестидесяти шести футовыми башнями, ворота и стена до сих пор являлись символом величия старой империи. Но Теодор, зная, в честь каких триумфов ворота были построены, восхищался с оттенком горечи. Когда-то победа над согражданами стала привычнее побед над внешними врагами, что и погубило великую страну.

Перейдя деревянный мост через широкий ров, войска выстраивались гигантским прямоугольником, в котором не хватало одной стороны. Пехота заполнила всё пространство, разворачивая знамена, лишь с одной стороны располагались немногочисленная конница со своими значками.

С пустой стороны этого прямоугольника стали скапливаться нарядно выряженные нобили, комиты, командиры друнгарий и турм. Среди присутствующих там Лемк узнал лишь Хорхе Мартинеса де Лара, ставшего турмархом, с неизменным присутствием рядом уже командовавшего друнгарией Никколо да Мартони. Был там хартуларий Гарид с Нисоном Франгопулом, грозы разбойников Франческо де Медина и Кирилл Стипиот, их турмарх маркиз Гомес де Виллаб с друнгарием Томасом де Вальверде и прочие командующие войсками. Немного отдельно от военных стояла большая группа иностранных торговцев и представителей городских гильдий. Не смешиваясь ни с кем, стояли послы и купцы из республики Святого Марка, узнаваемые по своим золоченым поясам, узким кинжалам, заткнутыми за пояс перчатками и с небольшими бархатными шапочками без полей, токами, украшенные драгоценными камнями и одиночным ярким и пушистым пером чудо-птицы из глубин южного континента. Впрочем, их также можно было узнать по высокомерно поднятым подбородкам, по взглядам, которые они с пренебрежением бросали по сторонам.

Ждали. Стояла тёплая погода, с небольшим ветерком. Солнце не припекало, но в одежде было жарковато. И, странное чувство — солнце греет, но внутри холодно. Руки добела сжимали ложе мушкета. Теодор считал это великим моментом. Уже скоро он, как и завещал всем мессианским воинам Жан Ле Менгр, отправится на войну. Стоя первым в ряду, он озирает ряды контарионов и скопелфов. Он не знал, сколько их всего, но, слушая шепотом переговаривающихся в задних рядах товарищей был согласен, что более десяти тысяч. И потому сейчас он себя почувствовал одним из воинов Ксенофонта, легендарных десяти тысячах, о которых написан «Анабасис Кира», отличную книгу, которую ему удалось прочитать в скриптории, и которую потом у него отобрали.

К тому же он сейчас увидит василевса, императора, о котором в городе каких только не

ходит слухов. В частности, поговаривали что Андроник когда-то собственноручно убил всех своих родственников — брата и племянника, а жену брата заморил голодом в подвалах, из-за чего он оказался проклят и не мог иметь своих детей, ведя затворнический образ жизни.

Когда вышла ещё одна процессия, по войскам, ожидающим выход Андроника IV, прошла волна шевеления и шёпотов. Задние ряды тянули головы, желая увидеть его воочию. Но офицеры быстро навели порядок окриками и эспонтонами. Но ожидания собравшихся оказались преждевременными. До рези в глазах всматриваясь в пешее шествие, он увидел, что возглавлял его патриарх Матфей II, сопровождаемый Великим логофетом Анастасием Хинтилом, высоким и худым стариком. Это был первый помощник василевса, которого многие называли настоящим главой города. Контролируя логофетов геникона — финансов, армии, дрома — почты и дипломатии, секретов — аудита, он держал под контролем главное — потоки денег и то, куда они пойдут. Конечно, в той степени, в которой мог себе позволить, обязательно советуясь с венецианцами и другими крупными заёмщиками города. Их сопровождали многочисленные священники и монахи десятков церквей и монастырей города. Возле логофета и патриарха находились члены императорской охраны — блестящие этерии, кампания иноземных наёмников. А уже потом повалили толпы народа, ради такого дела бросившие все дела. Глядя на начавшееся столпотворение, представлялось что в городе совсем не осталось людей, и любой одиночный корабль, подошедший к гаваням города, мог без труда захватить его.

Первым начал говорить Великий логофет. Ведя речь, он поднимал руки, опускал их, показывал в одну сторону, на группы офицеров, нобилей. Вот только практически ничего не было слышно. До того ряда, где стоял Теодор, долетали лишь отдельные слова:

— Ромеи! Настал... подарки, которые они считают данью... никогда... так будем... предков что... орды варваров... с помощью...

Поднявшийся лёгкий ветерок, казалось играл со словами облечённого властью человека, забавляясь.

— Тысячи... в бой... поднимем знамена!

Начавшийся затем молебен и благословление войск ромеи и все прочие ортодоксы встретили преклонением одного колена, шепча со всеми слова молитвы, обращённой к защитнику воинов:

— Святой, славный и прославляемый великомученик Георгий! Собравшись перед тобою, молим тебя...

Посмотрев в сторону нобилей, он увидел, что молились все, только осеняя себя знаменами по-своему.

— ... да услышит нас... и не оставит всех нас ко спасению... и дарует стране нашей победу над противником... укрепи данную тебе в битвах воинство... — доносилось единогласно отовсюду. И Лемк продолжал со всеми:

— ...разрушь силы восстающих врагов, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится и пусть увидят, что мы имеем Божественную помощь... Во веки веков!

И единогласно со всеми, на староимперском, над полем пролетело:

— Аминь!

Расстройство, что не увидит императора, оказалось смыто волной воодушевления, единения со всеми собравшимися людьми. Теодор готов был прямо сейчас бежать сутки до ближайшей вражеской столицы, через все преграды и вражеские войска. Он чувствовал в себе столько сил, что верил, что победит их всех!

Прозвучал приказ и войско начало вытягиваться, расплзаться. Кавалерия ушла вперёд, довольно быстро скрывшись за холмами. Сицилийская турма двинулась на запад, придерживаясь древней Эгнатиевой дороги, ведущей в бывшие центральные провинции, где сейчас находилось сердце одного из султанатов.

Нетерпение встретиться с врагами, сокрушить, уничтожить их через какое-то время прошло, и Теодор начал больше внимательно по сторонам, немного устыдившись своего порыва. На его удивление, часть войск осталась на месте, или начали втягиваться обратно в город.

— Почему они остаются? — прозвучал чей-то вопрос, который чуть не задал Лемк.

— А почему бы и нет? А кто город охранять будет? Вдруг нас всех перебьют, так его можно будет без боя взять! — неудачно пошутил Мармарец. Но кто-то хохотнул, поддерживая.

— Да и видели сколько-то их там осталось? Немного — турма или две ушла на север.

— Румелихисар?

— Наверное... Не забывай, у нас столько купцов в городе, что они наверняка настояли на том, чтобы взять выходы из Пропонтиды под свой контроль.

Всё было немного проще, и одновременно сложнее. Камнем преткновения стал вопрос командования. По знатности первыми стояли два сына двух испанских вице-королей, выступающих в этом конфликте частными лицами, де Лара и де Виллаб, но они были ещё совсем молодыми и не имели боевого опыта, а также Великий логофет Хинтил, Стипиот и ещё один ромей — Пётр Кавасил. Авторитетный логофет не собирался возглавлять поход, Стипиот, как глава виглов, тоже оставался в городе. Кавасил, член старого ромейского клана, не пользовался авторитетом среди латинян, так как один из их источников дохода было ростовщичество, порицаемое среди латинских дворян занятие. Был ещё Франческо де Медина, знатный неаполитанец, имевший опыт войны во Франции и уничтожения разбойников в горах Калабрии, и уже в городе. Но это тоже признавалось всеми как не слишком большие заслуги. Осталась кандидатура Германа Кристофера фон Русворма, австрийского подданного. Он выполнял у ромеев роль личного поверенного в делах Рудольфа II, носил чин генерал-фельдвахтмейстера, что соответствовало испанскому чину батального генерал-генерала, и присматривал как расходуются средства, собранные коалицией на армию. Ещё был слух, что его отослали подальше от Вены, так как он настроил против себя всех полководцев Рудольфа своей несдержанностью и сумасбродностью. Но он был одним из немногих высших офицеров, собравшихся в городе, который имел опыт сражения с исмаилитами в этой войне. Участвовал в трагической битве под Керестешем, где себя отлично показал, а также в ряде удачных штурмов крепостей. А ещё — он был молод, всего тридцать четыре года, что как раз привлекло на его сторону голоса молодых испанских грандов. В итоге именно на его кандидатуре сошлись в выборе командующего, чему он несказанно обрадовался.

Следующим большим вопросом, в котором многие не могли прийти к единому мнению — куда направить основной удар. То, что сарацины не ждут нападения докладывали торговцы, прибывающие с их земель. Собравшееся по фирману (указу) румелийско-силистрийское войско традиционно отправилось в поход с началом мая, на основной западный фронт. Но могло остаться много тех, кто не вошёл в список фирмана, главным образом из сипахов и их джебелю, а также многочисленные кочевые юрюки, местные христианские сторонники сарацин — мартолы и войнуки, гарнизонные янычары, ветераны

— отураки, дорожные дербентчи и просто местное исмаилитское городское ополчение, которого в городах было много. Все торговцы называли разные числа, но самые надёжные высказывались, что их будет от двадцати до тридцати тысяч человек. Такое число исмаилиты смогут собрать с получения сведений о начале войны с ромеями за две-три недели.

Учитывая, что в разноплеменном войске едва насчитывалось шестнадцать тысяч человек, задача предстояла непростая. Поэтому и важно было выбрать, куда наносить удар. Выбор был — и огромный. Североитальянцы и представители торговых кругов настаивали, что сначала надо занять контроль над Пропонтидой, нанеся удар по Румелихисару и Родосто, заняв контроль над выходом в первом случае и уничтожив многих сарацинских конкурентов во втором, а затем дальше идти вдоль восточного побережья, сжигая или захватывая прибрежные города. Вторая группа настаивала, что разделять войска нельзя, и надо единым кулаком идти к ключевому городу в регионе — бывшему Адрианополу, являющемуся крупным центром, где находилось множество припасов и мастерских для сарацинских армий.

— Ведь наша задача, господа, в первую очередь помочь истекающим кровью полкам мессиян запада, отвлечь и нанести наиболее болезненный удар! И мы должны с честью выполнить порученную нам их императорским и их королевским величествами задачу.

Третья группа выражала мысли, что надо бы подождать савойцев и тех, кто будет с ними, а уж затем, объединившись, совершать действия против султанатов.

Это были три основные точки зрения. И только после выбора кандидатуры фон Русворма командующим, его решением был принят план, постаравшийся учесть пожелания всех трёх группировок. Голоса ромейской части учитывались в последнюю очередь, так как зависящие почти во всём от латинян, находящиеся в гигантских финансовых долгах перед западным купечеством, оставшихся с прежних времён и взятых в трудные годы для выплаты дани своим «покровителям», которую платили уже с перерывами почти две сотни лет, они были вполне послушными.

Решено было две турмы, в составе пяти тысяч человек с пятнадцатью орудиями сразу направить на север, к Румелихисару, гарнизон которого в несколько сотен человек должен был быть блокирован и с моря флотом, который находился в Городе. Так как своего флота не было, то каждому капитану корабля, который находился в городе, пообещали щедрое вознаграждение в случае согласия присоединения к общей эскадре. Выдавать вознаграждение было из чего — всё имущество подданных султанатов было арестовано и должно было быть продано.

Кавалерию, обменявшись вслух о том, какое это убожество, отправили вперед, искать врага и перехватывать бегущих от наступающего войска местных жителей и то, что они уносили.

Так как Румелихисар находилась на расстоянии менее одного дневного перехода от Галаты, то осадив и взяв город, друнгари должны были погрузиться на корабли эскадры и вернуться вдоль северного побережья назад, проследовав к Родосто, к которому уже должно было подойти всё основное войско. В самой крепости оставить одну-две турмы, для контроля ключевой крепости. Противодействия от румелийско-силистрийского флота не ожидалось. Силистрийцы никогда его в большом количестве не имели, ограничиваясь небольшим количеством галер, стерегущих разбойников в районе Несебра, Варны и дунайского устья. Румелийцы же держали свои корабли у Отранто и в Адриатике, охотясь на

ускоков и ведя необъявленную войну против всех. Проще говоря — пиратствуя.

Вот и шли сейчас, выполняя приказ, новые войска Ромейской империи. Под красно-золотыми знаменами, с двуглавым орлом и лабарумом, собранные и обученные на деньги заклятых врагов прошлого, под командованием иноземных офицеров, на войну, в которую каждый из них вложил свою надежду.

Солдаты шли.

Напряжение первого дня, ожидание, что их сейчас встретит сарацинское войско не оправдалось. В первый же день вышли к маленькому полупустому городку Кючюкчек, бывшей Батонее. Местное население, представлявшее собой обычных греческих рыбаков, не знали чего ожидать, осторожно выглядывало из домов. Стен у него не было. Сарацины вообще очень негативно относились к строительству стен в поселениях, где их народ не составлял большинство.

Опасаться жителям пока было особо нечего. По крайней мере — чего взять с нищих? А сарацинское население вместе с мухтесибом, сюбаши, если они тут и были, сбежали.

По войскам передали приказ о том, что строго настрого запрещается грабить податное население. Ослушавшихся будут вешать на месте. Всё только с разрешения старших офицеров. Иноземцы и многие ромеи начали шептаться о том, что все богатства достанутся офицерам, а они только кровь проливать должны, ничего не получая взамен. Не зря кавалерия ушла вперёд, всё самое-самое себе заберут, гады.

Потом был Бучук, бывшая Афира. История была та же, что и с Батонеей. Главы и те, кто мог сбежали, оставив местное население. Названия, кстати, если кто помнил как они прежде назывались, возвращали прежние, данные до завоевания исмаилитами.

Первым более крупным городком, в несколько тысяч человек был Силиври — Евдоксиополь. Тут местное население вышло перед войском, преподнося дары и приветствуя, по их словам, возвращение долгожданных войск великого императора. Делегацию возглавляли несколько местных купцов, по виду греков, а по одеждам — сарацин. Глядя на их откормленные лица, трясущиеся в поклонах, не слишком верилось в их слова о том, как они страдали от сарацин. По крайней мере лично они.

Следуя по дороге, полтора дневных перехода и вышли к Чорлу. Ещё подходя к городу, Юх в придорожных кустах нашёл кусок мраморной плиты с староимперскими надписями и изображением человека, с сияющим кругом над головой. По уцелевшей части Лемк, который всё-таки в скриптории, до того, как его выгнали, успел кое-чего нахвататься, прочитал что речь идёт о императоре Аврелиане и о Непобедимом Солнце. Что за «Непобедимое Солнце», было непонятно. Из старых богов, в которых верили в империи, и которых порой вспоминали в своей речи люди, такого никто не помнил.

Как уже более крупный город, Чорлу, который прежде назывался Кенофруриумом, был населён в основном сарацинами и поэтому имел стены. Но эти стены были в ужасном состоянии, к тому же тонки, так в этих краях уже множество лет не шла война. Не слишком высокие, построенные лет сто назад, они с момента своей постройки, судя по виду, и не ремонтировались. Анатолийцев, когда были последние конфликты, останаливали ещё у прибрежных крепостей, стоявших в самых удобных местах: Килитбахир — Гелиболу, Румелихисар — Бучук, или Родосто — Ерекли, а потому надобности в постоянном выделении средств никто не видел. Но местные жители думали иначе, решив обороняться. Ночью подвезли орудия, тащившиеся позади войска. К утру закончили подготавливать позиции, и через пару часов после рассвета две батареи по двенадцать тяжёлых орудий дали первый залп двадцатичетырёхфунтовыми (по меркам латинян) ядрами по стенам, которые явно содрогнулись, что очень не понравилось местным жителям. Если сперва они стояли на

стенах, выкрикивая что-то боевое, то потом заметались, забегали. Ещё несколько залпов, и кусок стены обвалился, открыв довольно широкий пролом. Тяжёлые орудия перенесли огонь на другой участок, а по попытавшимся заделывать пролом открыла огонь батарея более мелких двенадцатифунтовых орудий, калеча ремонтников, после ряда удачных попаданий убравшихся обратно.

Видя скорость разрушения стен, командиры начали выстраивать войска. Контариям приказали отложить пики и взяться за корды, тесаки, параменионы, спаты и оружие, у кого что было. Все находились в состоянии нетерпения — наконец-то долгожданный бой! И видя выстраивающиеся войска, никто не сомневался, что он будет успешным. Многих волновал главный вопрос — после того, как они ворвутся в город, успеть взять лучшую добычу, пока на неё не наложил руки кто-нибудь другой!

Делегация, вышедшая из города, вызвала возмущение у испано-итальянской части турмы, в ряду которой стоял Лемк. Если город сдастся — то это явно значило, что солдатам ничего не достанется.

Лучшие люди города, в своих традиционных халатах и тюрбанах пешком дошли до встречающего их Германа Кристофера фон Русворма, окружённого высшими офицерами армии. Трудно было судить со стороны, как там идёт беседа, но после ухода делегации орудия продолжили обстрел города. Они проделали сначала второй пролом, а потом гонец привёз приказ и друнгарии Сицилийской турмы пошли вперёд. Со стен открыли огонь мелкие пушки защитников. Пока приближались стены, солдаты шли молча, слушая приказы гемилохитов и кентархов, ровняя ряды. Первый разнобойный залп со стен ряды встретили тоже спокойно, приближаясь к стенам. К тому же в первых рядах шли контарионы, у части которых были полудоспехи, на таких расстояниях неплохо защищающий от выстрелов аркебуз. Со второго залпа кто-то уже зашатался и упал. Стали попадать в плотные ряды мелкие трёх- и двухфунтовые ядра. Солдаты немного сбились с шага, но офицеры не колеблясь вели вперёд. Первым вперёд вышел гемилохит Бауман, следом — Глэкнер и ещё пару офицеров. В своих более полных доспехах они шли вперёд, задавая тон — шаг — шаг — врум — врум, раздавалось вокруг, перемежаемое стуком железных деталей друг о друга. Ещё залпы — ещё кто-то упал. Шаги быстрее, ряды начали ломаться, но это уже не волновало первыми идущих офицеров. Вот уже стена и первые ряды, рванувшись побежали в свой пролом. Дальше, направо от бегущих солдат были видны уже толпы других друнгарий, забирающихся в свой пролом.

Сзади раздавались команды других офицеров, а Лемк, находясь в толпе, позади пикинеров без пик, бежал, стараясь не потерять из вида своего командира. Вот он пролом, он пройден, Глэкнер остановился, что-то кричал показывая, но солдаты увидели впереди гору наваленного хлама, за которыми стояли исмаилиты. Оттуда тоже последовали крики и раздались оружейный залп. Ещё несколько человек упали, но ревущая толпа, во главе с кинувшимся в ту сторону офицером, уже этого не заметила. Теодор бежал и орал вместе со всеми, позабыв приказ, по которому строго следовало в бою держать язык за зубами.

До сарацин он не добрался — стоявших на верху смели единым ударом. Но навстречу с улиц начали выбегать вооружённые толпы, напав и потеснив первые ряды ромейского войска. Начался бой стенка-на стенку. На крышах домом появилось несколько групп вражеских стрелков, вооружённых как огнестрельным оружием, так и луками, тут же открывшие огонь, от выстрелов которых ромеи стали падать один за другим. На баррикаду забрался Дипар, принявшийся наводить порядок. Задние ряды стали убирать мешающиеся

трупы чужих и своих из-под ног. Бездоспешные скопелфты начали так же забираться на крыши. Лемк, забравшись на плоскую крышу и приняв поданный снизу свой тяжёлый мушкет, раздул фитиль и глядя на увлечённо палящих сарацин, ещё не почувствовавших опасность со стороны, начал крепить фитиль к мушкету. Собравшись уже выстрелить, он вдруг остановился, а потом обратился к другим забравшимся:

— Давайте вместе, залпом!

— Командуй.

— Целься!

— Пали!

Залп смел половину стоявших в сорока-пятидесяти футах вражеских стрелков, а Лемк начал повторять вслух зазубренные команды, перезаряжая свой мушкет и давая залп за залпом. Ещё однажды с десятков врагов забрались на крыши, но их быстро перестреляли. Потом, видя, что внизу врагов ещё много и идёт знатная рубка, ромейские стрелки стали палить по тем сарацинам, что толпились дальше по улице. Поражаемые с крыши, некоторые попытались тоже вступить в дистанционный бой. Но надолго их не хватило. Ромеи, тесня ряды сарацин, шаг за шагом двигались вперёд, топча трупы врагов. В конце концов исмаилиты не выдержали и стали сперва просто отступать, а затем побежали.

Радостно крича на разных языках их стали преследовать и убивать. Собственно, на этом бой для Теодора и закончился. Пока они слезали, пока догнали своих, оказалось, что штурм закончился. Обошедшие столкновения у баррикад через другой пролом войска уже заняли весь центр городка, и добивали мечущихся защитников. Кто-то начал грабить, но таких быстро урезонили, так как приказа не было. Нескольких показательно повесили на стене.

Началась работа. Помочь оттащить раненых в лазарет к врачам, раздеть убитых товарищей, унести положить в общий ряд. Недалеко от лагеря обозники и те, кто не принимал участие в штурме копали общие могилы. Трупы же защитников предоставили хоронить самостоятельно местным жителям, найдя дом местного судьи-кади, которому настоятельно посоветовали это сделать побыстрее. Взятых в плен на площади и на улицах сарацин, не убитых в ходе преследования, пока держали под охраной, не решив что с ними делать. Раненых — кто ещё не помер, тоже разрешили разобрать по домам. Разрешил лично Русворм, несмотря на то, что ромеи и часть других высказывались за то, чтобы добить их, вместе с пленными.

Другие команды принялись освобождать тела мёртвых сарацин, до того, как их потащат закапывать, от доспехов (у кого они были), одежды, оружия. В эту команду попал и Теодор с друзьями. Грязная работа, от которой воротило, пришлась по вкусу только жадноватому Петру и любящему новые вещи Месалу. И им было без разницы, что эти вещи будут поделены между всеми, а не достанутся только им. Каждому чистому халату, красивым сапогам, яркому отрезку ткани с тюрбана, кинжалу с инкрустацией они радовались, хвастаясь друг перед другом. Евхит бормотал, не останавливаясь, молитвы. Илия, которому достался труп разрубленной напополам головой, проблевался и теперь сидел у стены, приходя в себя. Мрамарец, Гедик, Никифор вели беседу, обсуждая бой и вещи. Михаил и Юхим куда-то пропали. Мардаит и Лемк работали молча — Мардаит вообще был серьёзным и переживал что никак не проявил себя, а Лемк — просто чертовски устал. Тягать тяжеленные тела — оказалась непростая задача. Да и запах стоял такой, что начинало мутить. Но старался не подавать вида, чтобы не упасть лицом перед друзьями.

— Дураки они. — говорил в основном Гедик. — На что они рассчитывали? У них тут ни

оружия хорошего, ни доспехов. Одно старьё. Кольчуги... Ты посмотри, как её прорубило. А вон того? Его вообще пули насквозь прошла. Ну да, того не пробил кольчугу с обратной стороны, это аркебузная... Глянь какая дырища. Как это называется? Это килич, сабля их такая. Монеты не видел их, что ли? Это акче, серебряная. Её латиняне аспром зовут. По весу почти равна гроссо, но никто такую цену не даёт, слишком много в последние годы её разбавляют медью, так что берут сейчас менялы три акче за гроссо минимум. Это вот валяется байрам-ага, типа гемилохита. Вот с него есть что взять — исподнее тоже снимайте! Я эту камису, если на жребий не определят, отстираю и себе заберу. Пока киньте в воду, пока кровь сильно не засохла.

Лемк изгваздался в крови, пыли, был потным и грязным. Больше всего ему хотелось сейчас уйти в лагерь, чтобы уйти подальше от этого места. Но всё кончается, разобрались и с этой работой. Всё, что было на телах врагов — делили между солдатами той турмы, которая вела здесь бой. Сперва делили вперемешку на большие равные кучи — одежду, оружие, личные найденные вещи, всё вместе. Потом один представитель от кентархии указывал на кучу, другой, отвернувшись, называл какой кентархии она отходит. Внутри кентархии уже делили между солдатами. Пять долей друнгарию, четыре доли кентарху, тройную гемилохитам, двойную отличившимся солдатам. Когда Лемк, прижимая вещи, уже собрался уходить, его остановили и назвали его имя ещё раз, выделив в число отличившихся. Это за то, пояснил всем кентарх Герард Дипар, что он тогда метко вёл огонь с крыши, командуя при этом другими стрелками. Возразивших не нашлось и солдат получил ещё долю. Вернувшись к костру, слишком уставший, чтобы досматривать делёж, он начал рассматривать доставшиеся ему вещи.

Добычей стали пару халатов, испачканных в крови, простой нож, почти ничем не отличившийся от его засапожного, тонкий и плоский кинжал, с не выделяющейся гардой, кожаные штаны, пара поясов, потёртый конический шлем, горстка мелких акче, общей суммой пять гроссо, одна массивная серебряная монета латинян, которую местные называли куруш. Самой интересной, кроме серебра, оказалась последняя вещь — сарацинская сабля, длиной в те же три фута, ничуть не легче его парамериона, которым он сегодня так и не воспользовался. Именно о такой говорил Гедик, сказав, что называется она килич или клыч. У этой сабли были богато отделанные серебром ножны и выглядела и сабля, и ножны — просто великолепно. К сожалению, нести два вида рубящего оружия он не хотел, а потому от килича решено было избавиться. Кинжал Лемк решил оставить — приспособив за пазухой. Шлем сперва тоже хотел оставить, но взвесив, решил, что защита хорошо, но это ещё всё надо предстоит на себе и обменял на стальную шапочку с опускающимися на плечи кольчужной сеткой, оставляющей открытой лицо, с небольшими металлическими наушами. Защиту на голову решил всё же взять после того, как вспомнил того сарацина, которому так удачно разрубили голову. Также приобрёл заплечный мешок получше, поудобнее, чем его.

Всё остальное он обменял на серебро у товарищей следующий день или продал торговцам, которые следовали за войском. Килич отдал за такой же массивный куруш, который ему попался в добыче, хотя и предполагал, что сабля стоит дороже. Но и за такую цену еле удалось с помощью языкастого Месала.

В ничью долю не шли найденные аркебузы, ружья, порох и пули. Это сразу забирали комиты, отвечающие за снабжение. Высшие офицеры брали выкуп с богатых горожан, с которой часть они передали войску, в том числе и с городской казны. Потому всем в дальнейшем объявили, что за успешный штурм им дополнительно выплатят десять

венетских гробов. Солдаты радовались победе, предвкушали, сколько будет добычи в богатом Родосто, который они конечно же легко возьмут. Грустили, вспоминая тех, кому не повезло сегодня и ещё из-за того, что нельзя выпить. Вещи погибших в полулохах по жребию разобрали внутри отрядов. У них погиб один, но из его вещей Лемку ничего уже не досталось.

Ночью, слушая звуки пирушки со стороны где расположился командующий и турмархи, он долго ворочался, пытаясь уснуть. Устал как при работе в порту, но сон не шёл. Когда он слышал особенно сильные крики, долетавшие до их костра, приходили мысли — а вот Ле Менгр когда-то тоже так себя чувствовал после боя? Или как? Был ли он счастлив, что убил в бою кого-то, или ему было безразлично? Пировал ли в своём шатре или проводил время в молитвах? Спокойно ли он спал, или так же ворочался, вспоминая все события дня? Так ни к чему и не придя в своих размышлениях, он уснул, подумав о том, что война оказалась чуть более грязным делом, чем он думал.

А на утро пришла новость — тот Анджело, который Кальколо, с которым они когда-то столкнулись в казарме, стал кентархом! Слава Богу, что не у них в кентархии. И не в их турме. Он подмял под себя несколько более мелких групп и по факту, когда кентарха ранили, он остался самым авторитетным человеком в своём подразделении. К тому же и раньше прежнего командира всюду видели в сопровождении Анджело, которого он и оставил на этой должности «до излечения». Все те, кто тогда дрался против него и его бандитов, старались держаться вместе и впредь, не давая друг друга в обиду. Но знать о том, что теперь им может в случае, если рядом не будет их командира, старый враг — было неприятно.

После взятия Кенофруриума войско двинулось к Родосто, оставив в городе сильный гарнизон, который должен был контролировать, как жители ремонтируют стены, на случай подхода вражеских сил, а также исследовать верховья реки Еркене (Ригина) на наличие вражеских сил. Выше по течению стояло множество сарацинских городов, в которых уже наверняка активно собирались войска.

До следующей цели перехода было два дневных перехода. И две дороги — западная, блуждающая между холмами, и южная, которая доходила до моря, а оттуда к поворачивающая резко на запад, к нужному городу. Двинулись на юг, опасаясь того, что в холмах могут устроить засаду сарацины, как объясняли командиры, а также южная дорога была в лучшем состоянии — более наезженная.

Казалось бы, два дня, совсем немного времени, но за это время произошло несколько событий, которые довольно сильно повлияли на дальнейшую судьбу Теодора. Начать можно с того, что появившиеся вновь откуда-то Михаил и Юхим, воняя перегаром, отозвали Теодора в сторону и вручили примерно восьмифунтовый свёрток, со словами — «Специально для тебя старались», уйдя, позванивая увеличившимися кошельками. Свёрток, представлявший собой перемотанную бечёвкой мешковину, оказалась книга. Внутри, на первой странице было просто выведено на старом Μαυρικίου στρτηγικόν. Это даже не староимперский, который Лемк понимал относительно нормально. Так уже давно не писал. Поломав голову, он так и не припомнил ни в рассказах монахов, что их учили, ни в тех книгах, которые он явно или тайком успел прочитать, кто такой «Маврикий». Но слово «стратег» ему понравилось. Эта первая страница отличалась от остальных, она явно была вклеена позже. Несколько страниц было вырезано, а далее рукописно на бумаге было выведено:

«...Поскольку мы писали, побуждаемые одной только заботой о государстве... испытывали необходимость в том, чтобы наше начинание направляло...»

Так как уже все собирались выступать, то он быстро пролистал, пытаясь определить, насколько ценную для него находку принесли ему друзья.

«...Успех, достигнутый в сражении, должен быть закреплён энергичным преследованием разбитого противника: надо теснить врага до тех пор, пока он не будет совершенно уничтожен...»

«...фигомахию, полезную в борьбе против более сильных врагов, и многих из них истреблял этим способом. Подобная западня для врагов может быть организована...»

Увлёкшись, он так вчитался в текст, в те мысли, приёмы, которые ему сейчас рассказывал его древний соотечественник со страниц этого фолианта, что не заметил, как подошедший гемилохит, в сопровождении ставшего его толмачом-переводчиком и слугой солдата Луки. Глэкнер хорошо зазубрил на ромейском команды, но вот более длинную речь мог передать только с чей-то помощью.

— Быть умным — это хорошо, но надо знать место, когда это делать! Собрать вещи и идти в строй!

Держа в руках свой эспонтон, он был очень убедителен, особенно если вспомнить, какие удары он мог им раздавать. Сунув подарок в мешок и молясь, чтобы никто не посчитал это добычей, которая прошла мимо общего котла, он подхватил тяжёлый мушкет и побежал

к остальным.

Второе событие исходило из первого. В отличном настроении, как и прочие солдаты, Лемк смеялся, шутил, сыпал остротами из читанных книг. То, что кентарх Анджело мог им мог как-то навредить уже не вспоминалось. Все вспоминали его неудачи, а так же его дружков — как кого где поймали за воровством, как их били.

— Вы знаете, почему у него зубы такие белые? — вставил он в общий насмешливый хор.

Все недоумённо замолчали. И Лемк, постаравшись вспомнить, процитировал кусок стихотворения, заменив имя:

— ...И вот что я скажу тебе, Анджело мой:

Кто б ни был ты — сабинец или римлянин,

Тибурец, скряга умбр, или толстяк этруск,

Иль черный ланувиец, пасть ощеривший,

Кто б ни был ты, любезнейший, скажу тебе:

Нельзя смеяться по любому поводу.

Нет ничего нелепей, чем нелепый смех.

Но ты — ты кельтибер. А в Кельтиберии

Уж так заведено — мочою собственной

Там чистят утром зубы и полощут рот.

И кто из кельтиберов белозубее,

Тот, значит, и мочу хлебал прилежнее.

Только в процессе чтения Лемк чуть осёкся — у них в кентархии тоже было немало испанцев, хотя ромеев было всё же больше. И как они отнесутся к тому, что так говорят о кельтиберах, которые и есть сами испанцы, было непонятно. Могли обидеться. А драться по такому поводу ему совсем не хотелось. Но стих он всё же дочитал.

Грохнувший пушечным выстрелом смех разнёсся над фракийскими полями! Испанцы, и все прочие смеялись одинаково. Задние ряды переспрашивали у передних, что там произошло, просили передать шутку, которая стремительно начала расходиться по бредущему войску. И всем было всё равно, что Анджело из Италии.

А Лемк чесал затылок — даа уж, если это дойдёт до Кальколо, то после такого он точно вновь захочет свести с ними знакомство...

Третье событие тоже из первого. Но не только. После взятия Кенофруриума, на военном совете офицеров у фон Русворма, было решено усложнить организацию, для более удобного управления в бою. Потери в боях у баррикад, которые прорывали, если быть меньше, если бы между гемилохитами и солдатами находилось бы ещё одно командное звено. Гемилохиты, командуя группами по сорок-пятьдесят человек, разделённые на несколько родов войск, в ходе столкновения с врагом теряли нить управления войском. Фон Русворм настаивал, что надо ещё разделить полулохи- взводы. Он делал упор на то, что в остальных, «нормальных» армиях были взводы по двадцать — двадцать пять человек, которые возглавляли ветераны. Взводы делились на два отделения, которые состояли по десять — двенадцать человек. По словам присутствующего здесь хартулария Петра Гарида, который отвечал теперь за снабжение войск, а раньше отвечал за лагерь новобранце в городе, должность декарха — десятника предполагалась. Но от неё отказались, продолжал он, по двум причинам. Первая — бережение средств, так как введение должности предполагало и дополнительную плату за неё, а средств на войско и так уходило слишком много. Вторая — это то, что ожидалась высокая смертность в лагере, в ходе установления дисциплины над разбойниками, ставшими

новобранцами, от болезней, которые всегда сопровождали большие скопления войск. Выжившие как раз и укладывались в понятие латинян «взвод». Такие слова немного покоробили некоторых присутствующих, но обсуждение продолжилось.

Решено было ввести в состав кентархии, в помощь каждому из четырёх гемилохитов по двое декархов. Лучше бы трёх, но денег всё равно не хватало. В тех турмах, где было много стрелков, один отвечал за стрелков, а второй — за бойцов ближнего боя. Отвечал в том смысле, что смотрел за исправностью оружия, помогал получать и распределять продукты, назначал дежурных у костра, наличие свинца и пороха, чистоты одежды и много другого. В том числе, после смерти или ранения командира — должен будет возглавить подразделение. Первым декархом, или протодекархом, считался тот, который возглавлял бойцов ближнего боя. Второй — соответственно скопэфтов-стрелков. Там же, где стрелков было очень мало, или не было совсем — один декарх командовал контарионами, а второй — алебардистами. Как например в набранной последней из городского трущобного сброда Ланциарной турмы. На них в тот момент более дорогостоящего вооружения не хватило, и которых намеревалось больше использовать как саперов при осадах и резерв на случай сражения.

Так же, из-за того, что отряды начали нести потери, было настоятельно рекомендовано хартуларию начинать набор добровольцев в армию, так как появилось взятое у неприятеля вооружение, которым их можно было вооружить.

Для Теодора, который, как посчитали в кентархии, отличился в штурме, это обернулось повышением до второго декарха, который отвечал за стрелков, не переставая сам им быть. Это выразилось в прибавке пяти гроссо к жалованию. Как поделился с ним Лука, бывший при командире, Глэкнер не хотел его ставить на эту должность, так как посчитал, что у того много друзей будет среди тех, кем он должен командовать и из-за этого не справится, так как будет потакать им. Но на этом настоял сам Герард Дипар. И теперь он начал вновь получать от своего Гемилохита постоянные выговоры, хоть не побои как когда он только перешёл в стрелки, что солдаты слишком небрежно себя ведут. Но друзья старались помочь ему, а потом и остальные постепенно привыкли к тому, что он кое в каких вопросах заменяет Глэкнера. И большую роль тут оказал Гедик, новый глава контарионов и алебардистов их декарха. Ему к тому моменту прилипло прозвище Старый, не в том смысле, что пожилой — а много знающий. Он относился к этому нормально, кто бы к нему так ни обращался. Но панибратство сразу стал пресекать, требуя к себе определённой доли уважения. Но зная много различных историй, сведений как устроены те же исмаилитские армии, кто у них главный, чем отличается секбан от янычара, а тимариот-сипах от джебелю, и почему у бывших кочевников, где конь — мерило богатства и у которых сильнейшая конница, именно янычары играли важнейшую роль и множество другого, ему не трудно было завоевать это уважение и без рукоприкладства. Став ещё одним начальником Лемка, он подсказывал как обращаться к командирам, что сказать комитам, привёзшим припасы, чтобы не выдали самую дрянь и много других полезных вещей, которые все не перечислить.

Ну и последним, что произошло в этой череде событий, было то, что Глэкнер, получивший слугу, который мог перевести его речь с немецкого, начал учить их петь старые солдатские песни. По его словам — только красивая женщина, молитва и песня способны тронуть душу настоящего ландскнехта. Первое трудно шло со вторым, но ему было виднее.

Так всё и происходило, одно за другим, пока они постепенно подходили к Родосто. Прибрежный торговый город, сильно разросшийся в последние годы, не мог вместиться в безопасное пространство городских стен. Располагался он в долине, окружённой цепью

холмов, на равноудалённом расстоянии в четыре с половиной мили. Долина тоже была не ровная, а перерезалась вытянутым холмом, длиной в пару миль, плавно спускающимся к морю. Именно здесь стояла защищенная часть города, окружённая высокой и крепкой стеной, которая не доходила до порта, но ряд башен с стоящими там орудиями ясно говорили, что любым налётчикам не поздоровится. Предместья города раскинулись, вытянувшись вдоль моря на юго-запад и восток. Здесь проживали представители всех народов Средиземноморья, но помимо самих сарацин, которых было большинство, самыми крупными были армянская и греческие общины. Помимо них здесь осели болгары, часть унгар, после захвата придунайской Пустоши и часть тех египетских арабов, которые не смогли ужиться под властью анатолийского султана. Оседали здесь те, кто надеялся прожить торговлей и те, кто, как и в Городе, искал возможности прожить для себя наёмным трудом. Причём у них это получалось настолько хорошо, что множество прибыли стало уходить из рук итальянских (читай — венецианских) купцов, прежде контролировавших поток товаров из Мисра, особенно — специй. Но не только этим был знаменит город. Был он также известен и тем, что здесь был скотный рынок, самый известный из фракийских, куда сгоняли скот даже из Фессалии и Добруджи. Заготавливали тут и мясные изделия в виде долго хранящихся колбас, обрабатывали шкуры, делали одежду, конскую упряжь, был известный рынок сыров и многого другого. Самым известным здесь товаром были рабы. Рабы доставлялись сюда с северного побережья купцами кочевников, которые их захватывали в ходе практически ежегодных набегов у соседних народов — от Подолии до Черкессии. Привозили, конечно же, только молодых и крепких юношей и девушек, предпочитая пожилых рубить на месте, чтобы они не доставляли проблем. Здесь доставленных рабов перекупали, доставляя на рынки Каира, Триполи, Бизерты, Туниса или Бейрута. Белокожие пленники были ценным товаром для этих земель, и никогда надолго не задерживались на рынках, что позволяло продавать их с огромной наценкой. Что сказать — если даже молодой и здоровый раб, из захваченных понентинских моряков или солдат стоил в десять раз меньше! А и их мог себе купить далеко не каждый, пятьдесят — шестьдесят алтунов это огромные деньги. Конечно, наиболее ценными были девушки, но и на молодых мальчиков спрос не падал. Евнухи, бача, слуги в богатых домах — это было их основное будущее, и нельзя сказать, что оно становилось для многих из них счастливым.

Поэтому город мог позволить себе поддерживать укрепления в хорошем состоянии. Но вот из-за своего богатства мог теперь пострадать, так как стал одной из основных целей начала войны.

Когда войско подходило к городу, то возле ромейцев уже то тут, то там показывались маленькие юркие всадники. Они крутились вокруг войска, подлетая порой на стадию или даже футов на сто — сто пятьдесят, кричали и пускали в сторону войска свои стрелы, так как все собою представляли конных лучников. Выстрелы эти, впрочем, практически никакого ущерба не наносили. Ромейцы порой тоже делали выстрелы по ним, не поражая, но отгоняя самых смелых. По такой быстрой и подвижной цели было очень сложно попасть.

Под командованием турмархов войска начали располагаться на своих местах, распределяясь по лагерям, которых оказалось три. Один напротив предместий на юго-западе, другой на севере, заняв позицию на холме, вытянутом в сторону города, третий — на востоке. Даже на первый взгляд эти стены были крепче чем стены Кенофруриума, а потому началась более серьёзная подготовка. Лагеря стали укреплять, выкапывая рвы и делая насыпь. Подходящие отставшие кентархии вливались в процесс. Немногочисленные

всадники, оставшиеся с войском, периодически делали вылазки против кружащихся вокруг конных банд врага, но далеко не отходя. Юркие кочевники не стремились вступать в ближний бой. При звуке рожков ромейских всадников они уходили в стороны, осыпая врагов стрелами и даже умудрились ранить нескольких коней.

На ночь поставили усиленные патрули, опасаясь нападения врагов. В такой патруль был назначен и Лемк, задача которого с солдатами было быть готовыми к нападению. Самые глазастые были на валу, высматривая в темноте возможных подкрадывающихся врагов.

— Завтра мы возьмём город, — уверенно вещал один из солдат. — Вон, прошлый взяли без всяких проблем, и этот возьмём. Пушкари только пушки поставят, как жажнут пару раз — так стены и рассыпятся.

— Ага, надейся, — Мардаит решил включиться в беседу. — там стены придётся не один день осыпать ядрами. Да и людей тут побольше.

— Даа, умоемся тут кровью — протянул один, но на него все сразу зашикали.

— Умоемся, умоемся... Только кровью врагов мы тут умоемся. Нас больше, мы сильнее!

— Если бы только не эти собаки, что крутятся возле нас последний день... Как бы не ударили нам в спину, пока мы на город навалимся.

— Вот и получается, что все мы туда не ворвёмся. Кому-то тут придётся оставаться, охранять наши спины.

— Кто эти всадники вообще такие?

— Старый говорит, что это юрюки. Местные кочевники. Ну, не только местные, они вообще много где живут в Румелии. Кочуют, не имея постоянных мест. Появились тут уже давненько, ещё как только завоевали эти земли у Империи. Раньше все сарацины были такими же кочевниками, а теперь остались только эти, остальные больше в городах осели.

— Раньше они появились — встрял и Лемк. Стоять у костра было скучно. — Часть из их племени позвали ещё василевсы. А потом уже и с сарацинами пришли другие.

— Что? Василевсы? Да за каким дьяволом они их позвали?

Илие, который так воскликнул, сразу с нескольких рук стоящих рядом солдат прилетели затрешины. Евхит ещё и плюнул в его сторону.

— Ты, дурак, нашёл кого вспоминать ночью! Чтобы тебя нечистые утащили единственного!

Все осенили себя святым знаменем.

— Ну а так чего, действительно, они их позвали?

— В книгах говорится, что когда старый император умирал, то дети его начинали нередко драться, выясняя, кто же из них достойнее. И вот, когда они понимали, что своих сил недостаточно, то звали на помощь всех, кто за плату был готов помочь им. Так они постепенно всё чаще и чаще приходили, пока кому-то не пришла в голову мысль не поселить их не так уж далеко от Города. Чтоб, значит, всегда под рукой были.

— И что, вот так они просто тут и осели? Были такими же ромеями, что ли?

— Да какими ромеями? — все засмеялись над спросившим. — Ты их видел? Маленькие, лохматые...

— Нет, — продолжал Лемк — ромеями они не стали. Потому как их вполне устраивало, когда внутри государства нашего шла война. Ведь можно было грабить земли, угонять крестьян в рабство. И даже если не было войны — вели они себя ничуть не лучше. И всё им сходило с рук, ведь василевсы нуждались в них. И чем больше они разоряли землю, тем больше нуждались, так как крестьяне уже не шли в армию, а убегали прочь. А когда

пытались дать укорот — то они могли просто перейти на сторону врага, отчего армия терпела поражение, и приходилось откупаться, вводя новые налоги. А для кого новые налоги? Для крестьян же... Для нобилей же налогов нет...

Солдаты заозирались вокруг.

— Ты это, декарх, потише такие мысли говори. А то услышат ещё те, кому не понравится. И тебе, и нам достанется.

— Да, понесло меня что-то. Простите, друзья.

Помолчали.

— Так что, значит не только к купцам иностранным за помощью обращались василевсы?

— Не, не только. Обращались куда придётся, да зачастую, как мы видим, от этого было мало пользы. Вот...

Теодор не успел договорить, так как через один пост от них поднялся какой-то шум. Раздалось несколько выстрелов. Лемк с солдатами, согласно полученному приказу тут же схватили факела, взбежали на вал, закинув факела подальше, чтобы осветить что там происходит перед ними. Раздувая фитили, начали всматриваться, но ничего не было видно. Шум утих, и потом выяснилось, что у соседей выкрали пару стрелков подкравшиеся сарацины, закинув на них арканы и утянув к себе.

Утро началось с того, что вновь начавшие кружить на безопасном расстоянии возле лагеря кочевники размахивали, держа за волосы, отрубленными головами выкраденных ночью солдат. Жестами они показывали, что с остальными будет то же самое.

Глава 10

Неприятное начало дня принесло и другие проблемы.

Артиллеристы, начавшие искать позиции для установки орудий подвезли их слишком близко к стенам. Сарацины дождались удобного момента, не открывая огня, пока на оборудуемых позициях не оказалось довольно много народу, потерявшего осторожность. Бойцы Сицилийской друнгарии видели, как несколькими дружными залпами со стен были разбиты несколько орудий. Пока цепляли упряжки волов к тяжёлым стволам, которые подвезли ненароком так близко, пока зацепили тяжёлые двадцатичетырёхфунтовые орудия, весящие более семи тысяч ромейских фунтов, было покалечено несколько упряжек, волов, убито несколько человек и покалечено вдвое больше народа. Орудия отвезли ближе к лагерю, где начали обустривать новые позиции. Смелчаки потом в одиночку ходили к первым позициям, забирая оставшиеся ядра и выковыривая из почвы вражеские восьми и двенадцатифунтовые, если они не раскололись. В этом принял участие и Лемк с друзьями и приятелями, так как планы на серебро, которым расплачивались за ядра, у них у всех были большие.

Главным начальником артиллеристов был унгр Карл Истван, который воевал много лет под командованием знаменитого Яноша Борнемиссы, но смог вовремя уйти от гнева Жигмонда Батория, в отличие от повешенного Борнемиссы, вздумавшему перейти в лагерь его врагов. Обладая огромным опытом и быстро расколов стены Кенофруриума, он

пользовался серьёзным авторитетом среди своих людей, которых было немало. После штурма на города, их пошло дальше не менее десятка человек на орудие, а тех было не менее сорока. Карл Истван ничем не показывал, что эта успешная засада как-то может осложнить их положение. Он ходил с непроницаемым лицом, не показывая эмоций, словно истинный ромей. Его и можно было бы принять за ромея, даже одежда — широкий копеньяк с откидными рукавами и узкие остроносые сапожки, делала его похожим на жителя Города. Если бы только он не говорил только на иноземном языке, не понимая нормальный язык.

Его артиллеристы тоже старались ничем не показывать своей неудачи, громко всюду повторяя, что снос этого «старья» — вопрос недолгого времени.

— Вы посмотрите, — говорили они, посматривая с превосходством на стены. — их башни выдвинуты вперёд, они могут обстреливать весь город и часть близлежащего пространства, но там нет ни одного настоящего бастиона, и их башни слишком высоки! Развалим! Мы и отсюда всё разворотим!

Устанавливая на новом месте орудия, они не забывали теперь и о защите, укрепляя позиции с помощью тяжёлых фашин и делая насыпи, на которые и устанавливали орудия.

Ещё одним неприятным фактом было то, что флот, ушедший к Румелихисару так и не вернулся. Отсутствие блокады с моря затрудняло действие войск на суше. Было видно, что часть кораблей, находившаяся в порту города, ушла. И наверняка они увозили не бедняков с их барахлом в безопасность.

Но фон Русворм с офицерами не зря свой хлеб ели. Они предприняли несколько шагов для устранения всех препятствий на пути к овладению городом, помимо подготовки к его обстрелу.

Сам обстрел начался вечером, когда из-за стен начали доноситься призывы исмаилитов на вечернюю молитву. «Хейя аллашалах!» принёс ветерок пронзительно-тягучий призыв с башенок их святых домов и тотчас орудия сделали пристрелочные выстрелы, выплёвывая ядра в сторону стен.

Вторым шагом стал поиск добровольцев на дело, за которое пообещали хорошо заплатить. Для какого дела умолчали, но предпочтение отдавали тем, кто хорошо владел холодным оружием. В это число вошло довольно много бывших испано-итальянских разбойников, дворян, ромейской городской бедноты. Теодор, Мардаит, Михаил, Юхим, Мармарец, Гедик и ещё ряд бойцов их кентархии тоже вызвались. Их, пару сотен добровольцев, собрали отдельно от остальных, велели снять из одежды то, что было светлого цвета, контарионам снять доспехи, у кого они были. Тяжёлые мушкеты велели заменить на более лёгкие аркебузы.

Этот отряд возглавляли длинноволосый кастилец Пабло Магро, и калабриец Роберто Бевилаква, который был похож на змею, так как казалось, что он не ходит, а перетекает из одной позы в другую.

— Наша цель — те выродки, что убили двоих наших накануне ночью. Идём тихо, кто звякнет или заговорит, подставив нас — прирежу сам, — Озвучивая условия для вызвавшихся, он показал всем испанскую дагу. — Фитили — не разжигать. Сделаем это тогда, когда я скажу. Дерёмся, пока не убьём всех или пока я не скажу отступить. Кто раньше дела начнёт хапать вещи — тот пусть пеняет на себя. Назад тогда можете не возвращаться. Всё, что найдём после дела — наше. О том есть отдельный уговор. Кому идея не нравится — может валить отсюда нахрен!

Дали время выспаться, а к вечеру стали собираться. Он прошёлся, посмотрев обувь у

людей, в случае если видел тяжёлые ботинки или сапоги — то велел найти что полегче. Теодору не сказал ничего, молча осмотрев аркебузу, взятую у приятеля, глянув на бандольеру, запас пуль и парамерион, всегда торчащий рукоятью вперёд с левого бока. Скинув длинный потёртый эпилорикон, оставшись в одном полукафтоне, чтобы и не замерзнуть в ночи, и чтобы было удобно размахивать руками, он видел, как некоторые оставались в одних рубашках, вымазанных в золе и дорожной пыли. Кинжал за ремень, нож за голенищем сапога и можно идти.

Теодору эти их нынешние вожаки не нравились, а согласился на эту авантюру, как называли её все, так как идея отомстить ему нравилась. К тому же он понимал, что если сейчас не разобраться с этими юрюками, то они могут ударить на них в самый ответственный момент атаки на город, где возможно понадобятся все силы. Или же они вновь кого-нибудь подкараулят и замучают. К тому же, устраивать ночные налёты бывшие разбойники наверняка умели, а потому шансы были.

Вышли в полночь из западного лагеря и двинулись на запад же. Патрули и офицеры в лагере на них только косились, но никто не задавал вопросов. Отряд вёл Пабло с каким-то мужиком — то ли перебежчиком, то ли простым местным жителем, желающим помочь или заработать. Пару человек несли потайные фонари. У Магре и Бевилаквы, прибывших на войну во главе своих банд, были кремневые пистолы, которые они держали наготове, если наткнутся на вражеский разъезд. Лемк старался молчать, как это было уговорено, стараясь идти насколько возможно бесшумно, ориентируясь на только слегка колышущуюся тьму впереди. Этой тьмой были спины идущих, к которым иногда притрагивался, вытянув руку, чтобы не потеряться. И всё равно, шорох, звук дыхания был слышен от идущих пешими людей. Кто-то запинаясь о кочку, кто-то попал ногой в нору, подвернув ногу и теперь шёл в конце строя, пытаясь не стонать.

В колонне по двое, придерживаясь друг друга они шли по молодой траве, держась немного в стороне от дороги, ведущей к поселению, которое они обошли стороной. Перейдя через час гряду холмов, ограничивающих долину, они дошли до мелкого ручья, по которому повернули к северу. Этот ручей привел их к озеру, заросшему по берегам рогозом. К озеру не подходили, держась в стороне, на выбитой скотом земле.

Лагерь юрюков было уже хорошо видно. Со стороны, с которой подходили ночные налётчики были видны с десятков костров, стояли в стороне светлые палатки, какие-то необычные круглые домики, в свете костров светлели бока высоких телег. В стороне фыркал табун коней. У костров были видны люди. Часть из них сидела, кто-то спал. Но наверняка большая часть была внутри.

В трёх стадиях, подкравшись, залегли. Пока не встретили местных сторожей, но они наверняка где-то здесь были. Роберто Бевилаква взял половину людей, и мы начали красться, обходя лагерь восточнее. Цель была обойти лагерь и найдя сторожей, которые наверняка были выдвинуты в поле, по возможности тихо их обезвредить и уже потом напасть на лагерь. Не получится тихо — сразу бежать и резать тех, кто находился у костров. Надо было всё это сделать тихо, и что самое сложное — одновременно. Начать нападение планировалось, как только начнут исчезать звезды на востоке. Стрелкам передали, чтобы вперёд не лезли, а стреляли по возможности.

Лемк всё это время, пока шли и теперь, подкрадываясь к спящим врагам, испытывал самые разные чувства. Это был горячий азарт, который торопил вперёд и холодный расчёт, который наоборот, сдерживал, направлял. И Теодор прислушивался ко второму чувству.

Собственное состояние и самочувствие радовало и возбуждало. Хотелось отправиться в драку, но осторожность подсказывала — не торопись.

Несколько раз останавливались, замирая. Но время шло, надо было поторапливаться. Самым сложным и долгим было обойти табун лошадей. Животные более чувствительные, могли начать беспокоиться, встревожив охрану преждевременно. И вот, когда все по широкой дуге обошли этот табун, что-то пошло не так. Вернее — на пути попался то ли сторож, то ли пастушок, но — он, увидев толпу крадущихся во тьме людей, или может быть ему показалось что какой-нибудь нечисти, но так или иначе — он заорал! Тут же недалеко вспыхнул костерок, возле которого сидело ещё несколько человек. Костерка этого видно вообще не было, видно был скрыт как-то. И когда юрюки вскочили, то он осветился, как показалось, маленьким солнцем!

Скрываться было уже бессмысленно. Быстро рубанув по вопящему парню, все кинулись на ближайших врагов, начав их колоть и резать. Юрюки и не попытались даже убежать — возможно не оценили количества врагов. Продержались они не долго, их быстро окружили и посекали. Раздалось несколько выстрелов — это отряд Магро вступил в бой, напав со своей стороны. Все побежали к лагерю, стараясь не дать времени врагам одеться и организовать сопротивление.

Лемк, кинувшись со всеми, но пока у него не было огня, аркебуза в его руках была бесполезной дубиной. У кого был потайные фонари уже не разобрать, поэтому, подбежав к костру, он поджёг фитиль, и только после бросился догонять остальных, стараясь придерживать одной рукой сильно раскачивающийся тяжёлый парамерион.

В лагере уже всё перемешалось — нападавшие рубили ошеломлённых защитников у костров, но выбегали всё новые и новые из палаток, тут же с воинственными кличами бросавшиеся в рубку. Вооружённые саблями и копьями, они были небольшого роста, кривоногие, но быстрые и жилистые. Видя, что отрезаны от своих лошадей, они бесстрашно бросались в бой. Пока одни сдерживали нападавших, другие схватились за луки, практически в упор пуская стрелу за стрелой. Такого уже не ожидали нападавшие. Не имея доспехи, стрелы наносили им серьёзный урон.

Подбежавший Лемк видел рубящихся врагов, но попасть в них было не просто, так-как они были довольно быстры, но тут же заметил лучников и уже хотел было выстрелить по ним, но заметил размахивающего саблей за спинами сражавшихся вражеского командира. Он направлял подкрепления, указывал лучникам, чтобы они забрались на телеги, которые стояли все рядом. Туда же по команде этого командира стали и отступать простые бойцы.

— Стреляй в бея! — прокричал Гедик. Что Лемк уже и так собирался сделать. Нажатие на скобу, загорается порох, вспышка и тяжёлая свинцовая пуля, способная на пятидесяти футах убить одоспешенного всадника, бьёт бея в шею. Схватившись руками за шею, из-под которых ручьём полилась кровь. Сделав пору шагов к повозкам, он упал на колени, а потом рухнул ничком. Пара отступавших его подчинённых, подхватила упавшего и потащила.

В пробегавшего рядом ромея попала стрела, ещё пара пролетела рядом. «Отомстить хотят?» — промелькнула мысль, пока Лемк отпрыгнул в сторону и побежал за палатки, огибая их. «Надо не дать им всем забраться на эти повозки! Это будет трудно оттуда их выбить, наверное.» Ориентируясь по отсветам костров, возле которых толпились нападавшие ромейцы и обороняющиеся юрюки, часть из которых уже была разметана, он не заметил, как наткнулся на какого-то мелкого кочевника, выбежавшего на встречу, которого он на скорости сбил с ног, откинув на несколько футов в сторону. Второй юрюк, бежавший

рядом с ним, хотел достать его длинным ножом, но Теодор, не бросивший аркебузу, выпадом, как пикой, ткнул стволом в лицо кочевника, от чего у того раскрошились зубы. А потом, перехватив оружие за ствол, со всего маху опустил приклад на голову воюющего врага. Что-то хрустнуло — приклад или череп. Встающего сбитого с ног первого пнул в плечо, повалив обратно, и ещё удар прикладом. И ещё удар. И ещё удар! Тело продолжалось дёргаться, но это уже в агонии. Хорошее у него оказалось оружие, но это для ствола прошло не просто — оно выгнулось и продолжать им так орудовать было уже невозможно.

Прислонив аркебузу к чему-то чёрному, он обнажил свой тяжёлый клинок и продолжил путь, уже не так спеша, чтобы ненароком самому не попасть удар того, кого бы он второпях не заметил. Сердце после этой неожиданной встречи колотилось, на лбу выступил холодный пот, когда понял, насколько ему сейчас повезло.

Сзади раздалось топанье и из-за палаток выскочили несколько человек.

— Свои! Свои! — поспешил крикнуть Теодор.

— Чёрт, чуть не убил... Тео, ты? Тоже к этим задницам на телегах захотел подобраться? Хорошее дело, только надо все хорошие дела делать совместно с друзьями.

Мелькнул очередной отблеск кострового света, осветив Мардаита с остальными друзьями.

— Вперёд!

И поспешили все вместе дальше, обходя текущий бой так, чтобы выйти с тыла к забравшимся на телеги лучникам. По пути они закололи ещё нескольких выскочивших на них юрюков, но когда они выскочили туда, куда спешили, то враги их не заметили. Всюду стоял шум — все подбадривали криками своих друзей, проклинали врагов, кричали раненые, звенело оружие, хлопали тетивы стрел, трещали разлетались головешки костров, когда в них влетали дерущиеся люди. Несколько крупных углей, разлетевшись, подожгли близстоящие палатки, что дало не некоторое время яркий свет, осветивший всё вокруг. Этого времени хватило, чтобы друзья вскочили на телеги. Лемк, не дожидаясь, пока лучники на него обернутся, рубанул с плеча наискосок по шее ближайшего. Слегка изогнутый тяжёлый и широкий клинок, меч-сабля старых имперских всадников, со свистом прорезал воздух, и практически перерубил ничем не защищённую шею. Ещё удар наискосок, шаг и ещё удар. Рука одного из лучников упала с зажатой стрелой. А потом на него накинудись несколько врагов, и пока друзья не вмешались, он успел получить несколько тычков и касательных ударов саблей. Он хотел продолжить бой, но впереди уже были спины Юхима и Мармарца, успевших перемахнуть на следующую телегу, распихивая и пинками сбивая визжащих кочевников, которых внизу уже ждали жаждущие крови клинки.

Теодор ещё успел, подойдя к краю телеги, рубануть по затылку прижавшегося спиной к ней одного татарина, выставившего две руки, с зажатыми в них двумя саблями в сторону нападавших, не спешащих подойти к нему. Тело кулем без звука свалилось вниз. А Теодор осмотрелся. Никто уже не дрался. Не с кем было. Среди догорающих костров повсюду вповалку валялись тела, одни на других. Воняло сгоревшим мясом, дымом, дерьмом и кровью. Кто-то выл, хрипели умирающие. Несколько пленных, стоя на коленях и вытянув руки в сторону победителей, тонкими голосами что-то протяжно-речитативно наговаривали. Солнце ещё не поднялось, но его лучи из-за холмов показывали, что уже не долго осталось до его восхода.

— Это же сколько мы тут дрались?

Никто не ответил.

Вытерев парамерион, он хотел вложить клинок в ножны, но показалось что в левой руке он что-то держит, какая-то рука тяжелая. Поднять руку к лицу тоже не получилось. Развернувшись боком к пробивающемуся солнечному свету, он увидел, как с кончиков его пальцев левой руки, на доски телеги часто-часто капает кровь.

— Друзья, мне тут нужна ваша помощь.

Пара резаных ран на руке, проткнутая кожа на боку — вот чем для Лемка закончился тот вечер. Ему быстро перемотали руку чьим-то халатом, отчего кровь перестала бежать, другим здоровым кусок ткани заткнули бок, посадили на телегу и велели сидеть и не шевелиться. Чем Теодор с удовольствием и занялся, так как после драки его трясло, зубы выбивали чечётку как будто он искупался в ноябре в море. Потом резко это прошло и накатила страшная слабость, отчего он только порой морщился от просыпающейся боли и вращал глазами, следя как налётчики вяжут пленных, собирают добычу, тела погибших товарищей закидывают на телеги.

Всего погибло их десятка три, большая часть была так или иначе ранена. Тогда как разнести им удалось не менее трёх сотен кочевников. Пленных набралось четырнадцать мужчин и пара десятков женщин, нашедшихся в жилищах кочевников. Женщины эти, такие же небольшие, но кругленькие, упитанные, с глазками, которые почти не было видно из-за щёк, не вызвали ни у кого из нападавших интереса. Но появился вопрос — а что, собственно, с ними делать? Отпускать женщин — так они предупредят соплеменников о том, что тут произошло и ещё один подобный трюк уж точно будет труднее проверить. Мужчин отпускать даже не упоминалось. Тащить с собой в лагерь можно, но они замедлят путь, хотя и могут принести выгоду, если их продать какому-нибудь купцу, тащившемуся в обозе. Также можно их пустить под нож. Но в коротком споре победила алчность и перетянув локти и кисти пленников арканами, связали всех цепь, привязав один конец к телеге. С ранеными врагами было проще всего — их быстр и без затей доби́ли.

А затем под крики Роберто и Пабло и других активных грабителей начали снимать путы с коней, запрягать их и волов в телеги, вязать вьюки, вытаскивать одеяла из палаток.

— Нет времени упаковывать это! В лагере разберёмся! Скидывайте всё в кучу.

И в эту кучу летели кошма, ткани, одежда, сабли, луки, сапоги, кошель с поясами, котлы, посуда деревянная и металлические кувшины, бурдюки с не пойми чем, мешки с крупами, торбы с ячменём, дырявые и окровавленные шерстяные халаты, пачкающие рядом лежащую шёлковую одежду...

Кто-то повздорил над телом убитого исмаилита, поспорив, кто его убил и достоин, таким образом, всё с него снять. Чуть не дошло до ножей, но Бевилаква посмотрев на буйствующих своим змеиным взглядом велел им в лагере разыграть вещи в кости и не спорить, иначе того из них, кто продолжит спор, он оставит связанным здесь, в разгромленном лагере. Спор тут же увял, и все принялись и дальше заниматься самым интересным в жизни наёмного солдата делом.

Глядя на разбросанные десятки тел, над которыми уже начинали виться жирные мухи, привлечённые густым запахом крови, у глав налётчиков появилась ещё одна мысль. По их приказу все убитые враги были обезглавлены, а головы были сложены в одну кучу. Первые телеги с налётчиками уже тронулись в путь, в сторону своего лагеря, как и Лемк кое-что вспомнил. Отлежавшись, он почувствовал себя лучше, он тоже решил добавить к той груде человеческих голов, которые должны были устрашить врагов и показать, что с пришедшими лучше не шутить. В той книге про Маврикия, которую ему подарили друзья, он прочитал, как их предки совершали ритуал водружения трофея на выигранном поле битвы, как благодарность высшим силам за дарованную победу. Чем у них не поле битвы? Чуть

пошатываясь, он связал пару обломков пик в виде креста, размотал уже почти полностью окровавленный халат с руки, забрал из телеги пышную шапку того бея, которого он подстрелил, подобрал несколько сломанных сабель, почему-то не закинутых в телеги и преодолевая брезгливость и отвращение, добрался до центра отрубленных голов, где на вершине и приспособил конструкцию. На пики надел халат, на вершину шапку, обломанные сабли воткнул у подножия шеста, и таким образом получилось что-то вроде чучела, только немного жутковатое.

— Зачем? — только спросил Гедик у возвращающегося Лемка.

— Благодарность... На удачу... — только и смог выдать он, сам не понимая, что на него нашло. Ну посчитал он нужным так сделать, вот и всё.

Некоторые из греков, на удивление, только понимающе кивнули, как будто так всё и должно быть, в отличие от латинян, которые посматривая на это, крестились. Как будто это и не они рубили головы трупам и собирались резать пленных женщин.

Трясясь в телеге, он пытался для себя обосновать, зачем он так сделал. Богатую шапку, за которую можно было получить немало серебра, считай выкинул. Измазался сам весь в крови. Хотя и так весь в ней, в принципе, был. Показал себя каким-то сумасшедшим. По крайней мере, именно такие взгляды он на себе ловил. Но обдумывая всё, что произошло, Лемк уже, заскакивая наперёд, и в лагере не пожалел о своём поступке. Обдумывая эту мысль, он пришёл для себя к выводу, что ему важно было показать хотя бы в такой незначительной мере, что забытые традиции их рухнувшей империи ещё живы, что дух побед прошлого присутствует здесь, с ними. Ну а если враги увидят то, что осталось от убитых юрюков, и хоть у некоторых из них поселится в сердцах страх, то Лемк знал — он сделает подобное ещё раз. Старые враги его народа должны видеть — им ничего не сойдёт с рук. Он будет показывать всем, что связываться с армией императора себе дороже и лучше уйти у неё с дороги, покориться или умереть.

В целом путь обратно прошёл успешно. Уже у своего лагеря их попытались атаковать около сорока исмаилитских всадников, видно приняв их за какой-то обоз, везущий припасы армии. Но слитный залп из нескольких десятков ружей быстро охладил их пыл, и оставив пару тел своих товарищей на земле, они удалились на недостижимое для аркебуз расстояние, откуда пускали редкие стрелы, не причинившие никакого вреда.

В лагере их встречали как героев. Пока вереница телег тянулась в сторону расположения их обоза, почти весь их осадный лагерь вышел посмотреть на это. К ним подходили, хлопали по плечам, если видели знакомых, расспрашивали о том, куда ходили, сколько врагов убили. Среди встречающих в стороне были видны даже офицеры, которые провожали взглядом забитые добром телеги.

Теодора, вместе с остальными, определили в лазарет, но так как у него были не самые тяжёлые раны, его оставили на очереди к лекарям в одну из последних очередей. Пока ждал, его навестили друзья, Месал с Евхитом предложили его быстро подлатать самому. На вопрос каким образом они собираются сделать, они принесли откуда-то комок паутины, отодрали корку запекшейся крови с ран, протёрли тряпкой, залепили паутиной раны и вновь замотали всё это. Когда, после долгого ожидания к нему всё же подошли, чтобы помочь с ранами, то лекарь пришёл к выводу, что тут уже он большего ничего сделать не может, а потому он пока остаётся у них под присмотром. Следующую неделю Лемк провёл у них, смотря как прибывают новые страдающие, как умирают один за другим те, кто отправился с ним в налёт на лагерь юрюков. Вообще поправилась примерно половина из оставшихся у лекарей,

а половина отправилась за пределы лагеря в своё новое вечное земляное жилище. Причем эта выздоровевшая часть была в основном из тех, кого навешали товарища, кормя и ухаживая за ними. Хотя, в общем, кормёжка в этом месте была неплохая — им давали даже мёд, еда была со специями, в день выдавали немного миндаля. Говорили, что это всё помогает быстрее излечивать раны. Ну а друзья приносили ему его долю из котла, где было немало мяса, так как добыча позволяла им питаться настолько сытно, насколько вообще могли позволить себе солдаты в полевых условиях: баранина, конина (которую латиняне вообще отказывались есть), сытные каши, грубый хлеб, разбавленное вино. В общем — отлично Лемк отдохнул!

Лёжа, он читал сочинение Маврикия, заучивая некоторые моменты, которые ему особенно нравились, предавался мечтаниям, размышлял. Всё было бы вообще отлично, но стоны тех, кому менее повезло, чем ему, омрачали общий ход мыслей и утягивали с небес, где он уже был богатым и уважаемым комитом, на землю, показывая, что война не закончена и в следующий раз он может оказаться на месте очередного испутившего дух товарища. Поэтому при первой же возможности, как только начал чувствовать себя вообще хорошо, показал лекарем свои начинающие затягиваться раны и убеждая, что, так как он декарх, без него десяток совсем распустится и натворит немало дел в лагере, потому что там такие драчуны и сорвиголовы, что ему лучше за ними присмотреть. С чем его быстро и отпустили восвояси.

За то время, что он был в лазарете, ситуация с городом изменилась. Кстати, одним из вопросов, над которым он размышлял — как правильно, лазарет или госпиталь? Пришел к выводу, что это одно и то же, но у них лазарет, так как с ними есть рыцари из ордена святого Лазаря. Так вот, ситуация в городе изменилась. Они уже не осаждали город. Штурмом его тоже не брали, хотя к этому всё уже было готово, так как и ожидаемый флот тоже подошёл, полностью заблокировав город. Но он и не сдался. Вернее, не совсем сдался. Так как там проживали крупные «миллеты», то есть общины армян, греков, то они сумели между собой сговориться и послать человека к командирам осаждающей армии с предложением о том, что они помогут им взять город, в обмен на неприкосновенность жизни и имущества членов общин. На что Русворм ответил, конечно же, согласием. Хоть и всячески постарался показать, что они бы и сами справились, но лишь человеколюбие и заветы Мессии толкают его на путь того, чтобы воспользоваться помощью горожан. И накануне ночью несколько тысяч бойцов просто вошли в город, благодаря распахнутым греко-армянскими войскам сераткулу (ополчение) воротам, устроив там погром и резню, уничтожив почти полностью гарнизон исмаилитов, который не ожидал такого коварства. Но обещания не трогать кварталы и склады (основную часть складов, так как в суматохе захвата порой не разобрать — где чьё) тех, кто решил перейти на сторону правых сил всё же сдержали.

Кстати, так как исмаилиты всех иноверцев объединяли в общины по религиозному признаку, то миллет греков и армян должен был быть единым, но у них во всех сарацинских городах они всегда были разные. А во главе таких общин ставили самого старшего по иерархии священника, спрашивая с него за все деяния членов общины.

Пока в городе офицеры и представители тех кругов, которые финансировали войско и вообще являлись кредиторами ромеев, подсчитывали прибыль от конфискованных в счёт долгов ромеев перед ними складов, кораблей, домов и прочего имущества местных джелепов (купцов), эминов (чиновников), кади (судей), мухтесибов и наибов (помощников судей), сердара (начальник гарнизона), глав эснафов (гильдий) в основном именно исмаилитов,

Лемк, который вернулся в расположение своей кентархии, тоже занялся подсчётом прибыли. Его ждала добыча из лагеря юрюков. Первым трофеем шла телега с палаткой. Её взяли в качестве общей добычи, и вмещала в себя десяток человек, а в упакованном виде, на телеге ещё оставалось достаточно места. Груда одеял, войлока, овечьих шкур, посуды, котёл прилагались. Пара шестидесятифунтовых мешков ячменной муки, немного вяленого мяса. Шерстяные халаты, кожаные шапочки, ношенное исподнее, стоптанные сапожки (неподходящие по размеру), платки, пару отрезков ткани с кушаков, плети, какие-то обмотки. Несколько кавалерийских пик, лук, куча стрел, ржавая сабля и несколько кривых ножей. То есть ничего такого, что бы Теодор себе захотел оставить. Немного женских украшений: пара серебряных, четыре медных колечка, подвески из медных монет.

Когда Лемк пришёл к своей прежней палатке, то увидел уже установленную новую палатку, и встречающих его товарищей. Хотя и недолго его не было с ними, но Теодор успел соскучиться, а потому был рад обнять их всех. Когда он вошёл внутрь и увидел Верни, натачивающего нож, хотел обняться и с ним, но тот лишь хмуро махнул рукой в сторону:

— Вон твоё барахло.

Лемк, сбившийся, лишь пожал плечами и пошёл разбирать добычу. Мардаит, вошедший следом, свистнул ему и перекинул полотняной мешочек с серебром.

— Твоя добыча монетами. И за тех пленных с бабами. Их всё же продали. Правда вытянули с купцов меньше, чем хотели. Гораздо меньше. Но и так получилось неплохо.

Верни встал и держась неестественно прямо для него, вышел.

— Что это с ним?

— Да завидует он. Тому, что добыли всего. Мы тут теперь одни из самых богатых голодранцев! — рассмеялся он Сид. — У тебя тут на три остмаркских талера серебром.

Лемк присвистнул и взвесил и развязав мешочек, заглянул внутрь. Серебряные монеты лежали холодными плотными кругляшами разных чеканок.

— Да тут денег больше, чем за год службы мы бы получили!

— А то! Наш путь к исполнению наших желаний начат! — подмигнул Сид.

— Кстати, тут шепотки пошли — продолжил он, — пока между нашими, из полулоха спрашивают, не язычник ли ты?

— А ты?

— А я им — да какой он язычник? Он же с нами, из воспитанников и трудников церковных! Но вот это твоя выходка с установлением трофея уже у всех на слуху, имей это в виду.

— Вот же... Да я не хотел ничего плохого сделать! Я только...

— Да всё нормально, многим понравилось. Говорят, там такое зрелище, что штаны испачкать можно получилось. А шапка того бея — вообще щедрый жест! Кстати, жаль что он не успел одеться, так бы всё ты себе забрал, а так вроде же не выпало ничего? Ну покопайся в куче, увидишь. Так вот, ты всем показал, что убил знатного воина. То есть мы не стали его брать в плен. Да, не могли взять, но кто там об этом знает? Никто. Так вот, смотри, у нас получается как говорят Глэкнер с другими — «плохая война». То есть смотри, они теперь дважды подумают, прежде с нами связываться. А если их погонят, то будут драться и думать, как бы слинять. Хотя, может быть и так, что если уж они попадут в ситуацию, когда сдаться или биться, то выберут драку, думая, что их всё равно убьют. Хм, ситуация... — задумался Мардаит.

— Слушай, пока ты решил тут сделать умный вид, подскажи, ответ на один вопрос, о

котором я думаю несколько дней. Ты заметил, чем юрюки отличаются?

— Ты о маленьком росте, кривых ногах, узких глазах...?

— Нет. Ты заметил, что у них зубы у мужчин все кривые и торчат наружу?

— Хм... Да, точно, есть такое!

— А отчего так? Почему у них такое?

— Ну ты как спросишь что-нибудь... Да откуда же я знаю? Может они там с лошадьми спят и вот такие у них рождаются? Ты вон у Старого спроси, он наверняка знает. Вот умеешь ты... Ладно, я тебя сейчас тоже ошарашу. Тут не вся твоя добыча. Пойдём, выйдем.

На улице они прошли через расположение всей турмы, пока не вышли к полю, где пасся табун коней.

— Ну вот, — улыбались Сид и присоединившиеся Илия, Месал, Михаил. — Так, наши пока отдельно? Вон видишь там с десяток коньков? Это наши. А вон видишь того, коричневого... Ааа, нет, его называют тут правильно гнедым. Да, вон того, что запрыгнул на другого... Вернее, другую. Это твой!

— Да вы чего? Да зачем мне? Мы же солдаты? Я стрелок! Куда мне коня?

— Как зачем? Учиться и ездить! Ну или добычу возить, когда в телегу не помещаться будет! — смеялись друзья.

— Да не сердись, — уже подначивал Михаил. — Смотри какой боевой коняшка! С таким тебе в бой в первых рядах нестись! Пронесет через все вражеские ряды к самому султану, которого ты заколешь и станешь героем!

— Будешь на нём потом триумф принимать, как полководцы в древности! — вторил ему Месал.

— Да ну вас...

— Да ладно тебе, — серьезнее уже сказал Илия, — просто табун большой был. Большинству или конь, или кобыла попалась по жребию. Я думаю, что они нам пригодятся.

— Уговорили, но если что — сразу продадим!

А вечером, у костра с котлом похлёбки, получилось задать вопрос и Гедику Старому, о зубах юрюков.

— Да это не трудно и самому понять, так-то. Видели, как они стреляют на коне?

— На скаку...

— Двумя руками...

— Вот в том и дело. А как они конём будут управлять? Вот зажимая поводья в зубах, и удерживая лук со стрелой в руках они и управляются. А конь, это сильный зверь, он может так мотнуть головой, что никакие зубы не выдержат. А они с детства так учатся. Вот потихоньку такими кривозубыми и вырастают. Ну и кривоногими к тому же.

Из добычи были оставлены только конь, телега с палаткой, котёл, продукты. Всё остальное было обменено на новую одежду взамен испорченной и куплен вол из добычи других солдат. Из новой одежды была куплена лишь тонкая войлочная роба, взамен утраченного полукафтана, под названием капанич.

Но появился новый вопрос — кто будет управлять телегой в обозе, когда они сами будут при войске. К гемилохиту было бесполезно подходить с вопросом, чтобы им самим, например, по очереди, разрешили быть при обозе. Проблему взялся решить Месал, через какое-то время приведший мальчонку-оборванца, по лицу которого и не скажешь какого он роду-племени, отзывающегося на имя Юц, но к которому чаще обращались «Эй, ты!» или просто в третьем лице «Пусть мальчишка лошадей почистит». Был он тихим и послушным, и

даже, Лемк бы сказал, забитым. Месал сказал, что нашёл его копающимся на помойке. Он неплохо обращался с лошадьми, любил их мыть, расчёсывал им гривы, криво-косо, но умел обращаться с иглой-нитками. Но когда дали ему задание приготовить еду, то закончилось это зря переведёнными продуктами, отлупленным Юцем и тем, что все стали на какое-то время гораздо чаще бегать к выгребным ямам.

Немного подумав, коня назвал Гемоном, в честь одного из сатиров. Такой же небольшой, распутный, ленивый, с густой и довольно длинной шерстью, косматой гривой, и очень выносливый.

А обещанная награда, которой так прельщали добровольцев на дело, не была выдана.

Обещанной наградой могло служить то, что солдат их друнгария стали выставлять на охрану центральной части лагеря, после того, как город был взят. Уже не требовалось держать отдельно три разных части войска. В город солдат, а уж тем более примкнувшие к армии банды наёмников пускали ограниченно, так как грабёж населения не допускался, беспорядков не было, так как население было впечатлено быстрой расправой с основной частью гарнизона. Основная масса врагов была уничтожена, пленные выведены и содержались под охраной вне города. Поэтому после взятия города ещё два дня были проведены под его стенами, а затем вновь начался поход, который был облегчён тем, что основная крутящиеся вокруг отряды юрюков и более редкие отряды акынджи практически исчезли.

С пленными, которые так или иначе попали в плен в Родосто, Кенофруриуме или разных стычках, решили просто. Так как Родосто был одним из центров торговли живым товаром, то, хоть и промышленяющие этим сарацинские купцы оказались не у дел, в силу того, что теперь они сами оказались в плену и собирались выпустить их только под выкуп (не считая отобранной собственности) армяно-греческие купцы решили не упускать такое прибыльное дело и, подсуетившись, получили разрешение на выкуп пленных незнатного происхождения, «дабы в мессианской милости дать возможность искупить грех свой в труде». Дело обещало быть выгодным, так как за здорового мужчину на рынках Сицилии и Тосканы давали от пятидесяти дукат, а у офицеров их покупали за половину дуката/дукат. Конечно, тут же между недавними союзниками — армянской и греческой общинами — развернулась борьба за то, чтобы приобрести лояльность высших офицеров и как-нибудь оклеветать противоположную сторону. Одним из условий, на которых командующий Герман Кристофер фон Русворм и представитель ромейского императора хилиарх Гарид разрешили им вести законно вести подобную деятельность, это организация ополчения и поставка рекрутов в несущую потери армию.

Когда Сицилийская турма оказалась среди тех, кто охранял штабные палатки, то Лемку стало известно гораздо больше о внутренней жизни войска, хотя, казалось он и так находился практически в эпицентре происходящих событий.

В частности, он узнал, почему задержался флот. Оказалось, что войска, посланные против Румелихисара, выполнив приказ и штурмом взяв крепость, не стала выполнять приказ Русворма и плыть к Родосто. Кавасил, командующий ими, выполнил первую часть — оставив в крепости часть войск, он пошёл на северо-запад, в горы Странджа, приводя в покорность прилегающие земли, держа курс на крепость Виса, которая, как и Румелихисар имела довольно сильные укрепления. Как обосновывал это сам Кавасил в записке, переданной через капитанов каперского флота — требовалось не дать сарацинам времени на то, чтобы прийти в себя и подтянуть войска в укреплённые места, откуда бы они могли совершать нападения на Город и его вновь возвращённые земли. При этом, сами каперы, то есть те, кто добровольно присоединился к войне против султанатов, тоже не спешили к Родосто, справедливо полагая, что сходу взять его вряд ли получится и устроили рейд в Гостеприимное море (буквальный перевод Pontos Euxenos), разорив несколько рыбацких деревень и устроив налёт на город Мидиа, где им удалось частично ограбить, а частично сжечь портовые склады. И только после это двинулись к Родосто, хотя и не в полном

составе, так как часть капитанов кораблей решила, что раз уж войска перевозить не надо, то можно продолжать набивать трюмы чем-то более интересным и нужным им, которое можно взять, если двигаться вдоль западного берега моря.

Фон Русворм бурно проявлял недовольство ромейскими войсками, которые не выполняют приказ его, как главнокомандующего, Гарид защищал Кавасила, остальные офицеры, пока довольные тем, как идёт ход их личного обогащения, высказывались расплывчато и осторожно. Таким образом, через три дня после взятия Родосто было решено двинуться навстречу герцогу Савойскому, отослав приказ Петру Кавасилу взять Вису и далее действовать осторожно и оборонительно, строго настроено дожидаться дальнейших приказов.

Колонны войск, выдвинувшиеся на запад, в сторону Малгары, обходя невысокие горы на южном побережье. Войска, казалось, ещё больше увеличились, несмотря на то, что не менее пяти сотен солдат остались здесь в качестве гарнизона. Войско увеличилось в основном за счёт обоза, телег в котором значительно прибавилось, и артиллерии, которую сняли с части кораблей, так как далее более удобного места не будет. Погрузив их также на телеги или сделав простейшие лафеты, их поволокли к следующей цели, так как без значительного количества орудий, как высказался да Мартони, воевать уже слишком рискованно.

В планах было подойти к Малгаре, покорить её, и там уже дожидаться подхода армии савойцев. Но герцог всех удивил тем, что, когда «ромейское» войско туда подошло, город уже находился под контролем герцога.

Встречу двух войск постарались сделать максимально торжественной. Папский нунций Альберто Болоньетти с кардиналами с одной стороны и представитель Патриарха с другой стороны, устроили на холмах у города совместный молебен для войска, в котором главную роль на себя взяли представители понтифика, отчего ортодоксальные священники выглядели недовольными. Затем Карл Эммануил Первый, герцог Савойи и князь Пьемонта и прочее, и прочее, со свитой из высших офицеров войск, что входили в его войско с одной стороны и Герман Кристоф фон Русворм с другой стороны, со своими офицерами вышли навстречу друг другу, раскланялись, наговорили друг другу любезностей прилюдно и тут же разругались в пух и прах в шатре, играющем роль штаба, выясняя, кто же должен возглавить объединённую армию. Правда, тут уже, несмотря что ранее поданные Испании поддерживали Русворма, ныне их голоса были отданы савойскому герцогу, который был женат на сестре нынешнего испанского монарха и занимал вообще более высокое положение, как владетель довольно богатой страны, в отличие от простого генерала Восточной марки. Поэтому ему пришлось смириться с размытой должностью первого помощника.

Остался в воздухе вопрос юридический — если войско, которое ранее возглавлял Русворм, шло под ромейскими знаменами и все города и селения, которое оно занимало считались вернувшимися в лоно Империи, то Карл Эммануил присоединился к походу в надежде расширить свои собственные владения. И ромеи опасались, что это будет сделано за счёт тех земель, на которые они уже сами строили планы. Из-за этого порой градус обсуждений на совместных совещаниях при командующем объединённой армией, был довольно высок.

В ходе совещаний был составлен реестр войск. Первое место в этом списке занимали восемь тысяч человек из природных ромеев. Карл Эммануил, сумевший доставить шесть тысяч войск из своих владений и тысячу человек, нанятых им у герцога Урбинского, который довольно спокойно торговал своими войсками, занимал вторую позицию. Четырёхтысячный

испанский контингент, который был набран на средства, выделенные ещё Филиппом Вторым и который выступал под знаменами ромеев, так как официально Испания с султанатами не воевала. Около тысячи ста человек было у генуэзцев братьев Амброзио и Фредерико Спинола. Чуть менее тысячи человек пехоты выставили мальтийские рыцари, основные силы которого сражались в Венгрии. Пятьсот человек от герцога Тосканского. Чуть более трёхсот человек — от папских земель. И около четырёх тысяч человек частных лиц с незначительными отрядами и всякого сброда, что присоединились с главной целью — поучаствовать в грабежах и чья стойкость в бою была под большим вопросом. Таким образом, не считая войск по гарнизонам, находящихся у Висы, выходило около двадцати шести тысяч человек сухопутного разноплеменного войска при более чем ста орудиях разных калибров — от крупных испанских двадцатичетырёхфунтовых полукартаун, до двухфунтовой «мелочи». Огромный обоз был полон пороха, ядер, провизии, а дух бойцов — продолжать войну.

Но, двадцать шесть тысяч — это строевых людей. По факту людей было больше. Войско постоянно сопровождали десятки купцов с охраной и слугами, из крупных держав и ромей, у кого были какие-то средства и старающихся скупить у солдат их добычу подешевле и продать им припасы подороже. Было много пронырливых и сомнительных личностей, примкнувших в качестве слуг при обозе, разносчиков воды, помощников лекарей при ампутациях и прочего. Всё больше при обозе становилось женщин, которые готовы были братья за любое дело, от переноса поклажи и стирки/готовки, до продажи себя солдатам. Войско, посещая новые города, как собака репейники цепляла к себе всех тех, кто мечтал побыстрее заработать звонкую денюгу и не важно каким образом.

Предстояло решить куда теперь двигаться — разделяться ли на части, попытавшись захватить как можно больше городов, идти вдоль побережья на юго-восток, на территорию бывшей Македонии, двинуться на запад, к Адрианополю, и уже оттуда через Мизию/Парастрион к союзникам — восставшим Валахии или может быть Сербии. Двухдневное обсуждение пришло к выводу, что расплыть силы будет неверно, так как сарацины сейчас наверняка собирают или уже собрали силы и будет глупостью дать им шанс уничтожить союзное войско по частям. Следовало сперва разгромить силы султанатов. Поэтому войско двумя корпусами отправилось к Адрианополю, по пути взяв все земли вдоль левого берега реки Эврос (или, как её называют местные славянские народы — Марица), которая должна была стать временной пограничной линией. А союзный флот должен был сперва ударить по прибрежному городу Энос, который оставался в стороне от удара сухопутных сил, а затем им давалась свобода действовать по своему разумению. При этом подразумевалось, что их целью будет не только богатая Фессалия, но и острова Хиос, Самофракия, и богатый своими рудниками Тасос.

Всё это время ромейская конница разведывала уходила в короткие рейды, пытаясь найти возможную вражескую армию, не забывая пограбить. Вообще, уже за начало этой кампании кавалеристы ромеев, набранные из презантов и их детей, детей комитов, выходцев из семей табуллариев (нотариусов), трапезитов (менял) и прочих, главным образом тех, кто сумел приобрести коня и хотя бы устаревший, но доспех, сумели наверняка отбить все свои вложения. Об этом можно было судить по тому, что практически из каждого рейда, начиная с Батонеи и Афиры, они привозили телеги, набитые добром, богатых исмаилитов, которые пытались скрыться со своим имуществом подальше и которых удалось перехватить и теперь держали, с целью отпустить за выкуп. А также по тому, как их потёртые прежде наряды

становись всё ярче, а кони под ними — всё лучше. Правда, это не добавляло им бойцовских качеств и навыков, отчего на равное количество кочевников они не рисковали нападать.

И всё же их отряды уходили всё дальше от лагеря, порой на день-два пути. И они докладывали, что междуречье Эвроса, который берёт своё начало далеко в горах Болгарии и протекающей через многие города, в том числе и Адрианополь, и Ригины (геродотовская Агриана), текущей с гор Странджа, свободно от вражеских войск, которые стягиваются к Адрианополю.

Первый корпус двинулся западнее, держа курс Ипсала — Димотихон — Чир. Второй корпус Чиреполь — Хайраболу (Хариополь) — Баба-Эски (Булгарофигон), так же поставившись взять по пути, если получится, Аркадиополь. Первым выступили колонны второго корпуса, во главе с Карлом Эммануилом, уведя практически всю конницу и большую часть артиллерии. Через день настала пора и второго корпуса, в котором осталась и Сицилийская турма.

А войско в это время наслаждалось жизнью. Стояла тёплая погода, лишь иногда сменяющаяся тёплыми же дождями. Засуха ещё не началась. Земли вокруг располагались плодородные, с большим количеством полей и пастбищами, которые располагались на склонах гор и садов, которые жались к речкам и селам. Греческие крестьяне, которые составляют большинство в восточной Фракии, были покорны и готовы были услужить любому солдату, угостив его тем, что имеется. Впервые Лемк попробовал здесь свинину, тушёную с капустой и козлятину на вертеле. Хотя, несмотря на количество полей и стад, крестьяне выглядели довольно бедными, были худы, одеты во всякую рвань.

Когда Теодор со своими стрелками зашли в очередное село и им начали готовить обед, что для них было очень экономно, так как практически ни за что не платили, принимая всё как угощение, он разговорился с местным чорбаджи. Так, на сарацинский манер тут называли старост деревень. Старик, наполовину согнувшись в поклоне, семенил рядом, заискивающе заглядывал в глаза и ожидал от нас какой-то неприятности.

— Присаживайся с нами, староста. Принимай и наше угощение. — из мешков доставался хлеб, ещё не успевший сохнуть, вяленое мясо, доставшееся от юрюков. Селяне зарезали козла, приносили в корзинах сушёные фрукты, кувшины с молоком, сыры.

После представления, традиционных бесед о погоде, о болезнях скота и как обстоят дела в семье, вопросы перешли и на другие темы.

— Стуриц, — обратился Теодор к чорбаджи, — а вот у вас вокруг так хорошо! Полей много, скот в теле и не болеет, рыбы в озёрах немало... Так отчего же вы такие, как бы сказать, не очень упитанные? Посмотреть на детей — так они и вовсе кажутся, что не едет досыта.

— Так это всё, что нас окружает — и не наше.

— Как это так? Вы ведь это обрабатываете?

— Мы, конечно мы.

— Тогда объясни мне, старик, отчего это так.

— Видишь ли, молодой воин, всё что ты видишь вокруг — и поля, и скот, и сады — всё находится в личном хассе султана, да хранится... эээ, чтобы он проиграл эту войну и имя его и его народа стёрлось в веках! Вот, всё это принадлежало ему до последнего времени, в его личных владениях. И часть со своего урожая мы отдавали ему.

— Прости меня, чорбаджи, что перебиваю, а сколько вы ему отдавали?

— Что ж... Это харадж, подушная подать. Так как мы иноверцы, и не разделяем их веру,

то платим и джизью. Если бы наши мужчины воевали в войске султана, то нас бы от неё освободили, а так... Далее, мы платим испенче, налог за пользование землёй. Ещё есть такой налог, как авариз — чрезвычайный, то есть. Но так как уже лет десять идёт война, то этот чрезвычайный налог собирается каждый год. Есть ещё девширме, который собирается не каждый год... Тут детей наших берут. Когда приходят, то можно и откупиться от этого, если есть чем. Но многие и рады отдать детей, не у нас, а вот в других землях султана — ведь это шанс на то, что он станет сам господином и о родичах позаботится. Да... Так вот, а ещё есть и трудовые повинности — извоз, строительство и ремонт стен в ближайшей крепости, ремонт дорог. Ну, это основное. Так и выходит, что остаётся из урожая только то, чтобы ноги не протянуть и останется семян до следующей пахоты.

— Несладко вам приходилось.

— Да это ещё ничего, жить можно. Как я уже сказал, султан уже десятый год воюет. И денег ему нужно много. Поэтому он стал создавать ильтизамы. То есть брать свои земли и на некоторое время их отдавать откупщикам — мюльтезимам. Они ему сразу выдают всю сумму, на какую можно собрать налогов в этой области, а потом сами собирают столько же и ещё сверху, чтобы, значит у них не было убытка. И собирают столько, сколько могу и так, как могут, нанимая отряды ат-кулу или каких-нибудь азапов. И что им сделать? Ничего. Жаловаться бесполезно. Да и случится чудо, кади захочет рассмотреть твой вопрос, так твой голос иноверца не равен голосу исмаилита.

Все сидели тихо, слушая речь этого пожилого человека, который сейчас макал хлеб в масло, и откусывал по чуть-чуть, смотря чтобы ни крошки, ни капельки не уронить.

— Так что всё вокруг, что вы видите — должны были забрать мюльтезимы. Но не успели. Заберут ли? Это уже не т нас зависит, а от вас. Да и что нас ждёт — непонятно.

Последние слова были сказаны тихо-тихо.

— Не унывай, всё будет отлично! Мы восстановим Империю и старые законы, все будем жить лучше!

— Да может быть мы этого и боимся? — поднял голову старик. — Когда была прежняя Империя, то мы пять дней в неделю работали на хозяина, отдавая ему всё. Да и налогов было столько, говорили старики, что как коровы, солону жевали, лишь бы ноги не протянуть. Плюс воевали со всеми, отчего каждый год приходили либо чужие войска и грабили, либо свои войска и так же грабили. Может поэтому мы особенно и не бунтовали против сарацин, когда они пришли. Им что — плати денег и живи спокойно... Это потом всё началось...

— Смелый ты, старик, такие речи вести... — протянул Михаил, внимательно смотря на Сгурица.

— А мне уже ничего не страшно, своё я отжил. Жена померла, двое детей померли, а один, выживший сын, сбежал куда-то уже давно. Так что и терять-то нечего, могу высказать свои мысли.

И не нашлось, что ему возразить. Солдаты молча ели поданную им еду, смотря на держащихся в стороне селян, а потом молча собрались и ушли из этого, раньше казавшегося таким сытым и уютным места.

Конь — это конечно хорошо, но как с непривычки всё болит. Хоть обратно переходи в контарионы, да таскай на себе, а не в обозе, панцирь да топай пешком, глотая пыль за всем войском. Что примеряет, так это то, что на коня можно нагрузить фунтов не менее двухсот сорока фунтов поклажи, а это всё-таки немало!

Но сейчас Лемк трясся на спине своего Гемона с двумя десятками солдат-скопештов по просторам Фракии, держа справа от себя Эврос и «патрулировали» окрестности. Необходимость в этом возникла после того, как герцог Карл Эммануил увёл большую часть кавалерии, и держать под контролем довольно большую область впереди и по сторонам войска стало проблематично. Поэтому было найдено простое решение. Все ещё помнили, как банда солдат напала на юрюков, отбив у них в качестве добычи немало коней, которых они оставили себе. Коней у них не стали забирать, нет. И выкупать не стали. А отобрав среди них стрелков, сформировали из них несколько групп, которые совместно с кавалерией теперь шли впереди войска, искали засады, останавливали беглецов и дезертиров, если такие будут, поворачивать торговые караваны навстречу войску, не допуская их до городов, к которым они шли. Могли ли они сами считаться кавалерией? Нет, ни в коем случае, это бы подтвердил каждый из них. Они пробовали стрелять и заряжать аркебузы с мушкетами на коне, и это было невыполнимо для них. Надо сказать, что лошади, доставшиеся им от юрюков, спокойно относились к запаху и виду крови, но вот порох и выстрелы... Они взвивались, шарахались от выстрелов, выкидывая из седла всадников, то есть пугались невероятно. Ни о каком бое из седла, даже если можно было заряжать верхом, не могло быть и речи. К тому же мушкеты были для этого чересчур тяжелы и длинны. Их тактикой должны были стать высматривание противника и быстрое отступление к основным силам. А если этого невозможно было сделать, то спешиться и занять укрытие, огнём отогнав преследователей, либо перебить их. Поэтому Лемк трясся сейчас с аркебузой, лежащей на луке седла, и, расстегнув капанич и ворот рубахи, подставил грудь под освежающий ветерок.

Вокруг была такая красота, что хотелось петь. Песен Теодор знал не слишком много, в основном поэмы и стихи старых веков, а потому начал напевать ту, которой их учил Глэкнер:

Наша любимая госпожа,
Пошли ландскнехтам солнца,
Мы все продрогли...
Чтоб хоть чуть согреться
в кабак лежит путь мой
Туда с мощною полной,
обратно же с пустой...

Барабан, барабан
Тревога, тревога, тревога
Ха-ли-ли-ли-ла, ли-ли-ла, двинемся вперед!
Ландскнехты вперед!

На него стали оглядываться его товарищи.

Барабанщик бьёт построение,
Шёлковые знамёна развеваются,
Пора отправляться в поле
За удачей или бедой.
Хлеб зреет на полях...

Кто-то, кто знал эту песню, тоже негромко подхватил:

Мы жрём пыль дорог,
Наши кошельки пусты,
А император ест новые земли,
Чтоб ему было хорошо!
Это сделает его великим

Он думает о завоеваниях
Как и о том, как овладеть миром
Меня ждет любимая дома
Которая заплачет, если я умру...

Паск Ботелла, возглавлявший наш отряд, никак не отреагировал на наше исполнение, держась впереди. Он вообще был молчун и очень выдержанный человек. По происхождению испанец, он был раньше простым солдатом, и даже в инструктора не попал, хотя опыта у него было достаточно. И лишь недавно он стал одним из протодекархов, и хоть и не участвовал в ночном нападении, каким-то другим образом раздобыл коня, отчего, учитывая его опыт, его и поставили старшим одним из патрулей.

Ипсала была пройдена, сдавшись без боя войску, которое, взяв с города контрибуцию, не останавливаясь шло дальше. И сейчас отряд всадников находился у города Дидимотихон, бывшим когда-то местом летного отдыха императоров из-за красот природы. Возле города было построено множество вилл и мест отдыха придворных вельмож. Цены на жильё в самом городе не уступали ценам в столице. После прихода орд исмаилитов, этот город, не имеющий стен, сдался на их милость. Причем ряд высокопоставленных комитов перешла на службу к султану, отчего по названию города всех ромейско/греческих сторонников сарацин стали называть «димотами». И количество димотов со временем росло, чем чаще терпели поражение правители ромеев. Многие из них перенимали религию захватчиков, становясь верными исмаилитами, во многом чтобы не терять свои богатства и доступ к власти. Что говорить, если даже члены правящей династии не раз сбегали, по тем или иным причинам.

Именно где-то здесь были сформированы первые части мартолов, набранные из бывших ромеев и греков отряды, которые помогали с тех пор султанам во многих кампаниях. До недавних пор именно из них предпочитали держать гарнизоны в завоеванных в последние времена землях сербов, хорватов, шпирийцев, Унгории, Буджака. Их даже сами сарацины называли «низам» — истинные солдаты. Получая значительную плату, пользуясь рядом льгот, которые не всегда были даже у простых сарацин, им было неважно против кого воевать — с исмаилитами ли, с мессиянами запада или ортодоксами, которыми продолжали

себя считать. Но пара затяжных войн на западе привела к тому, что ряд льгот им отменили, и вместо того, чтобы поддерживать порядок, они порой сами становились теми, с кем им подлежало бороться — «клефтами», то есть местными горными разбойниками.

Но времена идут, город потерял прежнее значение. Обитатели этих мест умерли, переехали в другие места и за их белокаменными особняками, являвшимися когда-то образцами красоты, перестали смотреть. Они хирели, старели, рушились от времени. Их растаскивали крестьяне на строительство своих построек. И только порой среди травы или густых кустарников выглядывали края белоснежных колонн, обвитых плющом, конские копыта стучали по мраморным плитам, и порой виднелись затейливые рисунки, выложенные цветными камнями.

Солнце прошло свой зенит, когда Паск отослал десяток всадников с ещё одним декархом по обнаружившейся в начавшемся негустом светлом лесу тропе, с целью проверить, что там. Если ничего интересного не встретят, то пусть поворачивают назад, чтобы к ночи быть в расположении, а их не ждать. Сам же с оставшимися всадниками и Лемком проследовал далее. Отряд всадников свернул на тропинку практически неслышно, так как копыта коней ступали на слой мха и листьев, лишь порой позвякивая сбруёй. Порой в кустах пробегали кабаны, зайцы безбоязненно выходили на тропу, рассматривая людей в странной одежде. Паск приказал нескольким стрелкам держать фитили подожжёнными, на случай если кабанчик или косуля решат выглянуть навстречу всадникам.

Примерно через полчаса один из солдат, в заломленной на затылок шапке, державшейся будто приклеенная, обратился к протодекарху, пользуясь тем, что тот свободно сносил панибратское отношение:

— Паск, а Паск, жрать уже что-то охота. Может остановимся, а?

— Нам надо ещё пройти этот лесок, а там дальше повернём назад и в лагере уже полноценно поедим, если никого не подстрелим.

— Так уже полдня крошки во рту не было! Мы же сдохнем так до вечера! — присоединились остальные.

В притороченных сумках были припасены лепёшки, вяленое мясо, сыр, фляга с разведённым вином.

— Ладно, обжоры, найдём сейчас удобное место и остановимся. Если заметите какие развалины, то дайте знать. Там порой хоть стены есть. Эй, Раду, ты впереди держись!

Названный солдат был когда-то пастухом и был довольно неплохим охотником.

Продолжили путь ещё немного, пока не выбрались на крохотную полянку, с одного края которой оказались мы, а на другом — полуразвалившаяся вилла времён старой империи, позади которой начинался тёмный хвойный лес. Но там были не только руины. Вернее, не совсем руины.

Несколько расседланных лошадей были привязаны у одного из обломков здания. Рядом лежали сумы и мешки. Чуть дальше, прислонённые к кладке из белого камня стояли ряд мушкетов.

А на ромеев, медленно выезжающих с тропы один за другим, недоуменно смотрели несколько человек в сине-оранжевых одеждах, в широких шароварах и тюрбанах на голове, сидящих на обломках колонн и стоящих у небольшого костерка.

Несколько секунд две стороны глазели друг на друга, пока кто-то не крикнул что-то неразборчивое и всё завертелось. Сарацины бросились к оружию, а потом обратно к костру, поджигая свои фитили.

Паск кричал, указывая в сторону более малочисленных врагов:

— Вперёд! Рубите их! Стреляйте и колите!

Кто-то начал спешиваться, а кто-то, не дожидаясь выпалил из аркебузы с седла. Ближайшие кони вскинулись, встали на дыбы, а горе стрелок вылетел из седла вместе с ещё одним товарищем.

Теодор спрыгнул с седла, отпрыгнув от обезумевшей лошади, а сам начал дрожащими от возбуждения руками готовить аркебузу к выстрелу — вдел фитиль, прицелился в стоявших группой врагов и выстрелил. Брызнули искры, вырвавшийся дым на время скрыл результат огня.

С той стороны так же раздались выстрелы, и пара стрелков, пронзённые пулями, упали.

Ботелло рванулся вперёд, выхватив свой меч, и разрубил голову одному из «тюрбанников», который рухнул на месте. Но успех его на этом и закончился, так как из проёма стены разрушенной виллы, там, где когда-то по-видимому было окно, выскочил воин в тёмной броне, оказавшись поблизости от Паска. Вытянув руку, в которой был зажат пистоль, он выстрелил в Ботелло, отчего тот, схватившись за грудь, сделал несколько шагов в сторону, но от ударов сабель уже тех, кто до этого стрелял из мушкетов, а сейчас схватились за сабли, упал.

Видя гибель своего командира, бойцы растерялись.

— Да стреляйте вы уже! Целься! Пли, ходячие вы задницы!

Бойцы, которых помимо Лемка было ещё человек шесть, заученно выполнили команды, которые им вбили в головы. Залп почти в упор на бегущих к ним исмаилитов, и ещё пара из них падает. Но тот, что в тёмной броне и один из «сине-оранжевых» не дрогнули, а страшно закричали, кинувшись на растерянных солдат, держащих свои ружья и пытаясь их перезарядить. Удар сверху саблей и пальцы солдата веером разлетелись, а он сам падает с дико крича, зажимая второй рукой покалеченную кисть

Теодор, дрожа, уже насыпал затравочный порох на пороховую полку, безбожно его рассыпая.

Тёмная броня оказалось длинной кольчугой до колен, в которой сарацинский воин в шлеме с открытым лицом и двумя белыми перьями, вставленные во втулки на передней части шлема, был очень быстр. Два стремительных удара и ещё два стрелка падают, обливаясь кровью. Новый шаг, отклонился от удара аркебузой, нанесенной как аркебузой и совместно со своим «сине-оранжевым» товарищем они совместно пронзают и этого солдата.

Сзади к ним, временно справившись с болью кинулся боец с изувеченной рукой и один из двух оглушённых, упавших с коня и пришедших в себя. Достав один корд, а второй такой же парамерион, как у Лемка, они попытались ударить в спину сарацинам, но у них не получилось. Один крикнул второму, и они бросились в разные стороны, а потом, совместно бросились на одного солдата. «Сине-оранжевый» сделал выпад в ногу, от которого стрелок успел сделать шаг в сторону, но «тёмный» прыгнул и ударил всей массой своего тела, срубив бедняге голову. Изувеченный ударил своим кордом, но его нож не нанёс никакого урона броне убийце солдат, а вот сам уже от ответного удара, отрубившей ему руку по локоть, защититься уже смог...

Ромеев, вместе с Лемком, на ногах осталось трое, против двоих воинов, которые уже посекали столько их товарищей. И один, не выдержав, бросил так и не заряженную аркебузу в сторону врагов и бросился бежать, что ему и удалось сделать, пока сарацины разбирались с его товарищами.

Но в тот момент, когда воин в длинной кольчуге разобрался с изувеченным, Лемк был готов к выстрелу, который он и произвел, целясь в ненавистного врага. Расстояние было плёвым, шанса промазать не было. Аркебуза исправно выстрелила, но из-за того, что Теодор пересыпал пороха на полку, шарахнуло у него перед глазами огнём так, что он, хватаясь руками за обожжённое лицо, ослеплённый упал в траву.

Сколько прошло времени, Теодор не знал, когда он сумел открыть глаза и увидеть не красно-чёрные пятна перед глазами, а окружающую изумрудную зелень травы. И пришёл в себя он вовремя, чтобы увидеть, как оставшийся в одиночестве враг добивает его последнего товарища, перерезая ему горло.

Сарацин, увидев, что у него появился ещё один противник, метнулся к нему, заноса руку с кинжалом для удара, но кинувшийся навстречу Лемк сумел перехватить его руку своей левой и они, рыча и осыпая друг друга ударами. Пока они перекатывались, тюрбан упал с головы врага, под которой оказалась выбритая голова. Свободная рука сарацина вцепилась в волосы Теодора, запрокидывая его голову, в то время пока его правая рука скользила по мокрой от пота макушке врага.

Но подогнув ногу, он вытащил засапожный нож и начал бить врага в бок, раз за разом, нанеся десяток ударов, протыкая одежду и мышцы, скользя некоторыми ударами по рёбрам, пока не почувствовал, что хватка рук врага стала слабеть и его ладони разжались, выпуская волосы Теодора и кинжал, что успел сделать несколько царапин на его шее. Удивлённый взгляд и чёрные глаза противника застывают, смотря куда-то в кроны деревьев.

Теодор сел на колени, неверяще смотря на поляну. Все его товарищи лежали. Порубленные тела застыли в причудливых позах, вывернув руки и ноги. Глаза на отрубленной голове одного из стрелков осуждающе смотрела на Теодора, что он один остался в живых.

Откуда-то со стороны тел раздался стон.

— Нет, я не один выжил! Есть ещё!

Поднявшись с колен, он бросился к телам, ища тех, кто выжил. Кому можно было бы оказать помощь.

Один... Другой... Нет, мертвы. Но вот есть дыхание. Раненый пулей боец в верхнюю часть груди, по имени Раду. Как ему помочь? Что делать?

Расстегнул намокший от крови кафтан, разрезал рубаху. Из круглой маленькой раны текла кровь. Кинулся к Гемону, который далеко не отбежал, взял в суме чистую рубаху, половину которой свернув приложил к ране, а ругой перетянул грудь. Взявшись за подмышки, перетащил его к дереву, оставив его там.

Проверял остальных, был ещё один, Джованни, раненый пулей, которая попала ему в бок, разбила ребро, отчего часть его торчала наружу, но он умер у него на руках. Подошёл к Паску, и, о чудо, он был ещё жив! Пуля из пистоля попала ему под ключицу, несколько сабельных ударов пришлось по рукам и груди, но кожаный камзол частично защитил от ударов. Теодор начал срезать с трупов одежду, выбирая ткань почище, чтобы перетянуть раны испанца и разрезав камзол, потому что снять его не удалось, начал этим заниматься.

Оказав ему помощь и оттащив к Раду, он в последнюю очередь подошёл к сарацинам.

Умидали «сине-оранжевые» сарацины, пробитые пулями. Часто-часто дыша, один из них хотел что-то сказать, но не смог, застыв с искажённым в муках чертами лица. Их главный, тот что в кольчуге, лежал, вытянувшись в полный рост. На его лице была улыбка, и через чёрную бороду белели зубы. Казалось, что он был вполне доволен тем, как всё

сложилось.

В лесу начинало темнеть. Уйти отсюда, до наступления ночи добравшись до своих было практически невозможно. Да, можно ускакать одному, вернувшись с подмогой — но это уже будет минимум утро, если тем более он не заплутает в ночи. Что случится в это время с беспомощными ранеными не знает никто. Дикие звери, товарищи этих сарацин — произойти могло всё что угодно. Попробует он раненых посадить на лошадей и увезти — а вдруг они этого не выдержат и умрут? К тому же, вдруг второй отряд или другие патрули слышали выстрелы и придут на помощь. Да и был сбежавший... Он хоть и гнида редкостная, но надо рассчитывать на лучшее — вдруг он приведёт подмогу.

Поэтом Лемк решил, что на ночь останется на этом месте, и будь что будет. Дождётся утра, и если помощь не появится, то он уже будет думать тогда как поступить.

Дел предстояло сделать уж очень много.

Раненые пока находились в забытии, и Теодор не стал их тревожить.

Поймал тех лошадей, кто не разбежался далеко, расседлал и привязал их рядом с лошадьми сарацин.

А потом он занялся мёртвыми. Оттащил в одну сторону убитых товарищей. Начал снимать с убитых врагов пригодную одежду, оставляя то, что уже на его взгляд не несло никакой ценности. А потом, быстро пройдясь вокруг, обнаружил то большую канаву, то ли остатки рва, то ли провалившуюся крышу какого-то подземного сооружения и оттащил тела сарацин туда, свалив в кучу. Ворочать тела, как будто налитые свинцом, было очень тяжело, потому дал себе немного времени перевести дух.

Глядя, как всё более сумеречно становится в лесу, заставил себя подняться и работать дальше. Нашёл недалеко располагающийся родничок, который обнаружил по свеженатоптанной тропинке, набрал воды и занялся заготовкой дров на ночь, благо, валежника вокруг было немеряно.

Проверил Паска и Раду. Вспомнил, как за подобными ухаживали в лазарете и влил им в рот по чуть-чуть разведённого вина, протёр им лица влажной тряпкой.

Уже совсем стемнело, когда Лемку удалось сменить покрытую коркой засохшей крови и грязи одежду, сполоснуться у родника и сесть у костра. День выдался очень тяжёлым, чувствовалась усталость, но без того, чтобы упасть, распластавшись по земле. С ним порой такое бывало, когда вроде и устанешь сверх меры, а ни спать не хочется, ни еда в горло не лезет. Да и смерть товарищей, убийство двух врагов (двоих точно), не добавляла спокойствия. Хотя вот на счёт врагов он не сильно переживал, скорее внутри не отпускало чувство, что вот совсем скоро из леса, так же, как и они днём, покажутся товарищи убитых и уж тогда он позавидует ещё погибшим лёгкой смертью товарищам, так как сарацины славились своим жестоким отношением к военнопленным.

Теодор вспоминал прошедший бой. Победили они чудом, хоть их и было большее число. Почему так? Ромеи растерялись, а сарацины бросились в ближний бой без страха, как будто у них подобных стычек было немало. И сейчас Лемк бы тут не сидел, ему просто очень повезло, что оказался не на линии выстрелов сарацинских стрелков, не на пути движения того быстрого воина с саблей. Кстати, а откуда он появился? Если воины сидели у костерка, то он вроде как выпрыгнул из окна. Значит он был в развалинах. И что он там делал?

Теодор посмотрел в сторону оконных проёмов. Там уже было темно. Может тот воин туда просто нужду справить ходил... Может так, конечно. Но выскочил он довольно быстро после нашего появления и был готов к бою. Да и снимая с него кольчугу, защитные пластины с рук и ног, он обратил внимание, что они были вымазаны в земле, хотя этот воин в бою по земле, не стоял на коленях. Вроде бы. Где же он так перемазался?

Нехотя, встал, переступая через мешки с добром, набрал веток, поджёг их и стараясь не споткнуться о камни в высокой траве, заглянул в руины.

Теодор в своей жизни видел не слишком много развалин. Что в них смотреть? Пустующее здание с кое-где сохранившимся потолком. На стенах в бликах импровизированного факела мелькали иногда сохранившаяся роспись на стенах, или фрески. Арочные ходы из помещения в помещение. Всё затянато ползучими растениями,

кустарники и отдельные деревья прочно пустили корни в ряде комнат.

Было видно, что этому особнячку очень много лет. По материалу стен можно было судить о том, где его достраивали и перестраивали. И вот в старой части этого старого особняка Теодор, бродящий по нему и меняя импровизированные факелы, и обнаружил следы деятельности врагов. В не самой большой комнатке, заваленной всяким мусором и обломками, он обнаружил копьё. Обычное копьё, с широким наконечником, правда, очень иззубренным. Здесь же были разбросаны комья земли, но ни ям в каменном полу, ни каких-либо нор, дыр не было. В других комнатах больше земли, лежащей поверх мусора, обнаружено не было.

Вернулся обратно в ту комнату, из веток запалил небольшой костёрчик и начал осматриваться внимательнее. Немного походил из угла в угол, а потом носком сапога начал откидывать мусор и вскоре повезло. Пол был набран из небольших плит, края которых носили следы того, что их пытались выковырнуть, но только одна плитка несла следы свежей, уже подсохшей грязи. Подхватив копьё, наконечником которого Лемк попытался подцепить плитку, придавил посильнее и уже, видимо, расшатанная, она довольно легко вылезла из паза, открыв вид на узкий и короткий лаз.

— И вот сюда в кольчуге тот сарацин пролез? Да как?!

Посветив вниз, он увидел, что это даже не лаз, а так, небольшой отнорок. Кинул туда горящую ветку, но она, зашипев затухла от накопившейся на полу воды. Вздохну, приготовил на скорую руку факел и пролез вниз. Развернуться там было негде, и чуть не обжётся в первый момент, но слава богу, что идти всё-таки далеко не надо было. Буквально три шага и конец. И тут же лежит старая кожаная сумка, уже настолько старая и рассыревшая в этом подполе, вся покрытая плесенью, что, когда Теодор тронул её сапогом, она с лёгкостью порвалась. А через разрыв в коже наружу высыпались несколько монет, мелькнувших ослепительными искорками в свете огня.

Выбираясь назад и придерживая тяжеленный кулёк из рубахи, Теодор услышал какие-то странные звуки снаружи. Как назло, он не взял с собой ни пороха, ни аркебузу.

— Дурак, какой же дурак... — тихо на себя начал нащёптывать он, доставая своё единственное взятое с собой оружие — нож. А ведь у него стояли рядом все мушкеты и аркебузы недалеко от костра, и пистоль же лежал недалеко. Вот что стоило сунуть его себе за ремень? Дурак, тупица, олух! Но если там люди, то таится сейчас глупо, вряд ли от них укрылся свет огня в руинах особняка. Убежать? Так ещё неизвестно кто там вообще снаружи. Да и далеко ли убежать в ночном незнакомом лесу городскому жителю с одним ножом... Единственное, так это не стоит сейчас светить своей находкой. Кулёк, или уж свёрток, был положен под один из недалеко растущих кустов, а сам Теодор осторожно пошёл наружу.

Людей у костра не было. Животных, впрочем, тоже. Тишина. Лишь кони беспокойно всхрапывали.

Но вот опять раздался звук. Только это уже не было похоже на шорох. Скорее на скрежет гигантских зубов. Потом звук повторился. Вновь Лемк не понял откуда он шёл. А вот когда началось рычанье, то он понял — звук шёл от ямы, куда он сваливал тела убитых сарацин.

Волки? Шакалы?

Ну кто бы то ни был, а надо действовать разумнее. Теодор, подойдя к костру, проверил как Раду и Паск, а затем, положив рядом с собой фитили, с одним тлеющим, он начал

заряжать всё доступное огнестрельное оружие и раскладывать рядом с собой.

Чуть в стороне от костра, который освещал почти всю поляну, были выложены тела убитых ромеев. Лёжа ногами к костру, отсветы танцующего пламени придавали причудливый вид того, что будто бы мёртвые шевелят ногами и руками, и вот-вот будут вставать. Вкупе с хрустом и рычаньем, что раздавалось от ямы, Лемк сидел как на иголках, намотав один фитиль на предплечье и нервно оглядываясь на любой шорох и хруст из леса.

Так продолжалось довольно долго. Луна успела значительно сместиться по небосклону, когда все звуки затихли. Ни сверчка, ни птички, ни шелеста листьев. Ничего. Даже кони стояли беззвучными изваяниями.

Тишина была такая, что треск ветки в огне раздавался в ушах пушечным выстрелом.

А потом крайнее тело ромея на самом деле шевельнулось. А у Лемка зашевелились волосы.

— Отче наш, Который на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое... — начал быстро-быстро бормотать он первую вспомнившуюся молитву.

Сапоги мертвеца опять вздрогнули вполне отчётливо, а потом они начали медленно отдаляться, как будто тот пополз. Или его потащили.

— Боги, боги... Получай! — Теодор, схватив вражеский мушкет, выстрелил, метясь в темноту над телом, туда, где как показалось, тлели два красных уголька глаз. Вспышка! Грохот! Рык!

Во время вспышки в разных тёмных уголках поляны мелькнули вытянутые тени, рванувшиеся в стороны.

Лемк схватил следующей мушкет, готовый выстрелить. Тишина. Лишь справа от Теодора в кустах раздался хруст веток. Развернувшись, он не думая выстрелил туда. Без звука, молча кто-то начал продираться сквозь ветки. Схватил аркебузу и вновь выстрел в сторону кустов. Чтобы тут же услышать, как где-то за спиной раздаётся шорох. Разворот и выстрел, схватить следующее оружие.

Тишина. Вот только уже крайнего тела в ряду мертвецов не было.

Рядом с Теодором находилось ещё минимум пять возможностей сделать выстрелы без заряжания, но всё вновь было тихо и спокойно.

На пение птицы в ветках он чуть не выстрелил. За первой заорала другая птица, потом третья и началась привычная летняя ночная какофония птиц. Лемк вглядывался, вглядывался всё равно в темноту и мертвецов до тех пор, пока его голова не стала клониться к груди, где так и застыла.

Вокруг темнота начала сереть, поднялся лёгкий туман, когда горящий фитиль, уже не сдвигаемый спящим Теодором, добрался до его руки и не обжёг. Вскинувшись, Лемк сорвал шнур, огляделся, как человек, которому приснился ужасный сон. Растерев ладонями лицо, он осмотрелся. Нет, не приснилось. Вокруг лежали разбросанные сарацинские мушкеты, а среди погибших товарищей были не все.

Слегка пошатываясь от усталости, Теодор подкинул дров в угли, оставшиеся от костра и начал собираться. Вещи сарацин — всё на их коней: попоны, сёдла, мешки, одежду, оружие. На лошадей товарищей — их тела. Кони храпели, чуя кровь и мертвецов, вращали глазами, но привязаны они были надёжно. Когда оставалось только закинуть тела раненых, Лемк вспомнил ещё кое о чём.

Зайдя в руины, он отыскал под ветками сверток, раскрыл и посмотрел внутрь. Ничего не

изменилось с ночи. Там так же плотно лежали, один к одному, большие потускневшие, но золотые монеты. Выбитый на реверсе — ангел с крестом, а на аверсе две фигуры с надписями: «Ювстин и Ювстиниан».

— Господи, вам же тысяча лет!

Теодор не стал пересчитывать монеты, но на первый взгляд тут их было гораздо более сотни. Может две. Весил этот свёрток фунтов шесть, не меньше.

В уставшей голове Лемка металась мысль — что делать? Если взять с собой, то их у него могут обнаружить и начнут задавать вопросы, откуда он их взял. Может даже если сразу у него и получится оставить всё себе, что маловероятно, то вокруг слишком много тех, кто и пошёл сюда, на войну ради вот подобных монет. А здесь, даже по меркам богатых купцов будет очень и очень немаленькая сумма, что у говорить о нищих жителях Города и иностранных головорезах. Зарежут и отберут.

Убежать сейчас, взять лошадей, еды и рвануть подальше, сперва поживя тихо, а потом купить себе достойное местечко? Землю или должность... Да далеко ли ты уйдёшь один, уставший. Вокруг патрули войска, а там может и юрюки скачут, которые уж с одиночкой всегда справятся на своих выносливых лошадка. А уйдёшь от них, попадёшь на корабль — так моряки народ такой, одно с пиратами, если им выгода будет видна. А уж с одиночкой, опять же, они уж справятся. Вещи отберут, а его на дно или в рабы на галеры, и поди докажи потом...

Оставить там же? Так эти сарадины как-то нашли это место, видать искали целенаправленно. В лесу закопать? Так эти, ночные демоны, или кто там был, там сейчас в лесу и сидеть, поджидать его. Или может кто-то другой им там на смену пришёл. От ночных воспоминаний прошёл мороз по коже.

Так ни к чему и не придя, он закинул сверток в суму. Потом, с пистолем за поясом, с парамерионом в ножнах на боку и с мушкетом в руках он пошёл туда, где вечером были тела исмаилитов.

В яме будто взорвали десять бочек пороха, когда вокруг сидели люди. Всё было в остатках человеческих тел. Руки, ноги, белеющие кости, куски мяса. Трудно было понять где какое тело. Но видно было ясно — почти всё мясо было обглодано мощными челюстями. И у всех тел отгрызены головы.

Такого уже Лемк выдержать не смог. Ему внезапно так стало плохо, что едва успел согнуться, как его вырвало. А потом ещё раз, пока в желудке ничего не осталось, и он смог медленно отползти от этой чудовищной ямы. Тела убитого товарища, исчезнувшее ночью, он так и не увидел, но оставаться и искать уже не собирался.

Связал коней поводьями друг другу, взобрался верхом на Гемона и отправился в путь, во главе импровизированного каравана, где у лошадей, вместо тюков с товарами были привязаны свисающие тела мертвецов.

Как добрался до лагеря, Лемк помнил с трудом. Вот он ведёт свой караван по лесной тропе, вот они выезжают в поле. Кто-то к нему скачет, он рассказывает кто он. Вот уже пыль над колоннами войск, и почему-то кентарх Дипар возится над лежащим в телеге Паском Ботеллой. А дальше уже всё завертелось водоворотом в его сознании, которое не выдержало испытаний последнего времени, и он просто не упал на руки сгрудившихся и расспрашивающих его солдат, то ли в обморок, то ли засыпая.

Ему снилось, что корова лижет ему лицо, но открыв глаза увидел, что это оидн из

лекарских помощников мажет ему чем-то вонючим лицо.

— Ты что делаешь, паскуда? А ну отстань от меня!

— Да успокойся ты, идиот. Тебе же лучше делаю.

— Это каким образом? Навозом мне лицо мажешь что ли? Чем мне от этого лучше, ослиная ты голова?

— Да ты себя видел? У тебя же не лицо, а дно горшка из печи — такой же обожжённый, отброс ты городской!

Лемк уже точно был готов ткнуть кулаком в эту ехидную рожу, как раздался голос Гедика:

— Что за шум?

Лемк подал голос, повернув в сторону, как ему казалось, своего спасения:

— Гедик! Декарх! Убери эту сволочь, пока я ему зубы не пересчитал! И пусть эту гадость уберёт от меня!

— Тише, Тео, тише. Сейчас всё решим. Слушай, — обратился он к помощнику лекарей, — ты ещё не все раны ему обработал?

— Да уже практически всё, господин декарх!

— Ну так оставь вот эту банку здесь, а сам свободен.

Помощник лекаря прыгнул с телеги, а Гедик уселся на его место.

— Ну, рассказывай, что у вас произошло? Тебя, конечно, поспрашивали, пока ты не упал, но хотелось бы подробностей. Кентарх уже меня спрашивал за подробности. Да и лучше будет, если мы вдвоем сперва это обсудим, а потом уже решим, что солдатам рассказывать.

— Да что рассказывать, патрулировали мы... — рассказ Теодора был почти в точь-точь как то, что произошло на самом деле. Только вот о том, что нашли сарацины в руинах он ни словом не обмолвился и не даже близко не подошел. Но подробно рассказал о том, что видел ночью, про тех зверей, следов которых он утром не обнаружил. Не обнаружил ни тел, ни крови. Только растерзанные тела.

— ...клянусь, Гедик, это всё выглядело так, будто Эврином вырвался из Аида. Там остались растерзанные кости и почти не осталось мяса! И был он там не один, а несколько!

— Не знаю, кто такой этот Эврином, но вот в этих и соседних землях люди верят в разных чудовищ. Например, в кэпкэунов.... А ты тела пересчитал в яме? Там костяки всех трупов были?

— Там такая каша была, что вообще не разобрать...

— Просто саксы, что живут в общинах на Данубе и в княжествах, рассказывают, что в нечестивых местах некоторые покойники способны восстать и поедать другие трупы. Их ещё нахцерерами называют там.

Он подумал и сказал.

— Я думаю не стоит тебе рассказывать нашим товарищам о том, что ты видел ночью. Это будет лишним беспокойством для них. Представь — они же наверняка спать перестанут по ночам. А у нас скорее всего сражение скоро... Мне бы не хотелось сражаться рядом с солдатами, которые будут перепуганы.

— Но наверняка на то место послали проверить всё, и они обнаружат останки сарацин.

— А с ними поговорит их командир, чтобы зря языком не болтали. И да, если к тебе пойдёт наш кентарх, друнгарий или другой офицер, или священники — то им, конечно, рассказывай.

На том и условились.

— Что там с Паском? Радугу? Они живы?

— Да, пока живы. Дипар хочет, чтобы их отправили назад, в Чорлу... Эээ, в Кенофруриум. Хм... Не привык ещё... Или в Ипсалу. Там за ними всяко лучше приглядят, чем здесь с этими лекарями, которые скорее уж отправят человека на тот свет, чем вылечат. А уж если у них будет немного монет, то шанс на то, что вновь встанут на ноги будет повыше.

Он внимательно посмотрел на Теодора.

— Ты привёз большую добычу. Очень большую. Мы, когда отвязывали покойников от лошадей, расседлали наших и твоих, чтобы животные не мучились и кинули на твою телегу, что поместилось. Ну и в процессе, конечно кое-что увидели. Да, кстати, вещи стрелков уже разделили между всеми, решили тебя не ждать, так как и всего остального у тебя хватает. Так вот... Конечно по обычаю всё что ты привёз — твоё, но я бы дал тебе совет небольшой. Вещи оставь себе, а вот там несколько кошель с монетами... Кстати, вот они. Пусть лучше с тобой, чем там лежать будут. Ты бы их поделил — часть отдал Паску с Радугу. Я думаю им хватит этой части. Потому как если бы не ты, они бы там, у тех руин и остались. А вторую часть, особенно если там будет золото, отдал гемилохиту со словами, что тут доля его и кентарха. Пусть сам передаёт. Можешь и из вещей что-то выбрать получше туда же. Ты только пистоль не отдавай, хорошая вещь, пригодится.

— Старый, (Теодор всегда к нему так обращался, когда хотел спросить что-то) а что за воины нам попались?

— Да трудно так сказать... Возможно сипах с джебелю, но вот то, что у них были ружья... Может это был белнокбаши азапов с частью своих слуг, может кто из тюфекчи... А сейчас вставай, приводи дела в порядок и иди к нашим. Скопекфты, хоть и взрослые уже, а глаз за ними нужен, пока не натворили чего. Ты и так в последние дни с этими патрулями забросил своих стрелков. Да и баночку эту заberi себе, вроде как целебная мазь. Хоть и вонючая.

Теодор, оставшись один, попробовал вытереть лицо от этой вонючей жижи. Но обнаружил, что это немного больно сделать, так как на лице действительно оказались небольшие ожоги от пороха. А также подгорели в брови, ресницы, волосы на его небольшой бородачке. Шапка частично защитила голову, но вот правой половине лица всё же немного досталось.

Но вот дойти до своих ему сразу не удалось. Только спрыгнул с телеги, как его нашли и передали приказ — явиться к Томасу де Вальверде, друнгарию, который с помощью переводчика долго расспрашивал и выяснял, как так получилось, что почти дюжина всадников были почти полностью перебиты вдвое меньшим числом врагов. И даже не из засады.

Оказывается, его вчерашнее появление видели многие и по лагерю разошлись просто дикие слухи. Поэтому, когда он оказался свободен, то его тут же окружили простые солдаты, среди которых были друзья погибших, желавшие выяснить подробности их боя. Пришлось и тут в общих чертах рассказывать, как и что происходило.

Тут же среди любопытствующих разгорались дискуссии о том, как правильно надо было делать, что они бы уж точно всё сделали как надо и без потерь. Среди многих шёл шепоток:

— Почти дюжина ромеев на полдюжины сарацин! И еле справились! Какой позор!

Какие из них воины? Так, вид создать. Мы бы (испанцы, неаполитанцы, савойцы и т. д.) никогда бы так не оплошали.

И ничего, что среди этих всадников больше половины были как раз не совсем ромеи, никого не волновало. Теодор молчал, хотя так и хотелось высказаться по поводу того, что им тогда мешало пойти и сразить всех исмаилитов раньше? Но самых горластых он запоминал.

Не успел вырваться от этих, как вызвали к хартуларию, где самого Петра Гариду не было, а когда он представился, то его проводили в ту часть обоза, где расположились священники и прочие представители патриарха. Здесь ему пришлось исповедаться. Рассказал подробно о всём, что видел ночью. Только о свёртке упустил рассказ, уделив всё внимание о тех, кто грыз покойников. Здесь ему рассказали, что лишь вера и молитва Богу могут его защитить от всей нечисти, что обитает в проклятых местах.

— Проклятых местах? Но почему они прокляты?

— Потому что там жили предатели, клятвопреступники. В ответственные для государства годы они занимались лишь тем, что пытались сохранить собственное благосостояние. Они отринули веру в Господа, начав верить в лжепророка исмаилитов. За что и они, и земли их перестали получать благословение, и нет там теперь защиты от дьявольских отродий.

Получив благословение, Теодор вышел, раздумывая о том, что тогда на бывшей территории империи не должно было бы остаться нормальных земель, так как в книгах о случаях предательств, клятвопреступлений написано было очень и очень много.

И лишь после этого он занялся своими делами, оставшись один. Его не отпускал вопрос — как сарацины узнали о том, что там, в руинах был клад? Может была какая-то карта? И первым делом он начал перебирать вещи того сипаха, как сказал Гедик. Куча мелочи в виде ложек, огнива, поясов, мыла и прочего. Пара кинжалов, две сабли, кольчуга с прочими элементами доспеха, куча одежды в виде шаровар — штанов — чагшир, бязевая рубаха, толстого кафтана, кафтан с прорезанными рукавами, плаща... И всё ярких цветов.

Вот среди всех этих вещей и была обнаружена тоненькая книжка, или даже тетрадь. Лемк ожидал там увидеть какую-нибудь сарацинскую вязь, но нет, она была написана на греческом. И вновь, как с той книгой о военном искусстве, которую ему подарили друзья, утащившие её откуда-то, тут встретилось слово Μωρικήου. Возможно тут и будут ответы на вопросы, что они делали в руинах.

Вещи «тюрбанников» были уже более похожи друг на друга и по качеству были похуже, чем у того же сипаха. Обычные, непримечательные потёртые трёхфутовые сабли, пара кинжалов у каждого — подлиннее, фута полтора, и покороче — менее фута. Одежда практически одинаковая, из обычного крашенного сукна. Синие длинные рубахи, и красные покороче, напоминающие скорее камзол, шерстяные плащи.

Мушкеты Лемк рассматривал с удивлением. Пять мушкетов, и ни одного среди них одинакового. Вернее так — стволы одинаковые, а вот всё остальное... Украшенное искусной резьбой, они походили скорее на произведения искусства. И они были значительно легче тех, которыми воевали ромеи и латиняне. И сошек к ним не было, что говорило о том, что те сарацины обращались с ними как с аркебузами. Вот порох, в отличие от ружей, оказался плохим, почти таким же, какой делали в Городе и значительно уступал по качеству пороху латинян.

Ну и среди вещей не было монет. Кошельки уже ушли кому надо, а вот тот свёрток... Лемк помнил то место, у приметного камня, под которым, незадолго до выхода к своим он

успел его прикопать, постаравшись прикрыть так, чтобы не было видно ни издалека, ни вблизи.

Отложив и перебрав то, что ему могло бы пригодиться, а что продать обозным купцам, он просмотрел коней. От жеребца, который достался ему скорее всего от сипаха, крови стыла в жилах. Горяч, хорош, красив! Вот только Теодор, с его опытом верховой езды, тут же бы вылетел из седла, вздумай он на таком поскакать.

— Продам, ну тебя к чёрту, обязательно продам! — глядя в глаза этого зверя, пообещал себе Лемк.

— Грех такого продавать, господин! — услышал его Юц. — Такого коня, если себе не оставлять, то надо подарить военачальнику!

Лемк, удивлённый разговорчивостью этого паренька, хотел сказать ему что бы он не лез не в свои дела, но мысль была верная, в принципе.

— Подумаю.

Часть вещей сразу обменял на три кувшина критского вина, которым вечером у костра угостил своих друзей, отмечая то, что выжил. Помянули и товарищей.

Сидир Мардаит сидел и возмущался:

— Опять на твою долю выпало немало! А мы? Так ты все подвиги совершишь, всех сарацин перебьёшь, станешь турмархом, а мы так и останемся простыми солдатами по истечению контракта!

— Сид, если бы я только мог вернуть тем вечером всё назад, то я этим бы непременно воспользовался. И духу моего у тех развалин бы не было! Да и в чём подвиг? Мне просто повезло.

— Ну не скажи... Ты выбрался живой и здоровый, а они — нет.

— Вы бы рассказали лучше, что тут у вас происходит.

— Да всё как всегда — повесили парочку воров. Ещё троих повесили за поножовщину. Не смогли сдержать по итогам игры в кости, слово за слово, один труп с распоротым брюхом, а троих его товарищей по игре — в петлю.

— Вчера, говорили, видели вновь многочисленные конные отряды сарацин на севере — добавил Евхит.

— Да, уже пора бы им собраться, и так мы уже всю восточную Фракию отхватили.

— Не всю, ещё Адрианополь для этого взять надо. Да и что-то сейчас меня уже как-то не тянет в бой... — поделился Теодор своим состоянием.

— Ничего, ты вспомни сколько людей в войске! Тут такая силища, что мы всех раскатаем!

— Да я не поражения боюсь, а того, сколько нас останется после той битвы и останемся ли мы вообще сами живы...

— Эээ, неправильно ты думаешь! Нас много, мы сильны! У врагов нет шанса! — наперебой высказались в ответ сидящие у костра.

— Ну дай то Бог!

Не успели они уйти спать, как пришёл опцион, помощник кентарха. Герард Дипар вызывал к себе.

Простоя палатка, которая служила и местом обитания командира, и его маленьким штабом, охранялась караульными, которые пропустили его без разговоров внутрь. Герард Дипар, худошавый воин среднего роста, как и большинство испанцев выряженный в смешные набитые штаны-плундры и кожаный колет с наплечными валиками, ласково

принял его:

— Ну здравствуй, Теодор, ещё раз. Ты, наверное, удивлён, почему я вновь вызвал тебя, хотя мы уже сегодня беседовали. Просто хочу кое-что рассказать. Присаживайся, присаживайся вон туда, на ящик. Смотрю, вы сегодня с друзьями отмечали?

— Совсем немного, господин кентарх!

— Ничего страшного, это понятно. Я был в таких ситуациях и кувшин хорошего вина — лишь малая часть того, что мне было нужно, чтобы привести себя в форму.

Он немного помолчал.

— Ты спас жизни двух своих товарищей. Даже так — командира и товарища. Это очень хороший, настоящий мужской поступок. Но знаешь ли ты, что Паскуаль Ботелло — мой давний боевой товарищ?

— Нет, господин, он об этом не рассказывал, а мы и не расспрашивали!

— Он тот ещё молчун. Простой солдат, с которым мы успели пройти несколько кампаний, верный и надёжный. Правда вот командовать людьми — это не его. В любом случае, я тебе очень благодарен за его спасение.

Он потянулся и достал длинный свёрток с другого ящика.

— В качестве благодарности я хотел бы сделать тебе вот такой подарок.

Он развернул сукно и под ним обнажился прямой клинок в простых ножнах со сложной гардой.

— Это скьявона, венецианский меч. Очень хороший меч. Он мне достался... А, какая разница как он мне достался... Им можно как колоть, так и рубить. Смотри какая гарда — она защитит твою кисть. Видишь какое навершие? Это так называемый далматинский лев. Возьми его.

Теодор взял клинок, прикинул в руке — он был существенно полегче его парамериона, при примерно такой же длине.

— Я могу предположить, что ты впервые держишь подобный клинок в руках. Я прав?

Лемк кивнул.

— Ну что же, тогда я готов дать тебе несколько уроков в частном порядке. Скажем, перед завтраком, завтра. Что скажешь?

— Конечно, господин! Я согласен! Это честь для меня! — Лемк, был действительно опарашен. Командир, богатый и достаточно знатный человек так вот запросто и спокойно говорит с ним, обещает помочь и даже учить!

— Тогда договорились.

Теодор уже собирался уйти, когда Герард вновь обратился к нему.

— Да, есть ещё одно дело, в котором я могу тебе помочь....

Лемк, заинтересованно обернулся.

— Ты не так давно стал десятником стрелков... То есть декархом скопелфов, как тут говорят. Хорошее начало, учитывая что ты всего лишь начал военную службу перед зимой. Но это не удивительно для человека, который может себя показать. Но вот у моего товарища в соседней роте, то есть кентархии, есть свободная должность старшего десятника... протодекарха, да. В полулохе. Интересно?

— Да, господин! — Лемк не раздумывал ни минуты. Разве в армию он шёл не для того, чтобы занять хорошую должность потом? А чем выше у него будет сейчас, тем больше шанс стать комитом после войны.

— Отлично, я не сомневался! Только такое дело, у него есть несколько кандидатов а эту

должность и он не может выбрать между ними. Если бы я мог от твоего имени чем-то заинтересовать...

— Всё что угодно, господин кентарх! Я сделаю всё, что в моих силах!

— О, всё не надо, Теодор. Но все солдаты заинтересованы твоей добычей, а особенно тем красавцем, конём, что ты привел среди прочих. Я думаю, что получить в подарок подобного коня был бы рад любой воин.

— Я сейчас же отправлюсь и подарю уважаемому воину этого коня!

— У тебя сегодня и так был суматошный день. И если ты разрешишь тебе помочь, я мог бы сам преподнести подарок от твоего имени. Он, знаешь ли, немного суров и придерживается старых правил...

— Я буду вам премного благодарен, если вы возьмёте на себя эти заботы.

— А ты хорошо воспитан для выходца из Города... Ты, случаем, не благородных кровей?

— Мне то неизвестно, господин. Я воспитывался при церкви, говорят, что я сирота.

— Наверняка у тебя были благородные родители. А теперь ступай и отдохни, скоро наверняка тебе предстоит занять новую должность.

Теодор не успел уронить голову на свернутую одежду и завернуться в робу, как он уснул — слишком насыщенный был день.

Утром, пока весь лагерь просыпался, он уже стоял у палатки кентарха, ожидая обещанного обучения.

Этот старик, а ему уже наверняка лет под сорок, был быстр, силен и Теодору совсем нечего ему было противопоставить. И вот тут Лемк его даже немного разочаровал.

— Тебе пока рано тренироваться со мной. Диего! Подойди сюда!

Подошёл ещё один испанец.

— Диего, это Теодор Лемк, пока ещё десятник стрелков в отряде у Глэкнера. Он спас Паско, и я хочу, чтобы ты его научил, насколько это вообще возможно, владеть скъявоной. А после этого я ему дам пару уроков, так как обещал. Справишься?

— Как скажете, командир. — флегматично протянул этот Диего. После чего осмотрел Лемка с головы до ног.

— Тренировки каждый день в это же время. Смени одежду. Эти сапоги оставь. Они, широкие штаны, рубаха. Ясно?

— Да, Диего!

— Сейчас свободен, завтрак.

Войско вновь тронулось в путь, раскинув конные патрули от Марицы до Ригины. Вдоль Ригины стояли довольно заболоченные земли и небольшой городок, которые местные называли Длинный Мост, но он практически весь уже был брошен местными жителями, ушедшими под защиту стен Адрианополя, так как большинство его жителей составляли осевшие в городе кочевники и исмаилиты из сарацин и новообращённые из местных народов. Поэтому наступающему корпусу нечем оказалось пожить там, и как-то оказалось, что после того, как всадники ромеев его покинули, он очень быстро сгорел...

Но и патрулям уже не так везло — всё чаще у них случались стычки с сарацинскими всадниками, которые, видя противников, безрассудно бросались в бой, а ромеи так же спешно поворачивали коней, отступая под защиту ружейного огня пехоты и их длинных пик. Это, конечно, сразу замедлило войско, а также прекратился поток информации о землях, которые лежали впереди.

Следующей ночью случился переполох — на лагерь напали. Несколько сотен всадников, налетев с восточной стороны на охрану лагеря, сначала всех посекала, а потом кинулись внутрь, круша и рубя выскакивающих солдат, мечущихся и паникующих. Так продолжалось до тех пор, пока не подтянулись разобравшие оружие стрелки и не начали палить в упор, убивая всадников и их лошадей. После чего, видя, что эффект от неожиданности прошёл, сарацины дружно развернулись и канули в темноту, как будто их и не было. И только десятки порубленных солдат остались лежать на земле, как подтверждение того, что это был не совсем сон.

Войско не смогло выступить в путь до полудня. Знатные бегали, выясняли как могло произойти такое нападение, кто виноват и как не допустить подобного впредь. Немногочисленные отряды всадников уходили из лагеря, чтобы найти обидчиков. Но что их искать — если они вон, видны невооруженным глазом. Поэтому они вскоре возвращались и их командиры спешили к командующему корпусом, фон Русворму. Женщины из лагеря, при этом, несмотря ни на что утром сходили к реке стирать вещи своих сожителей и вели себя как ни в чём не бывало.

Пока все суетились, Теодор отдыхал. Его ещё не перевели протодекархом, а потому он осмотрел снаряжение скопеев в полулохе Глэкнера, проверил наличие свинца, пороха, достаточно ли фитиля, полны ли фляги водой. Глядя на всю суету, решили приготовить горячий завтрак. После которого он завалился под телегу и читал тот дневник, что он нашёл в вещах сипаха. Увлекательная оказалась вещь. Пергаментные листы скрывали пересказ семейной легенды одного знатного димота, предки которого служили многим Ромейским императорам, в том числе и Маврикию. И рассказывалось там, в частности, что этот великий император, последний из династии Юстиниана Великого, перед тем как его самого и его детей казнил жестокий Фока, заблокированный в Городе мятежными войсками, успел их семье передать часть казны, вместе со своей короной, которую они надёжно и спрятали, чтобы передать наследникам. Короне этой предписывались волшебные свойства, так как она перешла к Маврикию от Юстиниана, а тому досталась от других великих императоров, коих в прошлом было не счесть. Но Фока не дал династии Юстиниана ни единого шанса. И потому вскоре после его гибели эта семья стала искать, кому же передать реликвию. Ираклию и его потомкам не передали, так как они не любили Город и вообще хотели перенести столицу в Карфаген. Да и не задерживались потомки Ираклия на троне, свергая и убивая друг друга. Когда к власти пришли Исавры, то Льву III Иконоборцу, первому из этой династии, они решили преподнести корону, как достойному. И как описывалось, именно это помогло ему остановить арабское нашествие и разбить их огромную армию у Акроинона. Затем корона попала к Константину V, который задавил восстание армянина Артавазда, а патриарха Анастасия, за то, что тот признал Артавазда императором — выпорол и голым провёз сидящим на осле задом наперёд и вновь утвердил его патриархом, разбил прочих врагов как на западе, так и на востоке и вернул огромное количество земель... На этом месте Теодор удивился. Это не тот ли Константин, которого ныне называют Копронимом — то есть Навозником? Ничего подобного Теодор в скриптории не встречал!

Из захватывающих историй прошлого, которых Теодор и не слышал, его отвлекли команды строиться. Перед выходом повесили несколько дезертиров, что решили, что уж больно много опасностей ожидает их впереди. Но так как поймали их более сотни, то остальных выпороли, и ткнув в ещё покачивающиеся на ветках дуба тела, указали, что в следующий раз с ними сделают то же самое.

Войско вновь пошло вперёд, держа путь подальше от болотистой Ригины, держась вдоль по накатанной дороге. До Адрианополя оставался всего один дневной переход. С запада нёс свои воды Эврос, от которого к востоку на чуть более мили располагалась относительно ровная долина, а потом начинались почти бесконечные холмы, которые затем, через почти неделю пути упирались в горы Странджа.

Корпус не успел уйти далеко. Впереди, насколько хватало взгляду, появилась тёмная полоса, которая всё приближалась и приближалась.

По войску ромеев и их союзников прозвучала команда от командующего остановиться. Подтягивались колонны бойцов и тучи пыли приходили вместе с ними, чтобы осесть на одеждах людей.

Скрип телег обоза, щелканье кнутов погонщиков скота, ржание коней, мычание волов, звон и стук набедренных щитков и прочих элементов снаряжения, крики офицеров, звук шагов тысяч людей и боевых труб — все звуки смешивались в один сплошной фон. Теодор с солдатами лишь пытался понять, что происходит, так как из-за спин товарищей ничего не было ясно.

Через какое-то время их стали разворачивать в боевые порядки. Турмарх маркиз де Виллаб и друнгарий де Вальверде отдали команду и они двинулись к реке. По их приказу построились в терцию, где центром общего построения стал плотное каре контарионов, с одоспешенными бойцами в первых рядах, и алебардистов, общим числом до двух с половиной тысяч человек. Перед фронтом контарионов растянулись в три ряда все скопелфты с мушкетами и часть с аркебузами, общей численностью под пятьсот солдат. Все прочие аркебузиры четырьмя малыми каре выстроились по углам каре контарионов, каждая численностью до трёхсот человек. Таким образом Сицилийская турма стала основой левого фланга корпуса Русворма, упираясь в Эврос и доходя до дороги на правом фланге.

Через промежуток в сотню шагов в сто строилась турма, которую обычно называли Критской или Венецианской, под командованием Стефана Алусиана. Здесь немало солдат была набрано с Крита, Кефалонии, Керкиры, Лефкаса, Итаки, Мелеты и прочих греческих и не совсем островов, принадлежащих этой республике, как и сам нынешний командир, чья семья когда-то эмигрировала туда из терпящей поражение Империи со всеми накопленными богатствами и поступила на службу к дожам, но в начале прошлой зимы решившие вернуться. Никто и не сомневался, что он просто является человеком купцов, какие бы пышные патриотические речи он не вёл. Правый фланг «критян» упирался в Латинскую турму, хотя тут правильнее назвать всё же полк, так как он был полностью сформирован из иностранных добровольцев, присоединившихся к войску из желания поучаствовать в грабежах. Из них сформировали единую боевую единицу под началом выбранных офицеров для удобства командования этим разношёрстным обществом. Не менее трёх тысяч головорезов, под командованием Йозефа Лакатоша, считались опытнейшими воинами и на них возлагались большие надежды, в отличие от «ромейских» турм. Они стали правым флангом корпуса. Ланциарная турма, набранная в Городе в самую последнюю очередь и состоящая в основном из самого отъявленного сброда и самой худшей выучки, которые до этого использовались в основном в качестве саперов, располагались в резерве, под командованием Франсиско Пласа и Димитрия Контостефана.

Большая часть кавалерии, до пяти сотен всадников Грегора Тебара располагалась ближе к правому флангу. Остальные три сотни, поделенные на несколько эскадронов, должны были прикрывать промежутки между турмами и сами делать «вылазки» между ними.

Всех тех, кто ехал в лекарских обозах со стёртыми ногами, мучающихся животом и прочих болезнях, хоть как-то способных участвовать в намечающемся сражении, командиры старались поставить в строй.

А то, что сражение будет, становилось понятно всем, так как за толпами конницы, которая перемещалась вдалеке, стали появляться отряды сарацинской пехоты, под своими

странными значками и знаменами.

Под припекающим солнцем солдаты стояли и смотрели, как в двух милях, вне пределов прицельного огня артиллерии разворачиваются подразделения врага. Тысячи и тысячи разнообразно, но преимущественно ярко одетых сарацин под командой своих офицеров, в самых ярких одеяниях казались сплошным морем, которое шумело, рокотало, готовясь захлестнуть ряды тех, кто пришёл на встречу с ними. Основная часть их конницы оттянулась назад, за ряды пехоты, но несколько отрядов лёгких всадников, вооруженных луками и стрелами, то подлетали на расстояние до ста восьмидесяти футов, или стадию, то пускала стрелы с расстояния в две стадии, пытаясь поразить кого-нибудь из ромеев или латинян. Периодически по ним давали залп до пары десятков солдат, чтобы отогнать. Но такая перестрелка не наносила какого-либо ощутимого урона обеим сторонам.

Всё это время, пока всё новые и новые отряды врага, судя по количеству значков, подходили и вливались в строй, саперы и артиллеристы под командованием унгра Карла Иствана оборудовали позиции на небольшой возвышенности, которая располагалась позади войск, ближе к правому флангу. С него прекрасно было видно пространство долины у реки, свои войска и вражескую пехоту, а потому именно здесь со своим штабом обосновался также и Кристоф фон Русворм.

Напряжение росло, солдаты пытались как-то отвлечься, занять себя чем-то:

— Эй, Гедик, кто там носится у сарацин то туда, то обратно?

— Известно кто — пейки, курьеры, приказы султана или кто там за него, развозят.

— А что, тут прям точно султан сам против нас вышел? А какой — румелиец или силистриец?

— Да нам тут без разницы, что один, что второй... Хотя румелийцы давно уже верховодят в этом союзе, силистрийцы у них чуть ли не на побегушках. Но тут именно силистрийцы, естественно. Адрианополь это их город... Ну и вряд ли сам султан. Султан Ибрагим обычно тёплый сезон с основной армией проводит, а она сейчас вроде где-то в Унгории, если верить тому, что говорят латиняне. И не вижу его туга.

— Туга?

— Ну бунчук, штандарт... — Гедик развернулся в сторону знамени турмы, стоящего в центре каре контарионов.

— А эти тогда кто, если не армия? — возмутился кто-то из задних рядов.

— Да много кто... Всех не перечислить, да и не знаю. Тут должны быть в основном войска сераткулу, ополчения, которое собирает местный бейлербей, ну то есть губернатор, со своими санджакбеями. Вон, чуть в стороне... да, вон те... Похожи на гондеры местных болгарских войнуков.

— Гондеры?

— Да, так их отряды называют. Перед нами вроде секбаны... Нууу, исмаилитские крестьяне с аркебузами... а может и сариджи — это почти они же, только из охотников. Ну или разбойников, там разница не всегда видна...

— А откуда ты столько всего знаешь о них? Как тебя не спросишь — у тебя есть ответ!

— Известно откуда — не болтаю много и ушами не хлопаю, не зеваю, а слушаю, в отличие от вас.

— Шахзаде! Шахзаде! — донеслось со стороны исмаилитов, когда группа пышно одетых всадников проскакала вдоль фронта вражеских войск.

— Вот мы и узнали кто там главный... — протянул невесело Гедик.

— Ну и?

— Вы совсем тёмные, шахзаде — титул сыновей султанов. А значит надо быть внимательнее — вряд ли значит тут только сераткулы, наверняка кто-то из корпуса капыкулу, постоянных войск, есть — сипахи с джебелю — латники, гуреба, янычары... Кто угодно тут может из них оказаться.

Весь разговор вёлся так, чтобы было слышно только ближним, негромко, чтобы можно было услышать команды от офицеров.

От массы вражеских войск отделились несколько всадников, которые достигли середины разделяющего войска пространства и остановились. Им навстречу выехала делегация доверенных лиц от ставки Русворма, но пообщавшись некоторое время они повернули коней назад. Сзади в это время тянули молитвы на свой лад латинские и ортодоксальные священники, прося у Господа победы над мерзкими исмаилитами.

Лемк заметил маркиза Гомеса де Виллаба, который хоть и был верхом, но привставал на стремянах и посматривал в сторону врагов и постоянно оборачивался к своим спутникам. И рядом с ним неизменный и невозмутимый Никколо да Мартони, как и его подопечный в чернённых кирасах с сегментными набедренниками, горжетами, наплечниками, налокотниками, латных перчатках и высоких сапогах. Их шлемы, с плюмажами из пышных перьев, были сняты и лежали на сгибе локтя.

Трудно сказать, в какой момент началось сражение. Просто отряды лёгкой конницы, которые на время переговоров прекратили нападения, вновь начали небольшими группами совершать налёты и раз за разом к ним присоединялись всё новые всадники и целые группы. Отгоняли их уже не залпами пары десятков человек, а вдвое-втрое большими силами. Начали появляться потери — и если у неподвижно стоявшей ромейской пехоты свободное место занимал боец из задних рядов, то тела коней и их всадников стали своеобразным украшением приречной долины.

А уже вслед за лёгкой конницей дрогнули, наклонились вперёд значки вражеской пехоты, и она двинулась всем фронтом на ромейские турмы. Вглядываясь в наступающих на них до рези в глазах и крепко сжимая лёгкий мушкет, захваченный у руин, Лемк пытался сопоставить то, что он видел, с тем, что он слышал. Когда-то, когда он читал книги и слушал рассказы опытных солдат, он представлял себе сарацин во многом именно такими по внешности — смуглые, худые, с заросшими лицами чёрными бородами, одетыми в туфли и сапоги, с широкими штанами, натянувших по две-три яркие рубахи, одни подлиннее, а другие покороче, или имевшие сверху расшитые камзолы, затянутые по многу раз обёрнутыми кушаками, ремнями, из-за которых торчали кинжалы, длинные ножи и пистолы, у командиров и просто у тех, кто был побогаче. Ну и многочисленные накрученные на голову тюрбаны, а также высокие шапочки с кисточками. Но вот чего не было — не было крика и визга, с которым они, как писали, зачастую шли в бой.

А потом его взгляд сместился, и он с удивлением увидел над сарацинским войском небольшое знамя, с нарисованным на нём крестом. Под ним шли свободно, не держась никакого строя вперемешку белолицые и русобородые, и более смуглые чернобородые бойцы, одетые почти, как и простые ромеи — тёмные полукафтаны, только зачастую с разрезными, затянутые ремнём или кушаком, в сапогах или обмотках, да в шапках-магерках с четырьмя козырьками. Наверное, это были те, о которых говорил Гедик Старый — войнуки.

Но спросить уже было нельзя, прозвучала команда к бою — все разговоры между

бойцами запрещались под страхом смертной казни.

Раздались залпы орудий. Первые небольшие ядра, пролетая над головами солдат турм, падали в землю далеко от вражеской пехоты, лишь раз снеся морду одной из лошадей, отчего её всадник кувырком полетел с неё на землю. А потом, по мере смещения прицела и приближения противника, ядра стали падать в ряды их толп, снося по множеству человек, или отскакивая от плотной почвы, и попадая в людей, отрывая ноги и калеча.

Кентарх, возглавивший воинов, вооруженных мушкетами, дал приказ открыть залповую пальбу всеми воинами, когда враги подошли на расстояние в сотню шагов. Теодор, едино со всеми стрелками, вскинул ружьё, уже не удерживаемое сошкой и наведя в сторону шагающих врагов произвёл выстрел, в последний момент зажмурив глаза, чтобы не попали искры. Развернувшись, отойти на несколько шагов, отсоединить фитиль, достать деревянный шомпол, прочистить ствол, насыпать порох, закинуть пыж, утрамбовать его шомполом, закинуть свинцовую пулю, закинуть ещё один пыж и вновь утрамбовать его плотнее к пуле. Наконец-то убрать шомпол. Открыть пороховую полку, насыпать на неё затравочного пороха, закрыть полку, сдуть лишний. Примерившись, прикрепить фитиль, который периодически выкидывает искры, в зажим-серпентин. Готов вновь сделать выстрел. Всё просто, действие отработано так, что все стрелки в любом состоянии могли его повторить с закрытыми глазами. Удивительно, как они когда-то долго этому учились, ведь это совсем несложно. Хотя и сейчас, то фитиль у кого затухнет и он просит огня у соседа, либо сам возится с огнивом, либо не удержит и что-нибудь выронит — то сошку, то рожок. Ох, не зря их лупили инструктора, чтобы они не забывали их привязывать покрепче.

За это время уже отстрелялись два первых ряда и вновь надо делать несколько шагов вперёд, чтобы вновь всё повторилось — выстрел и иди заряжай. Вот только это были не учения, и через полускрытое пороховым дымом пространство, куда они посылали выстрел за выстрелом раздались крики команд, звуки выстрелов и по порядкам ромеев прошёлся удар вражеского свинца и стрел.

Несколько бойцов упали, кто-то кричал от боли. Сочетание запаха пороха и крови вновь вернуло Теодора к тому бою в руинах и страх, что следующий залп врага будет более точен, что свинец так же прилетит и пробьёт его тело начал сковывать его сердце. Лишь привычка, доведённая командами командиров почти до состояния, в котором уже не слушаешь самого себя, а только выполняешь команды, не позволила ему бросить всё, а продолжать так же планомерно шагать вперёд, производя залп и уходить назад, чтобы вновь зарядить своё оружие.

Прозвучала команда прекратить стрельбу и стрелки замерли, глядя на медленно расширяющиеся клубы дыма. На холме продолжали бухать орудия, а офицеры позади выкрикивали приказы.

Когда стало относительно просматриваться поле, то Теодор, удерживающий свой раскалённый мушкет, с удивлением увидел сотни лежащих тел перед их строем и отступающие толпы врага, которых вроде бы и не стало меньше. Кое-где тела лежали прямо вповалку, чуть ли не грудой. Стоя в первом ряду, Лемк выглянул из строя и посмотрел на линию своих товарищей. Их по виду не стало меньше, лишь убитых и раненых, пользуясь тишиной, начали вытаскивать помощники лекарей и обозники из-под ног солдат. Самим стрелкам и контарионам ещё давно строго-настрого приказали не обращать на своих убитых и раненых внимание, чтобы не ослаблять силы своего войска, и чтобы таким образом не думали избежать опасностей битвы.

Пока Теодор отвлекся, рядом пролетело ядро и товарищ, стоявший справа рядом с ним, а также боец позади упали. Глядя на него, он увидел посередине груди дыру размером в кулак, и страх, на время куда-то девшийся, вновь начал возвращаться.

Сколько прошло времени, было непонятно. Попробовав ударить сперва вдоль реки и получив ружейно-пушечный отпор, вражеская пехота теперь ударила по Латинскому полку, за чем сейчас бойцы Сицилийской турмы и наблюдали, приводя себя в порядок и страдая от редкого артиллерийского огня противника. Но вражеским секбанам, сариджам и войнукам не удалось своим огнём расстроить и полк Лакатоша и они тоже поспешно побежали назад.

На лицах стрелков начали появляться улыбки. Это было похоже на победу, сарацины ничего не могут поделать с ними!

— Не расслабляться! Это ещё не конец битвы! Заткнуть рты! — закричали старшие офицеры, что начали повторять и младшие, и сам Лемк, приложив в спину прикладом развеселившегося бойцы слева, вышедшего из строя и кричавшего в сторону врага нечто бессвязное:

— Ну как, а? Сволочи! Убью! Всех! Валите отсюда! Я вас тут всех вместо женщин использую! Уй! Больно, ты чего? — наконец отреагировал он на удар и замолчал.

— Господи, а где же второй корпус? — тихо прошептал Теодор, глянув как перестроившееся враги вновь идут в бой.

Лемк и его товарищи солдаты, а также большинство офицеров неподдельно бы удивились, но Кристоф фон Русворм не отправил гонца к Карлу Эммануилу, как это было условлено ещё у Малгары. Честолюбивый генерал слишком хотел отличиться, а потому мысли, что он может в одиночку справиться с этим, видимо наспех набранным исмаилитским войском, его не оставляли с самого того самого момента, когда к нему стали поступать сведения о том, что врагов вблизи всё больше и больше. Когда же он увидел, что врагов и больше, он и тогда не стал отправлять гонцов к савойцам. Вместо этого в его голове план сокрушительного удара железных терций против плохо организованных толп, принял форму обороны на крепких позициях. К тому же, не раз бывавший на учениях турм генерал-фельдвахтмейстер видел, как слабы турмы в наступлении, как они ещё плохо держат строй в движении, чем конечно же могли воспользоваться враги. Их тактика, когда под видом ложного отступления они заманивали растянувшегося и потерявшего строй врага под удар своей кавалерии был давно и всем известен, а потому он, несмотря на просьбы того же юного маркиза де Виллаба атаковать, приказал ждать. Отражение первой атаки врага полностью лежало в его планах. Главное дожидаться, пока враги устанут, измотают себя в атаках, а дальше можно и рискнуть, отправить приказ к наступлению. Тем более что тут мало было тех, кого бы ему было жаль потерять — отсталые и нищие ромеи, именующие свой городок «Империей», напыщенные и гордые испанцы, слуги торгашей... Их главная задача — принести ему победу, и если даже они все погибнут, то значит так тому и быть.

Вторая атака принесла сюрприз — сарацины и их союзники, вновь под пушечным огнём сблизившись с турмами, не стали пытаться выиграть стрелковый поединок, где залп трёх шеренг скопелфов до шестисот воинов в каждом, выдавал в идеале в минуту до тысячи восьмьсот выстрелов. Это не считая отрядов аркебузир, стоявших на флангах турм. Соревноваться с такой насыщенностью огня было трудно нерегулярным войскам, а потому понявший это шахзаде и его военачальники сделали следующий шаг, с упором на особенность сарацин — яростный ближний бой, в котором они были традиционно сильны.

Сделав по два выстрела, шеренгам стрелков пришлось быстро отступать, назад, под

защиту контарионов, становясь за их каре, наклонивших после их отхода пики и алебардистов. Отступая, скопеды в сутолоке потеряли строй и стали больше походить на толпы тех же сарацин, пока офицеры не начали наводить порядок. Но обтекающие каре контарионов сарацины и не думали останавливаться, атакуя оцетинившихся пикинеров и накинувшись на перестраивающихся стрелков, большая часть которых отошла за каре. Лишь малая часть стрелков оказалась внутри каре.

Многие скопеды, не успев сделать и выстрел, бросали мушкеты и аркебузы, доставая свои клинки, чтобы отбиваться от яростно нападающего врага. Лемк, со свистом достав свой меч, тоже начал отбиваться, стараясь держать противника на дистанции своим чуть более длинным клинком. Используя длину рук, он старался издали нанизать противника на острие, ударить в голову или шею, чтобы уж наверняка вывести врага из боя. Но вместо одного убитого тут же занимал другой, стремящийся разрубить Теодору голову. Яростные крики, которыми осыпали друг друга бойцы, сбивали дыхание, но остановиться было невозможно.

Оглушающий выстрел под ухом, которое наполняется звоном, и тяжёлая свинцовая пуля поражает сразу двоих врагов, у которых кроме белых рубах, никакой защиты не было. Это задние шеренги стрелков, пользуясь тем, что всё-таки основная масса пыталась валом опрокинуть контарионов, стоявших подобно волноломам у штормового моря, начали давать выстрелы по готовности, подбегая к своим сражающимся и отступающим товарищам и разряжая ружья в упор. Это сперва позволило Лемку нанести несколько быстрых рубящих ударов по ошеломленному таким поворотом дел противнику, поразив их. А когда вся вражеская пехота откатилась к каре контарионов, они тем самым сделали себе только хуже, так как теперь все оставшиеся стрелки получили возможность взяться за свои мушкеты и аркебузы, открыв огонь и поражая стоявших плотными массами врагов.

Этого уже исмаилиты выдержать не могли, и теряя людей под ударами пуль, пик и страшных ударов алебард, они вновь начали, второй раз за битву, отступать в сторону своих позиций, недолго преследуемые двумя эскадронами ромейской кавалерии, рубящей отступающих, но которым пришлось вернуться, когда они подошли к ещё имевшимся свежим сарацинским силам, отогнавшим их стрелами и огнём из ружей.

Отражение второй атаки, несмотря на успех, не просто далось Сицилийской турме. Во многом это было благодаря тому, что левый фланг, упиравшийся в Эврос, врагам было непросто обойти, что доказывали многочисленные трупы врагов, оставшимися на пространстве между стрелками, рекой и контарионами.

Многие раненые потянулись в сторону обоза. Трупы уже даже своих толком не убирали, лишь оттаскивая их из-под ног. Можно было бы подумать, что вот же она — победа! Но шум сражения на правом фланге, который от реки было не видно, говорил о том, что всё ещё не кончено. Да и вражеская пехота вновь убежала не так далеко, под криками своих беев, ударами барабанов отдыхая и приходя в себя.

А в это время Кристоф фон Русворм впервые начал сомневаться в возможности того, что он победит. Подозвав молодого ромея, которого приставили к нему в качестве курьера, он отдал ему приказ, который был уже, возможно, несколько запоздавшим:

— Скачи скорее... Найди второй корпус. Пусть спешит сюда, мы обнаружили султанское войско.

Яростные атаки пехоты оказались лишь отвлекающим маневром, султанским военачальникам так же оказалось не жаль свои пехотные войска, которые отдавали свои

жизни, пока их конница, как думал Русворм, стоявшая и ждущая пока он нанесёт удар, всё это время просто выжидала удобного случая, чтобы показать себя во всей красе.

Много веков подряд конница господствовала на поле боя. С седых времён, без сёдел и стремян, всадники перемещались по полю боя, осыпая пехоту дротиками, стрелами, коля копьями, рубя клинками. Много сменилось народов и многие вносили что-то своё, новое в тактику, изобретая приспособления, чтобы ловчее было победить врага. И среди лучшей конницы мира, что позволяло раз за разом одерживать им новые победы, стояла как раз сарацинская конница. Имея многовековые традиции ещё с кочевых времён, непрекращающийся опыт если не от ведущихся войн, то от набегов на соседние народы, предоставляя лучшим воинам земельные наделы — тимары, за счёт которых они покупали снаряжение и предоставляли несколько конных латников — джебелю, разводя одних из лучших коней на территории Фессалии и Срема в Румелийском султанате и на территориях долин у Данубы в Силистрийском султанате, они были страшными противниками для всех войск. Мало того, стать подданным султанств было очень легко, особенно если ты имеешь своего коня, и умеешь обращаться с оружием, что для многих европейских младших детей бедных дворян было неплохим способом занять положение повыше и заработать свою долю богатств на непрекращающемся театре битв. Таких бедных европейских дворян, имеющих выучку в кавалерии и внешне порой даже мало отличимые от тех же рейтар, называли *гуреба*.

И обойдя правый фланг ромеев, что позволяла сделать холмистая местность, более семи тысяч превосходной сарацинской конницы ударило во фланг и тыл войска. Конечно, они появились не в один миг. Сначала заметили тучи пыли за холмами. Грегор Тебар успел развернуть свои пять сотен конницы, думая отразить фланговый обход. Ланциарии Франсиско Пласа и Димитрия Контостефана тоже успели медленно развернуться навстречу опасности. Но большего они сделать не успели. Конница Тебара оказалась смята и покатила назад, в сторону своих войск, мешая своим собственным войскам. Сам командир, Тебар, был убит одним из первых. Русворм и все, кто имели возможность, поскакали прочь с холма, через обоз в сторону тыла стоящих турм. Фланговый удар по Латинской турме так же опрокинул их и теряя людей, они побежали через Критскую турму к реке.

Вражеская пехота, одушевлённая успехом своей конницы, третий раз пошла в атаку на «сицилийцев» и «критян». Позиции артиллерии оказались захвачены вражескими кавалеристами и оружейная прислуга, которая не успела сбежать, была изрублена. И здесь, среди посеченных тел, было установлено пятихвостое знамя шахзаде.

Миг счастья, от того что выстояли во второй раз, сменился отчаянием от видения того, как бегут люди с правого фланга, успел пережить Теодор до того момента, как по команде хладнокровных командиров он вновь открыл стрельбу из успевшего немного остыть мушкета по наступающим врагам.

«Критяне», по команде Стефана Алусиана начали отступать назад, в сторону обоза, куда уже ворвались вражеские всадники. Теряя людей от свинца и стрел, выхватываемые арканами лёгкой конницы, они медленно пятились назад, подставляя врагов под фланговый огонь «сицилийцев». Но враг был уже настолько охвачен яростью боя, что не обращал внимание на потери. Они стремились уже покончить с этими пехотными крепостями, которые никак не поддавались им. Тяжёлая вражеская конница — сипахи с джебелю, гуреба — раз за разом накатывались на «критян», их волны доходили и до Сицилийской турмы, но каждый раз они не могли пробиться внутрь через пики и алебарды, поражаемые свинцом, от

которого не могли защитить их доспехи, теряли людей и коней, отступая назад и вновь пробуя сломить волю своих врагов.

На удивление, часть сарацинской конницы, ворвавшаяся в лагерь, так в нём и осталась, не довершив окружение ромеев и дав время «критянам» отойти к Эвросу, а остаткам Латинской турмы и кавалерии перестроиться и открыть огонь из-за спин бойцов ближнего боя.

Поле боя неузнаваемо изменилось. Там, где был правый фланг ромеев, не осталось ничего, кроме груд мертвых и раненых тел. На месте штаба Русворма — знамя командующего сарацин. Там, где был тыл Сицилийской турмы — место ожесточённого сражения.

Мушкет в руках Лемка настолько раскалился, что стрелять из него стало уже невозможно, и подхватив выроненную убитым алебардистом фашарду, он рубил и колол врагов, стоя сначала во втором ряду, а затем уже и в первом. Сгоревший порох, грязь и кровь покрыли его тело так, что его бы не узнала и родная мать, если бы она у него была. О чём может думать человек, находящийся на грани гибели? Лемк не знал о чём думали другие, так как он молился о том, чтобы его друзья выжили. Для него жизни других сейчас потеряли значение. Он видел, как какой-то смуглый темнокожий воин на коне, налетев, отрубает солдату здоровяку голову, но в следующий момент его пронзает пика и удар фашарды разрубает ему грудь. Конь в ярости бьётся копытами, прыгает, обливаемый кровью своего хозяина, а в следующий момент пуля останавливает и его жизнь.

— Эх, будь тут мои богемцы... — слышит он рядом, оборачивается и видит, что рядом с ним сражается сам фон Русворм. И Лемк стал понимать, что скорее всего это конец, раз уже даже командующий войском, человек, который знаком с Императором, бьётся в первом ряду.

Но это не оказалось концом, так как оттуда же, из-за холмов, откуда какое-то время назад появились сарацины. Появились новые кавалерийский отряды. Три тысячи всадников единым отрядом налетели на многострадальный холм, смяли стоявших там исмаилитов и без промедления ударили в спины увлекшимся сарацинам. Рубя прямыми тонкими мечами, стреляя в упор из пистолей, одетые в хорошие доспехи, савойская конница с союзными отрядами, они навели панику, но когда сперва одиночные, а затем и подхватывающие начали кричать:

— Шахзаде! Шахзаде! — только уже с оттенком страха, отчаяния, то враги в этот самый миг повернулись и начали бежать. Смертельно уставший, Теодор был бы и рад бежать и добивать паникующих врагов, но сил уже не было. Лишь кавалерия, да отдельные солдаты кинулись преследовать врага.

Но тут появился да Мартони:

— Строиться! По местам! Стрелки — зарядить оружие!

Больше всего Теодор хотел его послать к чёрту, но всё так же недалеко был Русворм, появился живой и чёрный как выходец из Чёрных земель Глэкнер и Лемк против своей воли сам начал созывать стрелков и отдавать команды. И когда люди были построены, их повели не на вражеский лагерь, а к своему обозу, в котором забаррикадировались часть врагов. Штурм не случился. Видя, что те из пушкарей, кто сумел уцелеть, совместно с Карлом Истваном разворачивают орудия на захваченный обоз, какая-то часть всадников попыталась прорваться, и, потеряв часть людей прорвалась, а часть повернула назад и уже там сдалась.

Как выяснилось позднее, корпус Карла Эммануила никто не вызывал, но более

многочисленная кавалерия ромеев второго корпуса следила за передвижениями сил сарацин и потому спешила, предполагая что они хотят дать бой, попытавшись воспользоваться случаем и разбить разделённые силы по отдельности. Правда, как многие думали, Карл Эммануил скорее опасался, что Русворм присвоит победу себе и именно поэтому спешил отправить вперёд конницу, поручив номинальное командование ею своему старшему сыну, юному Филиппу Эммануилу.

Пленные... Пленных было много. Тысячи. Сначала те, что сдались в захваченном обозе, разграблением которого они увлеклись до такой степени, что проиграли битву. А потом начали подходить пехотные части савойско-генуэзско-прочего войска, которые сразу шли в сторону сарацинского лагеря, в котором окопалась основная часть отступившей пехоты врага. Истощенные тремя дневными атаками на позиции ромеев во время боя, они были слишком истощены, чтобы оказать свежеподошедшим силам хоть какое-то сопротивление, а потому предпочли сложить оружие. Немногие смогли сбежать оттуда, преследуемые конницей. Таким образом, в руки объединённого войска попали горы добычи — сотни телег с провизией, бочонками пороха, свинца, ядер, сотни мушкетов и аркебуз, клинков, бесконечные связки стрел, холмы сёдел и уздечек, десятки пушек, стада крупного и мелкого скота и многого, многого другого. Так же досталась в качестве добычи казна войска. Сколько там было денег никто не сказал, но слухи ходили самые невообразимые.

Войско силистрийского шахзаде перестало существовать. Спаслась лишь часть конницы, которую не смогли достать, и которая растворилась на просторах западной Фракии и прилегающих гор, образовала неподконтрольные никому банды грабителей, либо начали искать того, кто будет организовывать новое войско.

Первым стремлением, когда смотришь на убитых товарищей, было пойти и перебить всех пленных. И лишь невероятная усталость победителей спасла тогда многие сотни жизней проигравших. А савойцы с прочими... Они не теряли в битве своих друзей, а потому не испытывали и ненависти к пленным, взяв их под охрану и относясь во многом скорее с неприязнью и некой долей любопытства.

А солдаты Русворма, после некоторого отдыха, начали разбирать тела погибших, отделять своих от чужих, искать раненых, которых привалило убитыми конями или находились без сознания, добивать раненых врагов. Всё это надо было делать быстро, потому как из-за жары уже над полем боя начали виться рои мух, и пока тела были в более целом виде, их следовало похоронить. Правда, со многими телами сарацин поступили проще — их просто стаскивали к Эвросу, и пускали на волю волн и рыб, чтобы их рано или поздно вынесло в море или их прибило на побережье где бы они и разлагались. Но не здесь и не сейчас. А могилы копали уже для соратников. Большие общие могилы, куда укладывали тела рядами, так как рыть одиночные могилы не было никакой возможности. Бледные тела в исподнем закидывали чёрной землёй, священники читали молитвы, а боевые товарищи, с обнажёнными головами стояли рядом, горюя или радуясь, что сегодня они не оказались на их месте.

И Теодор так стоял над общей могилой, над которой возвышался большой крест, сбитый из разбитой телеги. В этой могиле упокоился его друг, с которым они осенью записались в ряды армии. Пётр был хорошим другом, своеобразным. Скуповатый, но это лишь от бедности, в которой он жил. Попав в контарионы, и не успев себя проявить, он был ранен, и судя по всему, когда он упал, его просто затоптали солдаты — свои или чужие, не разобрать. Сид, Евхит и Михаил были ранены и находились в лазарете, а Теодор, Юхим, Илия, Месал и Юц, которому удалось выжить, спрятавшись во время погрома в лагере под телегами, прощались с погибшими. Здесь же лежал и Герберт Бауман, один из первых их инструкторов. Множество других офицеров и простых солдат, с которыми они проводили

бок о бок немало времени, а после одного дня никого из них уже не стало.

Лемк, стоя у могилы друга, вспоминал момент, когда после сдачи врагов в обозе, к ним подскакала кавалькада блестящих всадников.

— Поздравляю с победой, мой дорогой Кристоф!

— Как и я вас, Ваше сиятельство! — поклонился фон Русворм, бледный, с обвисшими щегольскими усиками, с обнажённой и окровавленной шпагой и местами помятом доспехе он больше походил на не слишком удачливого наёмника, в отличии от ослепительного в прямом смысле Карла Эммануила, который в своих тонко отделанных золотом латах смотрелся совершенно великолепно.

— Вы появились чрезвычайно вовремя!

— Не мог же я пропустить столь увлекательное дело! Кстати, мне тут рассказали, что там, оказывается, лежит тело сына султана Ибрагима! Не хотите ли взглянуть? На мой взгляд, это весьма любопытно.

— Моего коня убили, Ваша светлость, но как только мне подадут нового, я непременно последую за Вами. — и когда ему подавали коня, он, запрыгивая в седло, лишь с ненависть прошептал так, что было слышно лишь рядом находившимся солдатам:

— Украл, всё-таки украл победу...

И, мазнув взглядом по лицам стоящих рядом солдат, он поскакал вслед за командующим, смотреть на ещё одних мертвецов.

После победы в битве при Эвресе, войска направились к Адрианополю, под которым застряли почти на месяц, ввиду того, что это был большой, богатый и довольно неплохо укрепленный город, не пожелавший сразу открыть ворота победоносному войску. Пока организовали блокаду, занимали более мелкие близлежащие поселения и городки, организовывали лагерь... А потом в войске началась дизентерия, унесшая немало жизней, несмотря на то, что командование сразу начало принимать запоздалые меры — ввело карантин, организовали единые выгребные ямы, запретив гадить где придётся, были организованы из местных водоносы, которые кипятили и разносили речную воду по лагерю. А также саму воду велели брать только выше по течению, а уже ниже — поить скот и лошадей.

Лемка перевели в другую друнгарию, в которой у него не было знакомых, протодекархом. И вроде ему надо было радоваться повышению, но выходило не очень, так как с гемилохитом Натаном Моленаром у них возникла антипатия при первом же знакомстве. Но подарки отданы, обещания получены, осталось держать слово.

Ещё одной проблемой стали войнуки. После того, как у многие из них попали в плен, то немалое количество сразу попросили о вступлении в войска герцога Савойского, который являлся главнокомандующим. Герцог был не против, так как корпус Русворма понёс значительные потери, преданные войска оставались гарнизонами в ключевых точках, то новые люди были остро необходимы. Но так как и платить бы тогда пришлось именно ему им жалованье, чего ему делать совершенно не хотелось, то он поставил условие, что он примет их в объединённое войско, а служить они будут всё же под ромейскими знаменами и в ромейских же турмах, и ни в коем случае не формировать собственные старые гондеры. Такой шаг должен был не дать позволить им всем сговориться и массово дезертировать или предать. Это был не самый желанный для них вариант, так как между болгарами и ромеями произошло в прошлом немало обид, о которых до сих пор ходят сказания, взять хотя бы

деяния Василия II Болгаробойцы и Калояна Грекобойца. Конечно, после нашествия сарацин им было не до старых обид, но прошлое всё ещё было не позабыто. При этом выбор у них был не такой большой — поступление на ромейскую службу под командованием герцога Савойского или отправка на галеры или рудники в итальянские государства, или просто продажа в рабы на новых рабских рынках Пропонтиды. Поэтому они соглашались и их определяли в турмы, понесшие наибольшие потери и просто туда, где практически не было стрелков, как например у той же Ланциарной турмы. Эти болгары были все стрелками, в которые их и записывали в подразделения.

Вот тут и начинались проблемы. Сказать, что к ним относились с нелюбовью в их новых отрядах — это ещё очень мягко. Не все смогли переступить через тот момент, когда от пуль болгар при Эвросе погибло довольно много товарищей, а многие из них самих были ранены. К тому же их называли предателями веры, так как они верно отслужили исмаилитам, пока не попали в безвыходное положение. Потому стычки с греками, ромеями, неаполитанцами, испанцами и прочими у них выходили довольно частыми. Вторая проблема — они не были приучены сражаться в строю. Довольно меткие стрелки, они шли не в ногу, плохо понимали ромейские команды, и при стрельбе стремились встать там, где им было удобно.

При этом Теодор оказался одним из немногих, кто относился к бывшим сарацинским войнукам нейтрально, или даже неплохо. Для него они были новыми солдатами Империи, у которых появился шанс сделать в жизни что-то хорошее, помочь им сделать великое дело — восстановить Империю. И для этого он собирался сделать всё возможное, что от него зависело — обучить, следить чтобы у них были необходимые вещи, чтобы они не натворили бед, чтобы они не дезертировали.

При этом сами болгары спокойно, и даже с неким воодушевлением относились к тому, что им придётся сражаться со своими бывшими господами. А причина была простая — сарацины всячески принижали своих подчинённых иноверцев, а порой и просто унижали. Если войнуки призывались на войну, и начиналось сражение — то обычно они шли в первых рядах. Если получать добычу — то последними.

И внутри тех же болгарских общин Силистрии, которые ещё составляли большинство населения, к ним относились неоднозначно. От презрения, что они состоят на службе у сарацин, до открытой вражды, так как одной из их обязанностей была помощь местным аянам и муфетишам, то есть местным служителям порядка, в отлавливании партизан — гайдуков, многие из которых были не просто бандитами — ятаками, а мечтали о восстановлении царства. И прошлогодние действия, 1598 года, когда в результате открытого восстания в Тырново погибло множество гайдуцких чет — отрядов, а Шишмана, самозваного царя, жестоко казнили в Белграде, отнюдь не принесли им уважения. Помимо этого, было казнено множество людей из старых аристократических родов, авторитетных людей, ортодоксальных священников, которые не уследили за своей паствой, и просто богатых людей, у которых под этим предлогом можно было отнять их собственность. Тодор Балин из Никополя, владыка Дионисий Рали, митрополиты Рушука (Русе), Шумена Ираклии, ловечский епископ Теофан, богатейшие братья Соркочевичи и многие, многие другие... Казни продолжались вот уже год, и многие винили войнуков в том, что если бы они тогда поддержали восстание, то не случилось бы прошлогодней трагедии. В общем даже внутри своего народа эти войнуки считались отщепенцами и как они делились порой у вечерних костров между собой, переход на сторону врагов исмаилитов поможет им

заслужить прощение в том числе и прощение своего народа. А Лемк это узнал, так как у него не всегда была возможность проводить вечера у костра с друзьями, и ужинал вместе с подчинёнными ему стрелками.

Хотя, когда Теодор познакомился с ними поближе, то он решил, что они не приняли сторону гайдуков из-за того, что просто проспали всё. Посланцы Балина и других, просто не смогли их разбудить. Никогда ещё Лемк в своей короткой жизни не встречал людей, которые бы так любили спать. Они спали всё свободное время — и стремились поспать даже на посту, с чем приходилось жестоко бороться. И эти крепкие мужчины были очень ленивы. Заставить их сделать что-то, что не входит в их обязанности — это надо было постараться. А методы у Лемка были простые, те, которые он сам испытал на своей шкуре от Глэкнера. Не хочешь по-хорошему выполнять команды, будет тебе такая учёба с одолженными кирасами контарионов и их шлемами и забегами, что в следующий раз они спешили выполнить все приказания до того момента, пока он их подумает произнести.

Их обучение, плохое взаимопонимание с Моленаром (который при виде Лемка начинал разговаривать с ним презрительно и сквозь зубы, что Теодора очень злило), следить за остальными солдатами в полулохе — всё это занимали немало времени и сил Теодора. Было мало этого, стало ещё веселее — через какое-то время Лемк узнал, что в эту же турму, в эту же друнгарию входит вся банда Анджело Кальколо, командира кентархии. И если он признал тех, с кем он с друзьями когда-то сцепились в казарме, что закончилось кровью и повешением некоторых их дружков, то и они его признали. Анджело не мог отдавать ему приказы, что было на руку Теодору, но вот приказать своим головорезам поймать и пощекотать ножами ему рёбра он мог — даже в военных лагерях, как убедился Лемк, хватало своих тёмных переулков. И пару раз он чуть не нарвался в таких местах, но наличие кремневого пистоля за поясом и скьявоны под рукой позволяло выкручиваться только ругательствами.

Стали посещать мысли о том, как бы закончить контракт досрочно, так как опасностей для жизни становилось всё больше — не убьют в поле или при штурме, так зарежут «товарищи». Но уйти так, чтобы при этом хотя бы должность декарха осталась за ним. Даже при наличии припрятанного клада, это бы значительно упростило ему жизнь.

В овладении скьявоной он продвигался довольно успешно. Диего тоже учил его на совесть, самым простым и действенным приёмам, которые бы помогли ему выжить в ближней рубке боя и в столкновении один на один. И там бы были не только элементы благородного фехтования, но и «подлые» приёмы, весьма действенные. Как немного узнал Теодор, этот Диего много путешествовал, провёл много времени во Франции, где воевал на стороне Католической Лиги в религиозной войне, был наёмником во Фландрии, жил в Риме, Венеции, Праге. Он подчёркивал, что длинные и крепкие руки, неплохая гибкость и сила — это были его преимущества, которые, по словам Диего, могли бы продлить ему жизнь. Лемк действительно быстро учился, порой удивляя своего учителя. Но всё из-за прошлого жизненного опыта Теодора и его друзей, когда они дрались с нищими на улицах Города, с другими беспризорниками, отстаивая своё право жить. И Теодор на коротких утренних тренировках с Диего старался изо всех сил, догадываясь, что ему это весьма пригодиться, если и дальше хочет жить. Да и немало талантливых солдат достигали в прошлом самого высокого положения, если у них был случай блеснуть своим воинским мастерством перед могущественными людьми.

И вообще, согласно новому положению Теодор стал и одеваться соответственно.

Старший декарх, под начальством уже два десятка стрелков — совсем не шутка. Мягкие кожаные сапоги, с толстенной подошвой из воловьей шкуры, а не деревянной, как носили многие, снятые с сипаха. Простые суконные штаны, хоть и придавали простолюдинский вид и никто из ромейских офицеров старался не носить их, но а кем был сам Лемк? Простолюдином. К тому же это было практично, пыль на них была практически не видна. В дневное время Лемк носил пару рубах, одна под другой и кожаный колет, без дублета, который под низ обычно одевали латиняне, выменянный у одного генуэзца, с красивым расшитым растительным узором. Был ещё и камзол с разрезными рукавами, который он обычно накидывал в прохладную часть суток. Поверх колета накидывал через плечо свои «Двенадцать апостолов» — ремень с отмерянными пороховыми зарядами к мушкету. На поясе, ещё одной его добыче с сипаха, проклёпанном тонкими бронзовыми бляшками, висела скьявона и кинжал, а на животе за пояс заткнут пистоль. Добавить бы перчатки, которых у него ещё не было, и почти не отличить от, конечно, не Дипара, но других кентархов. И также как они, и Лемк старался смотреть на подчинённых, громко, но без суеты отдавать команды и сам делать все дела быстро и качественно, но без поспешности, которая бы уронила его достоинство, которое он чувствовал согласно своему положению. Но когда он садился за костёр с друзьями, он тут же превращался в того простого молодого парня, который носился по Городу, встречая в приключения и пытаясь заработать несколько медяков на пропитание, когда убегали из церкви.

Самое большое счастье, которое испытал Теодор, это было то, что кровавый понос обошёл их стороной. Всего переболела четверть всех солдат, из которых уж каждый десятый, а может и больше, не смог этого пережить. Насмотревшись бегающих, гадающих и мучающихся людей, чувствуя зловоние, которое распространяло болезнь, Лемк вспоминал, как их били в церкви, прививая любовь к чистоте и благовониям, и возможно только это их и спасло. В молитве он поклялся и дальше следовать тому, чему его так упорно учили. Ну, как минимум чистоте, да.

Помимо занятий с бывшими войнуками, а ныне солдатами Ромейской империи, и более редких в составе крупных отрядов, его время было довольно плотно занято. Плюсом было то, что войнукам ещё не слишком доверяли и не ставили в различные караулы и дозоры, либо ставя на дежурство весь полулох. Далее надо было присматривать за Гемоном, чтобы тот его не забывал — конь был ему симпатичен и надо было посматривать, чтобы Юц его хорошенько обихаживал. Тренировки с Диего — после которых требовался отдых. Отнимал определённое время уход за одеждой, так его не привлекла ни одна из следующих за войском женщин, да и кровные деньги терять не хотелось, в то время как многие солдаты спускали все монеты за добычу и те, что им выдали в качестве жалования на вино, женщин и игры.

Но время у него всё же было и в такое время он читал. Друзья и те, кто узнал, что среди их знакомых есть такой книгочей приносили ему всё, где было хоть что-то написано. Друзья и те, кто хотел заручиться какой-то поддержкой — дарили. Солдаты и просто новые знакомые — старались продать. Лемк обычно обменивал книги и свитки на вещи, которые он получил в ходе добычи, но порой приходилось выкладывать деньги, когда упирались, а вещь была уж больно стоящая. Так среди его пожитков появились пару карт некоего латинянина Меркатора. Красочные карты, полные ярких красок, сразу поразили в самое сердце Теодора и он отдал за это чудо всё серебро, что у него оставалось от жалования в гроссо и от добычи акче. Вышло, если посчитать, почти на полтора золотых дуката. Гигантская сумма для Теодора! Но разглядывание карт стало для него чуть ли не

ежедневным ритуалом. Разглядывать и вспоминать, что он знает о тех или иных землях, которые когда-то были частью Империи. Читать новые названия городов. А затем расспрашивать о новых узнанных землях от тех, кому довелось побывать в разных концах Европы, Mare Nostrum или Средиземного моря и Африки, а не Чёрного континента, как его привыкли называть.

Но самым увлекательным чтением для него всё же оставались наставления Императора Маврикия и та тетрадь с семейной историей некоего димота, где говорилось о короне Маврикия. Маврикий в своём наставлении, казалось, сумел описать весь армейский быт и порядки, которые Лемк видел каждый день. Прошли сотни лет, на поле боя гремят мушкеты и орудия, а всё казалось таким понятным и недалеко ушедшим с тех пор... Но многие придумки, о которых шла речь в его трактате, не встречались ещё ему ещё и он старался их запомнить. Особенно драгоценными для него казались советы, которые, казалось напрямую ему давал Император. Несмотря на то, что ранее он не стеснялся дописывать на полях книг свинцовым карандашом своё мнение о том или ином моменте, то тут такая мысль, даже подчеркнуть наиболее интересные идеи казались ему кощунством.

А дневник и дальше продолжал поведывать ему необычайную историю короны. Копроним... Обидная кличка, данная после смерти того, на кого при жизни боялись даже поднять глаза за то, что считал почитание икон идолопоклонничеством. Обладая абсолютной преданностью солдат своих армий, Константин V правил твёрдо, переселяя целые народы, как сирийцев во Фракию. Но после его смерти, согласно его завещанию, корону похоронили вместе с ним. Его сын, Лев IV Хазар, желая обладать таким артефактом, приказал вскрыть гробницу своего отца и извлёк корону Маврикия. Но когда он возложил корону себе на голову, то он весь покрылся струпьями и язвами, от которых вскоре и умер. Его жена, хитрая и коварная Ирина, отказалась возвращать семье димотов реликвию. Она даже ослепила своего собственного сына, чтобы править самостоятельно, с помощью своего любовника Аэция. Желая передать артефакт достойному или вернуть в гробницу Константина, димоты стали готовить заговор против Ирины. По тетради было непонятно, в результате их заговора была свергнута Ирина или нет, но власть она потеряла, как потеряла и жизнь, запертая в отдалённом женском монастыре. А ставший императором логофет Никифор I ответил, что ни о какой короне не знает. Впрочем, его не слишком долгое правление, наполненное борьбой с могуществом церкви, было окончено гибелью в бою с болгарами, в одной из горных теснин. Следы короны Маврикия потерялись. Империя покатила с вершины своего могущества вниз, стремительно теряя силы, пока не потеряла все окружающие Город земли. Далее в тетради шли рассуждения о том, что если корона вновь будет найдена, то следует всеми силами способствовать тому, чтобы представитель именно их рода стал следующим правителем Империи, так как они за века доказали, что являются самыми достойными хранителями старых порядков и знаний. На последней странице шло описание их земель и поместий, а также то, что они временно поступили на службу к Силистрийскому султану, чтобы иметь возможность поискать на его землях корону. На этом тетрадь заканчивалась. А у Теодора было столько вопросов — кто эти димоты, какая фамилия? Каким образом тетрадь оказалась у того сипаха? Он сам из династии перебежчиков? Или просто искал клад или корону? Где корона Маврикия спрятана? Успела её спрятать императрица Ирина или Никофор I всё же отобрал корону, и она осталась где-то с ним, на месте побоища, в котором он в прямом смысле потерял голову, из которой сделали чашу? Или она была унесена болгарами в свои сокровищницы? Слишком

много вопросов, а ответов нет. Нужна была информация, сведения современников. История о короне ему запала — если найти этот артефакт, то может это поможет возродить Империю? Потому Лемк и старался читать всё, что попадало в его руки и искать сведения о том, где ещё можно было бы почитать о тех временах, когда жили Ирина Исаврийка и Никифор I Геник.

Крупнейшими городами Ромейской империи, кроме столицы, при Ирине и Никифоре и на какое-то время после были Адрианополь, Фессалоники, Пруса (Бурса), Трапезунд (Трабзон), Никея (ныне Изник в Анатолийском султанате), вымерший Аморий, Никомедия (Измит, как его называют сейчас анатолийцы), Смирна (Измир), Тарент, Сиракузы, Неаполь Афины, Диррахий (он же Дуррес, Дураццо). Во всех из них существовали мощные скриптории, где переписывались книги и где существовали архивы. Многие древние архивы, как видел сам Лемк, сохранились и до наших дней. И если бы была возможность в них покопаться, то может он бы и отыскал след... Но большинство этих городов находится у исмаилитов, с которыми они сейчас воюют, либо находятся в плохих отношениях. Да даже столичный архив был недоступен для Теодора. Кто он такой, чтобы его туда пустили? Если только отдать тот клад... Но стоит ли овчинка выделки? Не проще ли позабыть про эту старую легенду? Разум говорил одно, но зародившаяся в душе Теодора мечта порой мешала ему уснуть.

Тем временем борьба с поносом принесла плоды, (как бы это не звучало) вспышка болезни пошла на убыль и немного потерявшее боевой дух войско вновь жарко взялось за осаду, которую вскорости и выиграло. Богатые негоцианты города решили не искушать судьбу, видя с бастионов адрианопольской крепости, как продвигается сеть апрошей и как возводятся всё новые батареи для орудий. В ходе произошедших в несколько этапов переговоров было решено не устраивать погромы и резню, не отнимать недвижимость у местных богатых исмаилитов, не принуждать их к смене веры. А с другой стороны оставшиеся войска сераткулу складывают оружие и расходятся по домам, все владения султана, визиря и пашей, а также арсенал и склады султанского войска переходят в собственность Ромейского императора Андроника IV, герцога Савойского и прочих. Земли у исмаилитских священнослужителей отбирались, но их молельные дома оставались у них. Город менял имя с Едренебола, ему возвращалось древнее название Адрианополь, который становился столицей провинции Македония, куда должен был быть назначен *дукс*, наместник.

Когда город открыл свои ворота и внутрь получили доступ некоторые солдаты, то посетивший город Теодор знатно удивился. Это был очень большой город! Если он раньше считал Город огромным, то теперь он понял, насколько уменьшилась в размерах столица в сравнении со старыми временами. Здесь проживало больше ста тысяч человек, как ему поведали местные жители, которые тоже говорили на смеси языков — тюркско-греко-болгарском. Благодаря своему отличному положению на Эвросе, который от него до моря был судоходен, а к западу от города соединяются долины рек Эвроса, Арды и Тунджи, а также все дороги, идущие вдоль них и ведущие с горных проходов Гема (или Гемских гор, которые на сарацинский манер ещё именуют Балканами) и дороги, ведущие к Пропонтиде. И проживали в городе самые разнообразные народности. Во-первых — потомки завоевателей этих мест, сарацины и оседлая часть юрюков. Во-вторых — потомки местных завоеванных народов, а именно общины греков, болгар, сербов, македонян, валахов — мунтян. В-третьих,

довольно значительная община помаков, местных жителей, которые поменяли ортодоксию на исмаилитство. А в-четвёртых — община арабов, нашедших приют от завоевания анатолийцами у их врагов, община саксов и евреев, старая местная и часть тех, кого когда-то, лет сто назад, изгнали из Испании.

Побродив по городу, Лемк удивился — тут не было пустырей! Все мало-мальски пригодные площади были использованы под всевозможные нужды — лавочки, мастерские, сарайчики.

В общем люди смотрели с опаской на группы солдат, но были и те, которые праздновали. Одну такую группу Теодор встретил в постоялом дворе, при котором было нечто вроде трактира, куда зашёл перекусить. Он бы туда и носа не сунул в одиночку, но запах оттуда шёл такой вкусный, что рот тут же наполнился слюной, а в брюхе заурчало. Заказав что-нибудь поесть мясного и промочить горло, он уселся за стол и начал осматриваться. В одном углу этого довольно приличного заведения сидели, по-видимому греки, так как именно их речь слышалась, но с большим количеством сарацинских слов. Они явно праздновали — весело, сыто и уже пьяно, хоть и день. Был занят ещё стол, за которым сидела компания из трёх разновозрастных сарацин, довольно обеспеченных с виду. Увидев, что Лемк с любопытством рассматривает их, они подняли свои чаши и слегка наклонили голову. А потом они позвали его за свой стол, желая пообщаться с офицером победоносной армии, как они пояснили, узнать новости из тех мест, в которых он побывал и самим поделиться новостями.

Это были первые сарацины, которые не старались его убить, а потому было очень интересно с ними пообщаться. Представились как Якуп, Иззет и Юсуф. Пили они сладкое виноградное вино, к которому он тоже присоединился, а потом уже ему ещё принесли целое блюдо с тушёным мясом и овощами — яхнию, запеченное мясо с луком и специями — гювеч, свежие лепёшки, ещё местного вина. Глядя, как заканчивает шкворчать жир и соус в прекрасно выглядящих блюдах, Лемк накинута на еду и лишь когда он насытился, начался разговор. Начали о погоде, потом перешли к обсуждению семей, что дети растут непослушными. Узнав, что Теодор холост, посетовали что надо жениться как можно раньше, чтобы успеть воспитать наследника, так как времена совсем беспокойные. Когда он сказал, что совсем не офицер, а всего лишь протодекарх, Якуп отмахнулся и сказал, что будет ещё офицером, какие его годы. Потом перешёл разговор на торговлю, и собеседники Теодора, оказавшиеся небогатыми купцами, жаловались, что торговля совсем зачахла в последние годы.

— Совсем последние времена настали. Мы, честные джулепы, должны нести пешкеш, подарки всем местным кади и мухтесибам, чтобы они нам позволили торговать! И подарки требует каждый, у кого есть хоть ничтожная доля власти. Так мало того, они устанавливают цены такие, каких уже сроду во всём подлунном мире не сыскать! Десятипроцентной прибыли даже не получить! А ведь какие расходы — подарки, будь они не ладны, наём охраны от расплодившихся разбойников... Раньше хоть султан мог заставить своих валашских, семиградских и молдавских вассалов заставить продавать нам по мубайя, то есть обязательным закупкам, всё что они там у себя выращивают. Прибывали купцы по Данубе из немецких земель, по Марице (Эвросу) поднимались корабли из Мисра, Венеции, Афин и прочим, которым можно было это перепродавать с неплохим барышом. Что говорить? У иноверных вассалов можно было купить по шесть акче за киле (25 кг), мы продавали по двенадцать. А сейчас? Поставки прекратились и сейчас цена за киле ячменя доходит уже под

восемьдесят акче! Вокруг есть славные рудники, производим в городе много всего, а никуда не продать, кроме султанского войска. А помимо кади, который устанавливает цены, есть ещё и базыргянбаши в каждом очаге — корпусе. А сидят на этих должностях евреи, которые ведают закупками для войска, и с ними остаться в выгоде не получается — всё себе забирают. Со всеми воюем, вассалы восстали, кроме кочевников, но те сами как ходячее бедствие — где пройдут, там образуется пустыня — ни людей, ни их имущества, ни даже травы...

— Именно поэтому горожане сдали город?

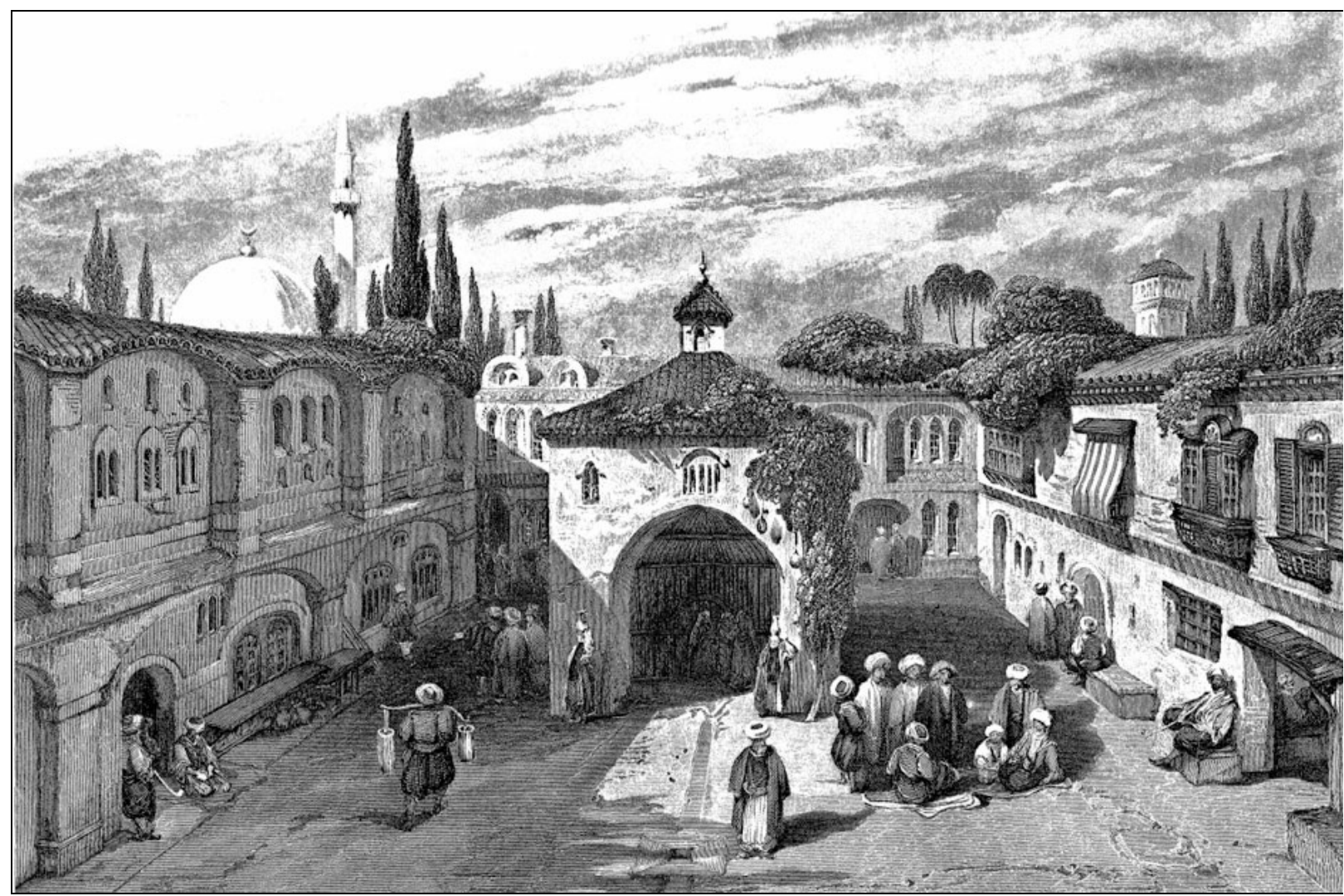
— Да, и не только. Султану нужны деньги, а где их брать, если из райи уже всё выжали? У тех, у кого есть. В городе за последнее время почти раз в год меняются градоначальники, потому как султан находит повод, чтобы срубить ему голову, а имущество конфисковать в казну. И так по всему султанату. Однако желающие влезть повыше всегда есть — риск большой, но и доходы огромные, если знаешь, что делать и с кем дружить во дворце султана. И такими образом скоро и до нас доберутся... А если поменяем подданство, то можно будет вновь торговать со всем миром. Счастливая и довольная паства — конечно же угодно нашему богу.

— А вы не чувствуете к нам ненависти?

— Какая ненависть? Султан глупый, навлѣк несчастья на свою землю, его наказывает бог! А вы — лишь орудия бога. Так зачем нам вас ненавидеть?

Поменяли очередной кувшин, но Теодор, чувствуя, как хмель начинает застилать туманом его голову и желая посетить ещё кое-какие места в городе, распрощался с такими неожиданно дружелюбными сарацинами и покинул заведение, сытый и довольный, прихватив с собой баницу, местный традиционный пирог.

А Теодор пошёл по окраинным сохранившимся церквушкам ортодоксов, расспрашивая о том, какие у них хранятся книги. Перепуганные священники, поглядывая на молодого, выпившего и вооруженного воина, запинаясь рассказывали, что они бедны и книг у них никаких нет, кроме священного писания. Что те, которые сохранились со старых времён, давно забрали в крепость. А когда он подошёл к крепости, то его на входе остановил сперва декарх с двумя десятками солдат, потребовав разрешение на вход, а когда его не оказалось, сказал, что не может ни в коем случае пропустить. Пришлось возвращаться в кентархию, не покопавшись в местных старых документах.

За короткое время после падения Адрианополя вся территория с более мелкими городками, что лежали к западу и северу попали в руки ромеев и их союзников. Филиппополь, Харманли, Лозенград, Чирпан, Шерамполь, Новая Загора, Старая Загора или Августа-Траяна, Ямбол и многие другие. Многолюднейшая область упала в руки войска почти без всякого сопротивления. Лишь отдельные укрепленные поселения отказались впустить солдат, надеясь на то, что сумеют продержаться до войск самого султана Ибрагима.

А между тем, войско, что выступило на запад, увидело причины, по которым такая многолюдная область вела себя тихо и отсутствовали знаменитые гайдуки, которые в прошлых годах бродили в этих местах числом до пяти сотен сабель в четах. Под молодым сарацинским городком Харманли движущееся войско встретило целое поле, усеянное человеческими костями. Часть костяков покачивались в петлях на ветвях небольшого леска, иногда соприкасаясь с гулким стуком. В небольшой ветерок, раздавался целый перестук, похожий на мелодию. Тут уже не бродили падальщики, не летали вороны, а был обычный пейзаж. И тем более было не по себе от этих тысяч останков, которых сарацины запретили хоронить, так как они принадлежали гайдуцкому войску, которое попробовало поднять восстание в прошлом году и где оно в массе своей и полегло. Ощерившие рты черепа, казалось, в немом удивлении провожали пустыми глазницами толпы солдат, бросивших вызов жестоким господам этих земель. Они как бы говорили — «Куда вы? Посмотрите на нас! С вами будет то же самое!»

Уже когда часть войска подходила к Ихтиманским горам, что отделяют Фракию от Средецкой Болгарии (а соединяют Гемские горы и Родопы), и уже поднималась на перевал Трояновы Ворота, когда были получены сведения от местных жителей о том, что крепость на перевале занята сильным гарнизоном и она полна припасов. Несмотря на это, последовал приказ двигаться дальше. Но пока поднимались на теснины, пришлось оставить внизу практически весь обоз, так как горные дороги крайне узки и обрывисты. Страшно представить, что на них творится в плохую погоду. Поднявшись к самой крепости, попытались устроить осаду — но как её устроить, если окружить её невозможно, и она свободно может получать припасы с западной стороны? Потому помучались под ней с неделю и было решено возвращаться ввиду сложности снабжения припасами и водой солдат, которые уже стали ощущать нехватку провизии.

Лемку было интересно взглянуть на одну из групп местных жителей, которые называли себя тоже «римлянами», что у них звучало как «аромуны». Рассказывали, что это потомки солдат и переселенцев из Рима, которые со временем немного одичали и стали заниматься на обширных горных пространствах охотой и скотоводством. В основном они проживали дальше на запад, и в этих местах их было совсем мало, но несколько сотен мужчин этого племени присоединились к войску и стали проводниками и разведчиками. Так же войску помогали местные одичалые греки — цинцары или черновунцы. Являясь скотоводами, которые кочевали между Румелией и Силистрией, они вытеснялись с лучших пастбищ юрюками и сарацинами в самые отдалённые и труднодоступные районы, которым ярко желали отомстить и вернуть себе свои пастбища. Причем аромунуны и черновунцы не любили друг друга из-за веков конкуренции за оставшиеся земли и стремились порой подставить друг друга. Когда произошли стычки между этими, на первый взгляд очень похожими

мужчинами, вооруженными в основном луками и более редким огнестрелом, со своими кривыми однолезвийными ножами, одетыми в свои традиционные черно-белые одежды, пришлось запомнить, что посылать их на совместные задания нельзя ни в коем случае.

Трояновы Ворота надо было взять, но как — никто не знал. За перевалом лежала плодородная долина, центром которой была София, как ныне называли древнюю Сердику, или как она ещё называлась во времена Юстиниана — Триадица. Этот богатый город, так же как и Адрианополь, не был столицей Силистрии, в отличии от тех же двух резиденций султана — западной в Белграде (или Сехирбейяз, как ещё стали называть его сарацины) и восточной резиденции — непосредственно Силистрии, расположенных на Данаубе. Но он был очень богат, вокруг располагались много мастерских и рудников, здесь проживали множество различных умельцев и просто богатых людей, а сам город славился своей изысканной архитектурой. Единственной причиной, почему этот город не стал столицей — это сложность в том, чтобы добраться до него, окруженного горами. Старые имперские дороги хоть и поддерживались в хорошем состоянии, как Виа Диагоналис, но уже не могли вместить все караваны купцов, паломников, крестьян, путешественников, кочевников, всякого сброда, вечно шатающегося по дорогам. Аромуны и черновунцы рассказывали, что к северу в горах есть ещё тропки, по которым можно провести войска, но они ещё более круты и ни одна телега, не говоря уж о пушках, не смогут там пройти. Да и солдаты не всякие справятся. Конница там явно не пройдёт.

Как бы не злились знатные, но поделаться ничего не смогли. Попытка поставить с трудом доставленные орудия натолкнулись на меткий пушечный обстрел со стороны господствующей на местности крепости, ядра откуда простреливали казалась каждый клочок в окрестностях. Попытка ночного штурма, предпринятая одним из отрядов добровольцев, была быстро отбита с большим уроном для них. Все подошедшие силы в бой было не бросить — слишком мало пространства. И как итог, пришлось возвращаться, потеряв впустую более двух недель, которые ушли на путь и несколько сотен убитых и искалеченных, разбившихся, заболевших и потерявшихся солдат.

В штабе начали отдавать приказы, разворачивая всё подходящие растянувшиеся войска, решив оставить небольшой заслон на месте лагеря, который легче было бы снабжать припасами. Нашли развалины старой ромейской дозорной башни, которую начали быстро восстанавливать и укреплять на новый лад, затащив наверх несколько фальконетов, пару полукулеврин и десятка пять солдат, так как больше разместить там было невозможно. Но этих сил, по задумке, вполне должно было хватить, чтобы помешать бандам сарацин пробираться на восток, к Филиппополю и дальше. А основные силы, день за днём спускались в долину и уходили на северо-восток, к более многочисленным перевалам через Гемские горы, ведущим в богатые края Приданубья вообще и к восточной резиденции султана Силистрии и древней столице болгар — Тырново, в частности. Захватив приречные и приморские города, можно было бы обойти труднодоступные части Гемских гор и выйти к Софии-Сердикe по северной дороге.

Войско поделили на четыре части, по числу основных перевалов, через которые они должны были пройти. Пятой частью был корпус Кавасила, который действовал у Шумлы, которую не мог взять и опустошал местность у Мадары, Маркианополя и Варны, как теперь называли Одессос. В захвате прибрежных поселений ему всюю помогал флот союзников, моряки которых проявляли ужасную свирепость в разграблении поселений.

Вообще слухи о добыче, которую брали Кавасил и все, кто был с ним, вызывали чувство

зависти у большинства офицеров и солдат, которым слухи о тамошней добыче застилали глаза и они забывали о том, сколько всего они уже набрали, заставляя поторапливаться. Ромеев в ходе движения ставили всегда позади, потому как, что зачастую не стеснялись озвучивать латинские и ромейские аристократы, солдаты из ромеев все из нищих и воров, а потому не смогут удержаться от грабежей, и потому грабили всех идущие впереди савойцы, генуэзцы и прочие, накапливая количество телег с добром в обозе.

Сицилийская турма двинулась как и все, на северо-восток, следуя к Вырбишскому перевалу. Через восемь дней пути часть войска, в которое входила Критская турма Стефана Алусиана повернула к Казанлыку, стерегущему путь через Шипкинский перевал Гемских гор на Тырново. Вторая часть свернула ещё через четыре дня на Твердицу, что вела к городу Елена, что собой закупорила второй проход к Тырново. Сицилийцы с частью савойцев ещё через пару дней повернули к Вырбишскому ущелью. Остальные войска, помимо тех, кто остался охранять захваченную провинцию и собирать пополнения и припасы, двинулись к Ришскому перевалу, следуя на «помощь» Кавасилу, чтобы разобраться с Шуменом и двинуться к Данубе.

Вперед, вперед, вперед... Переходы продолжались с утра до вечера, с небольшими перерывами на еду и сон. Всё в пыли — толстый слой на одежде, пыль на зубах, в ушах, проникая под одежду и смешиваясь с потом, нарастала слои грязи на теле. Телеги не выдерживали, разваливаясь. Припасы не успевали доставляться, из-за чего участились случаи грабежа простого населения, у которых всё отнималось силой, отчего чувство, что их пришли освободить, сменялось чувством, что просто поменялись госопда. У солдат накапливалась усталость. Лемк чувствовал, будто его ноги превратились в два полена, которые постоянно болели. И если ему было легче, так как у него был конь, на которого он иногда пересаживался, то что чувствовали остальные, Теодор даже не хотел представлять. Тут он понял, что хоть горы и выглядят красиво, особенно когда они поднялись на хребет, который почти на милю возвышался над оставшейся позади долиной, но вот постоянно то пониматься вверх на несколько стадий, то спускаться вниз — это было очень выматывающе. Неплохо выглядели лишь старые солдаты да войнуки, которым такие переходы по неровному рельефу были вполне привычны. Причём войнуки и все вещи свои несли на себе, так как телег у них не было. Именно стремлением быть не хуже своих новых стрелков было то, что Теодор не весь путь проделал на коне. Хотя и на коне он успевал натереть ноги так, что уж и не знал что делать.

Идя по горам, на войско участились случаи нападения. Здесь издавна были расположены отряды дербентчи, главной задачей которых была охрана дорог и перевалов. Первоначально разбитые на полусотни, возглавляемые своим байрам-агой, они делились на тех, кто отдыхал, и кто патрулировал дороги, сменяя друг друга. К ним ушло немало конных воинов из тех, кто вырвался из битвы у Эвроса, ушедших в горы кочевников, добровольцев-бешли, а также исмаилитских разбойников зейбеков. Так что оказалось, что тут в Гемах образовалось целое войско, которое успешно скрывалось. Не чувствуя в себе сил, чтобы напасть на корпуса ромейско-савойских войск, они устраивали налёты на селения, в которых войско набирало провизию, нападали на отставшие обозы и даже отдельные малочисленные отряды.

Вновь участились случаи дезертирства. Часть солдат отставала на марше, отойдя присесть по нужде и уже могли не вернуться. Некоторые из них были убиты или зейбеками, или местными жителями, образовывали свои собственные банды, или попадались патрулям,

которые гнали их обратно в войско, или же были повешены. Теодору тоже пришлось участвовать в этой тяжкой процедуре, так как один из его солдат, молодой понтиец, которого им прислали в качестве пополнения, решил передумать и сбежать от армейских тягот. Этот юноша плакал, вставал на колени, обещал, что больше так не будет делать, что это в последний раз, когда он вообще ослушался приказа. Но приказ Моленара был прост — вздёрнуть на первом же суку.

Уже после, вечером, когда он сидел у костра, копаясь в себе, кляня себя за то, что не смог никак возразить Моленару на его приказ и сейчас бы один из его солдат, пусть и не самый лучший, остался бы жив, к нему обратился один из войнуков — Бойчо Коев:

— Не переживай так, лагатор, ты всё сделал верно. Если позволить воинам разбежаться, то никого не останется. Даже самые сильные духом придут в уныние, когда рядом с ними не останется товарищей. Потому лучше казнить одного оступившегося, но подавить сомнения в остальных.

Остальные, евские, кашеварящие и сидевшие согласно закивали. Из болгар он выделял уже ряд бойцов, которые ему во всём помогали: Бойчо Коев, Михаил Стойчев, Иван Недялко, Нено Йотов, Арнауд, Вылко, Младен Милушев, Ангел, Деян Бежански, Корст (или вернее Кръст) и другие. Были и другие, с которыми у него не получалось общения, в глазах которых он читал: «Ничего, будет и наше время, и тогда мы тебе всё припомним». Янчо Златев, Първан, Ганчо Михов, Райко Цеков, Кубяк, Камиль, Чуботя — хорошие бойцы, но они вызывали какое-то опасение. Хотя никаких нареканий по исполнению приказов они не вызывали. Но у костра, который из-за плотности расположения и по тёплому времени года, зачастую разжигался всего один, все располагались отдельно — пару групп войнуков, отдельно городские ромеи, отдельно греки, итальянцы, испанцы и прочие.

И так день за днём, пробираясь по тропкам, подвергаясь нападениям время от времени конных банд, не видя горизонта из-за зарослей шиповника, скального дуба, миндаля, кипариса, непроходимых порой зарослей держи-дерева. Пройти удавалось зачастую за день не слишком много, порой даже всего нескольких миль, так как постоянно приходилось двигаться со скоростью обозов где что-нибудь так и норовило сломаться.

Однажды удалось зажать одну крупную конную банду в сотню голов. Это произошло потому, что, когда они на одной из небольших полянок устроили нападение на отдыхающих солдат, повернули назад, но оказалось, что на встречу по дороге, по которой должны были видимо отступить, шёл отряд савойской кавалерии, сходу их атаковавший. Скрываясь от них, они скрылись в одном из ущелий, где смогла отбиться от савойцев. Подошедшая пехота, вскарабкавшись по склонам, начала обстреливать их сверху. Отчаявшись, сарацины попытались в последнем рывке прорваться через строй, но висли на пиках, были изрублены, расстреляны выстрелами в упор. Спустившись вместе с другими вниз, чтобы найти уцелевших и скрывшихся исмаилитов, Лемк увидел, что практически всё дно ущелья было заполнено старыми человеческими костяками, проглядывающими через природный мусор. Кости лежали слоями. Было видно, что они не как под Харменли, лежат уже давно. Даже не десятки — сотни лет. Что тут случилось в древности, было той ещё загадкой. Но найденная под подошвой медная монетка — фоллис, покрывшаяся слоем патины, навела на мысли, что тут покоятся ромеи, или те, с кем они сражались. Но проблем было столько, что на это место никто и не обратил внимание. Мало ли вокруг всякого разного? В этих местах развалины стоят на развалинах, которые стоят на костях ещё со времен фракийских царей и древних эллинов, которые жили тут ещё появления мессии. Потому, добив раненых врагов и

оставив их тела поверх старых костей, похоронив своих, собрав то, что можно было собрать, солдаты двинулись дальше, держа путь на Хезарград, где предполагалось отдохнуть.

— Если бы я знал, что солдатская доля — это не красивая одежда, сытная еда, доступные женщины, а вот эти переходы, пыль и осточертевший мушкет, то лучше б остался дома. — говорил оливриец Никифор, когда однажды, уже после преодоления перевала Лемк нашёл в себе силы найти своих товарищей по старому полулоху. — Там сейчас, когда всех повыметали в армию, рук наверное не хватает... А тут — ты как раб, таскай из огня каштаны для этих господ! Мы встречаем сабли сарацин, а всё что мы добываем в городах и селениях достаётся нобилям! Даже самые затрапезные конники за последние пару месяцев вон как приоделись — бархат, парча, шёлк... Тьфу! — сплюнул он. — Это я уже не говорю о том, что собрались восстанавливать старые порядки. Слышали уже?

— Ты о чём? О прониях? — лениво спросил в ответ Мармарец, выскребывающий деревянной ложкой миску от остатков пшеничной каши.

— Да, о них! Нет, вы видели что делается?! Советники базилевса вновь хотят взяться за старое!

— Тебя что конкретно не устраивает?

— Да то, что крестьян вот опять возвращают в состояние париков, а этих хлыщей, которые ни дня не работали, а только и делают что на конях скачут то туда, то сюда, а чаще всего убегая от сарацин, которых мы встречаем пулями и остриями пик, спасая их нарядные задницы, делают прониарами и дают им землю с этими самыми париками! Они получают деньги за просто так, и лишь по зову императора являйся на временную службу... С чего такая несправедливость?! Чем они лучше? Я видел, как многие из них чуть ли не побирались, воровали, ничем не отличаясь от прочих, а тут такое им счастье! Да и вон сколько прибыло всяких мерзавцев, которые в тяжёлое время убежали, а теперь на сладенькое потянулись назад... И всё за то, что вроде бы как они могут назвать более десятка своих предков!

Никифор чуть ли не брызгал слюной. Недалеко прошли пару венецианцев (которых всегда было легко различить по их золоченым поясам с сумкой), что вечно отирались при штабе, сопровождаемые несколькими закутанными в плащи охранниками, подозрительно зыркающими на всё.

— Заткнись ты уже, думай, что и когда говорить! Услышит кто из этих нобилей, расскажет кому надо и будешь потом болтаться, высунув язык на очередном дубе.

Месал, выдавший эту тираду, дальше вернулся в игре в кости с друзьями. А Теодору запали слова Никифора. Когда в прошлом существовали пронии, то они выдавались за военную службу, так как денег платить постоянное жалование для конницы не было, а таким образом можно было выбирать — собрать с проний деньги на войну, или призвать в войско. Но закончилось всё тем, что прониары крайне неохотно что ходили на войну, что отдавали деньги. А ещё — стремились передать свои земли, с которых собирали налог, своим детям. И попытка посадить на эти земли новых людей за действительную службу не раз заканчивалась восстаниями. Когда пришли сарацины, многие прониары и их потомки разбежались кто куда. Многие переходили к сарацинам, другие, бежали на службу к марковцам, составляя их знаменитые страдиотские части. На взгляд Теодора было странно восстанавливать то, с чем было столько проблем, что аж по прошествии двух веков люди помнили о пронориях, как о недисциплинированных и своевольных воинах.

А надежда на то, что сейчас всё изменится была слабая. Если бы у людей была

возможность получать деньги и изредка riskовать жизнью, то они бы стремились свести риск к минимуму, совсем со временем перестав являться на службу, что и происходило в прошлом. Да и за последние десятилетия, как увидел Лемк, произошло уже немало коренных изменений. Конница уже не господствовала безраздельно на поле боя. Пехота, которая уже тысячу лет как потеряла свои позиции, вновь возвращала своё значение. Да, в битве при Эвросе конница, особенно сарацинская, показала, что их рано сбрасывать со счетов. Но весь бой вытянула пехота — несокрушимые терции не дали себя опрокинуть ни вражеской пехоте, ни тяжёлой кавалерии, не дрогнув даже когда весь фланг войска был сокрушён, дав время нанести удар савойской коннице. Конница — это молот, но молот без наковальни в виде пехоты, являющейся основой войска, не многое сможет сделать. Нечто похожее было сказано как раз у Маврикия. Формула его битвы — жёсткий, несокрушимый пехотный центр, подвижные конные фланги, и множество тактических хитростей у стратега, которыми можно было бы сокрушить даже более могущественные армии. Что он не раз и осуществлял.

Сзади раздался топот пары сапог, а потом раздался скрипучий голос Натана Моленара:

— Декарх Лемк! Вы почему сидите здесь, у этого костра, когда порученные вам солдаты находятся совершенно в другом месте, и я так понимаю, что в данный момент предоставлены сами себе. Вам было недостаточно прошлого случая?

Лемк поморщился. Не так давно болгары подрались с калабрийцами, и слава богу, что всё обошлось без крови, иначе бы не удалось обойтись без жёсткого наказания, ограничившись лишь тем, что Лемк пообещал лучше присматривать за стрелками. Конечно, это стало постоянной темой, которой его теперь доставал Моленар, которому было в удовольствие найти какую-нибудь мелочь, которой можно его попрекать.

— Вредная сволочь, — когда Моленар отошёл, высказался Теодор. — Но действительно, пора идти.

— Посиди ещё немного. Я не рассказывал ещё тебе, что мы услышали в очередной раз, находясь в охране.

— Опять какие-нибудь байки, кто кого и как грабил?

— Не, я не о том. Мы опять охраняли штабные палатки и было довольно хорошо слышно, что творится внутри, так как кричали там порой довольно громко. В общем, если не расписывать всё, то савойцы Карла Эммануила и ромеи с Петром Гаридом спорили по поводу земель, которые уже взяты. Савойцы требовали, чтобы ромеи признали часть присоединённых городов их собственностью, а ромеи говорили, что савойцы явились на войну по приглашению Грдана, вот пусть и валят к нему. Конечно, это было сказано не такими словами, немного витиевато, но думаю, что в передаче смысла я не ошибся.

— А что требовали савойцы?

— Все города, где стоят их гарнизоны, и всю территорию от Энеза и дальше по правому берегу Эвроса и далее, которую удастся захватить.

— Это что — Македония, Фессалия, Эпир, Ахея, Морея?

— Ага, как-то так! — улыбнулся Месал.

— Ну губа не дура.

— Хартуларий тоже посмеялся, сказав, что это исконно ромейская территория, которую ещё следует отвоевать обратно, и у него нет никакой уверенности, что у савойцев хватит сил это сделать. Ты бы слышал, как они после этих слов начали ругаться! Половину вечера ругались, пока хартуларий не сказал, что у него нет полномочий что-либо подписывать и он

все предложения передаст императору. А этот Карл Эммануил говорил, что ещё его предок, какой-то там Амадей Зелёный отбивал у сарацин для ромеев земли, которые ромеи передавали без боя обратно и он не хочет больше повторения подобного.

— Это что, они хотят, чтобы у империи оставалась лишь Фракия и Парастрион?

(Парастрион (схоже с Мёзия) — земли между Данубой и Гемскими горами)

— Ага, и Парастрион ещё толком и не взят. И мы, хоть и убили старшего султанского сыночка силистрийцев, не видели ещё основные исмаилитские армии.

— Если всё так и продолжится, то мы очистим все земли до Унгарии от исмаилитской заразы! — воскликнул кто-то из темноты за костром.

— Посмотрим...

— Кстати, видели, что накануне присоединившийся обоз привёз? Латинские купцы привезли кучу петриналей. Представляете? Петриналей! Ружьё, стреляющее каменными пулями! Да уж лучше бы они арбалеты привезли. Скупают всякий хлам, которым никто не пользуется и везут сюда, продавая втридорога, по цене современных мушкетов нашим сволочным комитам, с которыми наверняка делят прибыль! А ещё там были несколько осадных пушек. Эти... Подскажите, как их... Эй, Николай, подскази, ты же тоже слышал название! Шарфницы... Нет, шарфмецы! Точно! Доставили, говорят, из Штирии какой-то. Я тут разговорился с охраной обоза, так те пушки хоть и огромные, да им уже сто лет в обед! Да я серьёзно!

— Ну пока Бог на нашей стороне, мы громим врагов и победа скоро будет за нами.

— Если мы будем воевать как в древности, то вряд ли мы сможем победить!

— Да в древности было много хорошего! — начал горячиться Лемк.

— И поэтому государство развалилось!

— Оно развалилось из-за того, что дуксы, прониаты и табуллари-нотариусы слишком многого хотели, ничего не давая взамен государству!

В их компании не раз случались такие стычки по поводу прошлого, потому никто уже и не обращал внимания на поджатые губы собеседника, тела, наклонённые вперёд и повышенный тон голосов. Пospорили ещё какое-то время, пока уставший спорить Месал не махнул рукой и подсев поближе к Теодору зашептал на ухо:

— Мы тут, пока тебя нет, тоже ведём разговоры. Осторожно, конечно же. И есть одна компания из наших, городских, которые разделяют похожие мысли с нами, по поводу судьбы Города и того, что было бы здорово восстановить его могущество. И там подобрались не просто всякий сброд, а уже те, кто как и мы, чуть-чуть приподнялся или даже стоят уже и повыше. Им не нравится засилье иностранцев на командных постах. То, что зависим от бывших собственных провинций — им как нож в горле. Так вот, они приглашают на встречи, предлагают держаться вместе.

— А ты чего?

— Я пока осторожничаю, ничего толком не отвечаю. Но это люди полезные. Я думаю, что если держаться их, то мы сможем обеспечить себе неплохое будущее.

— Ох, Месал, как бы это не было какой-нибудь подставой.

— Я поделился мыслями с нашими. Они вообще не против рискнуть, если что...

— Что? Вы думаете о... О перевороте? — Теодор испуганно оглянулся, не подслушивает ли их кто.

— Нет-нет, ты что? Пока ни о чём таком. Да и кто мы такие, чтобы о перевороте думать? Просто если вдруг нужна будет помощь от нас силой, то мы готовы помочь им.

— Я, конечно, всегда за вас, но не кажется ли тебе, что сейчас у нас слишком много проблем? Мы ведём войну. И думать о том, чтобы вести какие-то сейчас интриги — это как-то слишком...

— А когда ещё искать нам ещё друзей, как не сейчас? Война — всякую тварь видно, видно кто на что способен. Кто трус, а кто подобен героям прошлого. И ты сам говорил — даже великие императоры прошлого далеко не всегда рождались в императорской семье...

— Стой, хватит пока этих разговоров. Не время и не место. Мне пора идти к стрелкам.

Этот разговор запал Теодору. Он стал внимательнее смотреть на офицеров, гадая, в каких группах по интересу они состоят, кто кого поддерживает. Вон, Франгаполы, уже разбогатевшие на войне, отец-комит разворовывающий поставки армии, и его сынок, уже глава конного отряда, явно претендующие на прониции, будут всячески поддерживать восстановление старых порядков в отношении крестьян и вольностей. Стефан Алусиан, что кормится от купеческих кругов, и по слухам имеющий доли в их компаниях, явно будет не против покормиться с двух рук. Многие западные дворяне, наверняка будут не прочь поменять своё прошлое нищее существование на жизнь прониата. Но вот будут ли они верны государству, если придётся столкнуться в будущем с их родными странами... Такие как Гедик — солдаты, воевавшие всю свою жизнь, явно не против проний, да и притеснять париков вряд ли будут, так как и не особо понимают в сельском деле. А вот основная масса солдат, которым в будущем обещают за службу земельные наделы, ни в какой мере не нужны эти прониаты, так как есть риск того, что им потом навяжут их на шею. И что тогда? Чем это будет отличаться от судьбы простых крестьян? Никаких гарантий, относительно того, что наделы ветеранов не попадут в прониции, что они в дальнейшем станут зависимыми париками, в недавно озвученном указе не было дано. Поэтому солдаты шептались, обменивались мнениями, считая, будто земельные наделы у них уже есть и думали, как им быть. Это сказалось не лучшим образом на общем боевом духе.

А армия продолжала своё наступление, продвигаясь через Гемские горы, порой с большим трудом протискиваясь через них, занимая перевалы и ущелья, создавая в них клисуры, укрепления, что должно было бы затруднить передвижение групп зейбеков и сарацинских налётчиков. Эти многочисленные разбойники, по слухам, смогли полностью остановить продвижение корпуса Алусиана, перехватывая обозы и устраивая засады.

В Сицилийской турме тоже были трудности. Пару раз их путь преграждали быстровозведенные паланки — деревянные укрепления, перегораживающие путь корпусу. Стоящие на возвышенностях, перегораживающие узкие горные тропы, они затормозили продвижение войска. Приходилось подтягивать пушки, разбивать в щепы не ошкуренные стволы деревьев. Сарацины, обстреливающие из-за укреплений войска, когда видели, что невозможно высидеть за укреплениями, убегали лесными и горными тропами.

Всё это отнимало время и силы. Время шло, а войско продвигалось вперёд слишком медленно. Были уже пройдены горы и перевалы, корпус спустился в предгорья и только тут получил возможность передохнуть в болгарских селениях, в которых не раз уже ограбленные сарацинами в ходе подавления прошедшего восстания и отрядами влахов в ходе войны население предоставило необходимое продовольствие и уже желанный отдых. Здесь также было много городов, без каких-либо укреплений, которые им было запрещено иметь. Самым значительным стало занятие древней болгарской столицы — Велико-Тырнова, крупного, но уже довольно полузаброшенного городка, сильно захиревшего в последние годы. Хотя по

нему было видно, что сарацинское правление в предыдущие годы принесло ему когда-то определённый успех, так как являясь центром крупной земледельческой округи, отсюда снабжались армии сарацин. Потом зарядили летние дожди, которые тоже приостановили движение, но при этом и нападения банд исмаилитов тоже стали меньше. Но несколько таких крупных банд корпусу удалось уничтожить. Всё из-за того, что обозленные местные жители, заметив места схронов, стоянок таких банд, тут же рассказывали ромеям и их союзникам о них.

Именно Велико-Тырново стало местом сбора корпусов, которые подходили постепенно, продвигаясь медленно и тяжело, пытаясь сохранить большие обозы. В принципе, всё лето было потрачено на овладение и присоединение всех близлежащих территорий, а также организацию поставок необходимых припасов через Гемские горы. И лишь после этого армия вновь медленно двинулась вперёд, двигаясь сперва от Велико-Тырнова вдоль реки Янтры, пока не вышли к Шиштову, которому тут же вернули прежнее название Новы. И здесь же впервые увидели воды великой реки. Конечно, для людей, которые выросли на берегу моря количество воды не поражало воображение, но вот увидеть то место, которое наполняло воды Понта и Пропонтиды, было любопытно всем ромеям.

Пока союзная савойско-ромейская армия выходила к подунавью, с запада доносились вести о том, что союзная армия Австрия, наконец-то вновь набранная после поражения под Керестешем, с подконтрольными отрядами граничар и унгарских ишпанов смогла заблокировать армию силистрийского султана где-то на реке Гроне, в ходе чего образовалась патовая ситуация, пока другая армия, армия румелийского султана, продиралась через многочисленные словенские крепостцы, которые до этого методично разрушала.

Ромейская армия, выйдя на территории, которые уже были довольно близки к Данубе, увидели сущую катастрофу, которая тут была устроена в пару предыдущих лет людьми Михая Храброго, восставшими болгарами, проходящими толпами кочевников, карательными сарацинскими войсками, да и просто всякими разбойничьими отрядами. Правда войск Михая тут уже не было. Полонский король Сигизмунд, пытаясь сохранить за собой и шведский престол, высадился с войском в Швеции, вступив в прямой конфликт со своим дядей, регентом Швеции, герцогом Карлом Сёдерманландским, но потерпев поражение, пришлось бежать обратно, потеряв после устроенной Карлом «Линчепингской кровавой бани» своих главных сторонников и пытаясь поправить свои дела, он всё больше закрывал глаза на то, что творится в Молдавии и Валахии, где польские магнаты вступили в противостояние с силами Михая Храброго, которому пришлось прекратить боевые действия против исмаилитов и переключиться на борьбу с магнатами. Да и у валахов Михая не было никаких целей на завоевание сарацинских городов. Главной целью Михая было усидеть на двух тронах, а также посматривал в сторону Семиградья. А постоянные жестокие набеги его людей через Данубу, не делавших разницу на то, кого грабить — исмаилитов или ортодоксов — на что-то ведь надо было вести войны и содержать людей? И сарацины потом ещё долго будут восстанавливать свои территории, оправляясь от нанесённых ударов и дважды подумают, а стоит ли вновь пытаться подчинить его, Михая, владыку многих территорий и главу многих и достойных людей. Да и оправятся ли сарацины после этой войны?

Для Теодора это было спокойное время. Он бы, наверное, даже сказал что скучное, если в армии можно было скучать. Тогда всё же — однообразное. Он занимался со скьявоной, стоял в охране лагеря, изредка выбирался в конвоирование различных караванов со своими стрелками. Ни битв, ни серьёзных стычек, ни осад, ни штурмов. Войнуков не

допускали к основному развлечению — грабежу сарацинских поместий, на которые рассылались по округе отряды латинян.

— Когда солдат стреляет пулей железной или оловянной, залитой в сало, жеванной, или рубленной, или разрезанной на четыре части, то ему не должно даваться никакой пощады, если только он не воеет с врагами истинными — сарацинами и теми, кто на их стороне. А также те, кто стреляет железными четырехугольными, квадратными или иными картечинами, либо пулями с зазубринами, или носят волнистые шпаги, — повинны в смерти, рассказывал Лемк на досуге болгарам основы внутренней жизни войска, которые сам успел узнать не так уж давно.

— ... Далее вам следует вправить фитиль в отверстие курка, не слишком вытягивая его вперед,

иначе он не попадет на полку, а также не слишком — назад, а то он может потухнуть. Всаживать фитиль надо не слишком плотно, ибо по мере сгорания его опять приходится вытягивать, видите, но и не слишком свободно, а то он легко мог проскользнуть сквозь зажим курка и потухнуть. — Рассказывал он нескольким новеньким грекам, которые проживали в этих краях и решили присоединиться к войску. Но вот которые обращаться со стрелковым оружием вовсе не умели. Он демонстрировал им тут же всё то, о чем говорил. — В то же время вам следует следить о том, чтобы горящие концы фитиля или искры от него не попали в открытую пороховницу или на платье. Наверняка вы обратили внимание уже на то, что у многих из тех, кто сражается с аркебузой или мушкетом, есть подпалины на платье — это следы их небрежения. Это не беда, но за это следует наказывать, дабы впредь солдат не совершил более серьезного проступка.

— ...сходясь лицом к лицу с сарацином, помни, что он не благороден, что честь ему не знакома, а потому следует с ним поступать так же, как и он с тобой. А именно — не возбраняется нападать вдвоём-втроём на одного, потому как во владении холодным оружием они большие мастаки и всегда стремятся перевести бой дальний, стрелковый, в бой ближний. В бою накоротке, если ты столкнулся с ним один на один, то следует держать его подальше, делая быстрые и короткие выпады своим оружием, пока не подоспеет помощь. Когда враг отвлекся на твоих товарищей, бей так, чтобы убить сразу или чтобы он не смог продолжать биться. Вы это сможете сделать, так как порой их ятаганы длиной всего в фут, два с небольшим. Тогда как у вас у многих клинки под три фута и даже более.

Одним днём в середине лета Теодор прогуливался по лагерю, пытаясь себя чем-нибудь занять. Вторая половина дня, все дела сделаны. Можно сесть и поесть, но Корст, который сегодня был на готовке, только поставил котёл с водой на огонь, так что времени было немало. Никто не знал, когда подойдут все корпуса, чтобы выдвинуться к следующей цели, поэтому солдаты по большей частью были предоставлены сами себе.

Не сказать чтобы это было плохо — уставшие после долгого и тяжелого перехода люди нуждались в отдыхе. Но всё имеет свои границы — отдохнув и приведя себя в порядок, многие начали слоняться от безделья, заводить ссоры и вступать в стычки.

Вот и сейчас он заметил, как пара солдат на итальянском языке высмеивали третьего. Причиной того, что они нашли в его внешности, что их зацепило, стала надетая на нём чёрная юбка с множеством складок, доходящая до середины бедер.

— Интересно, а усы у него не приклеенные? А то может это на самом деле не он, а она? — ухмылялся один, посматривая на объект своих насмешек, который пока явно ничего не понимал, посматривая на них немного растерянно. Этот довольно высокий, плечистый мужчина с длинными усами и выбритым подбородком оглядывался, ища кого-то среди проходящих людей, придерживая рукой длинную саблю. Возможно что он не уходил, считая, что так он сбежит от этих двоих.

— Ну какой это мужчина? Вон и волосы какие длинные — наверняка это девушка! Эй, красавица, а может задерёшь уже юбку, чтобы мы убедились кто ты — девка ты или всё же парень?

— Слушай, друг, ты их понимаешь? — обратился высокий парень в чёрной юбке к Лемку, который остановился у группы солдат, которая стала накапливаться, чтобы послушать и посмотреть на представление.

— Ты не подскажешь, чего это они смеются? Они же надо мной?

— Чего бы не подсказать? Им твоя юбка понравилась.

— Юбка? Это не юбка! Это фустанелла! Одежда воинов! А ты им переведи, будь другом — я же вижу, что ты нормальный ромей, что я могу им принести пару сарафанов, им они будут к лицу так, что ни один настоящий мужчина не пройдёт мимо не сделав комплимента! Им явно понравится!

Лемк тут же перевёл, что вызвало немедленную реакцию в виде хватания за ножи и дело немного не дошло до крови, благо было много людей, которые растащили обидчиков в разные стороны.

— Спасибо, ты спас мою честь! Считаю меня своим должником! А мы, сулиоты, никогда не бросаемся словами на ветер. Наш отряд входит в турму Алусиана. Спроси там Федоса Зарбаса — и тебе всякий отведёт ко мне! Приходи сегодня, мы с друзьями сегодня откроем бочонок вранаца и приготовим козлёнка.

— Договорились, от такого грех отказаться.

Вечером, оставив вместо себя Вылко, чтобы присматривал за порядком, Лемк двинулся в гости.

Сулиот, как он себя назвал, не обманул. Когда Теодор с парой друзей нашел ту часть лагеря, где располагались сулиоты, то при имени их товарища без расспросов отвели их к

большому костру, где уже находилось немало человек.

На удивление, тут были не только сулиоты, одетые в эти свои юбочки-фустинеллы, но и парочка аромунов, несколько знакомых декархов Лемку декархов из разных друнгарий и гораздо большее количество незнакомых. Более того — были тут даже кентархи. Но всё же из группы в несколько десятков человек большинство было незнакомо, что и неудивительно. Сейчас, не увешанные оружием и элементами доспехов, без шапок и и шлемов, раскрасневшихся от вина и жара костра, даже знакомых было

Теодор даже засомневался, а туда ли его проводили и не ошиблись ли провожающие. Но нет, от костра поднялся Федос и утерев свои шикарные усы от вина, воскликнул:

— А вот ещё гости из Сицилийской турмы! Проходите, проходите! Народ, кто не в курсе — это протодекарх Теодор Лемк и его друзья... Как вас? Декарх Сидир и Юхим, да. А Теодор это тот, кто при осаде Родосто ходил в ночной рейд против юрюков и поставил там трофей, как когда-то ставили наши предки.

Теодор удивленно переглянулся с друзьями — об этом кто-то ещё помнит. И видимо они тут оказались не совсем случайно. Кто-то поднял свои кружки с вином, кто-то крикнул что-то одобрителное. Им вручили по глиняной кружке с вином, деревянную тарелку с козлиными ребрышками, приправленными травами и они присоединились. Вино было не кислым, а мясо таяло во рту и постоянно подносили горячее, так что мысль уйти побыстрее не возникла.

На них, в принципе, никто более и не обратил внимания, так как все были захвачены разговором. Разговор в тот вечер шел обо всём и ни о чём конкретном. Обсуждали войну, которая для большинства из них была первая. Жалели, что с армией нет императора, которому бы тут перечить никто не смог и их перестали бы третировать, выдавая самые сложные задания и обделяя добычей.

Да и если бы василевс-автократор был здесь, он бы прекратил свары между знатью союзных войск, что явно бы пошло на пользу общему делу. Кто-то упоминал введение новых старых законов, но тут все предпочли промолчать, лишь осторожно высказавшись, что некоторые из старых законов действительно неплохи, но отнюдь не все.

На этом моменте начали постепенно расходиться по своим частям. Лишь часть уже неплохо набравшихся декархов продолжила заливаться вином, за которым сходили ещё. Тео с друзьями тоже поспешил откланяться, слушая как бахвалятся эти пьяные солдаты о своих подвигах. Послушать их, так они и в одиночку смогут за конец бороды султана схватить и привести в качестве подарка во Влахерны.

Федос вышел проводить их:

— Не обращайтесь внимания. Здесь собираются разные люди, но все мы объединены общим делом — служим нашему государству и намерены сделать его великим каким оно и было ранее. И надеюсь, что и вы разделяете наши мысли. Только просьба есть небольшая... Так как тут мы собираемся друзьями и лишних людей у нас не бывает и обсуждаем мы различные проблемы, мне бы хотелось, чтобы это всё и продолжало оставаться в нашем кругу.

Если тут собираются офицеры-ромеи, то в будущем это могло стать хорошим толчком для занятия хороших должностей. А значит этого сулиота надо было держаться. А если тут собираются заговорщики? Ведь было немало случаев, когда в разных армейских товариществах начинались мятежи. А вот связаться с ними было уже не такой хорошей перспективой.

— Мы очень рады, что такие знатные воины решили включить нас в число своих друзей и вы можете на нас положиться во всех вопросах, которые ведут к величию и процветанию Империи! — первым ответил Мардаит. На этом они и расстались — трое друзей в лагерь, а Федос к костру, организовать растаскивание пьяных младших офицеров по своим палаткам.

— Ты где так научился гладко разговоры разговаривать?

— Общался с разными людьми. — подмигнул Мардаит.

Но выбор Сидира был понятен. В армии надо держаться некоей своей группы, которая разделяет общие с тобой идеи. Это те люди, с которыми ты пойдешь в бой и будешь уверен в том, что никто из них в горячке боя не вонзит тебе клинок в спину. Это те люди, с которыми ты поделишь и радость победы и горечь поражения. И гораздо лучше, когда таких людей будет как можно больше — иначе те из знати и всякого сброда, которые выбились в командиры будут ставить тебя и твоих малочисленных друзей на самые грязные работы, отправлять в бой в самое пекло. Хотя в армии везде так или иначе рискуешь своей шкурой, но и здесь находятся места, где бы хотел оказаться в самую последнюю очередь.

А если эти люди ещё и жили, воспитывались с тобой в похожих условиях, то за них надо держаться. Так или иначе любое сословие ромеев в Городе было проникнуто духом Восстановления. Это сказочное Восстановление рано или поздно должно будет случиться. С детства бродя по улицам древнего города, бывшей столице могущественнейшего государства, полуразрушенных временем и людьми, что в качестве орудия истории оставляли свой след, Теодор представлял, как всё это всё могло выглядеть в период своего расцвета и у него захватывало дух. Он бесконечных набережных, от широких улиц, от многолюдья улиц, которые со временем превратились в пустыри. От величия древних храмов, где яркие росписи, посвященных жизни Мессии, были расписаны так, что невозможно было оторваться от такой красоты. От многочисленных памятников императорам и героям прошлого, что вели государство через бури к величию. От богатства дворцов, в которых заседали мудрые мужи, придумывающих механизмы, какие можно только в сказках встретить. От мощи армий, что держали в страхе всех соседей и которые предпочитали всегда дружить, посылая богатые подарки и дань. У него захватывало дыхание, когда он узнавал, что многие выдающиеся люди, прославившиеся в веках рождались в лачугах, но своею храбростью и смекалкой построили себе лестницу в высшие слои общества. Слушая предания о войнах и величии прошлого, которые им, мальчикам, живущим на улицах, порой рассказывали старики, и уже потом, в стенах церкви, став трудником, им читали монахи тяжеленные фолианты о житиях святых, что несли Слово диким народам или помогали василевсам против армий чужеземцев, что со своими нечестивыми колдунами-шаманами приходили осквернять родные земли они представляли себя там, во главе непобедимых солдат императора, сокрушающих и повергающих врагов и приводящие к покорности множество народностей, чтобы больше не было войн, и все жили мирно, торговали, возводили новые города. В дальнейшем, почитав некоторые книги, он познакомился и с тем, что в империи постоянно происходили мятежи, восстания крестьян и завоеванных народов, обложенных непосильными налогами. Что тот, кто становился императором часто совершал несправедливейшие вещи, а герои порой совершали жесточайшие поступки, которым было невозможно придумать оправдания. Но вот эта детская мечта, вера в идеал жила у Теодора Лемка, воспитанника церкви ..... который немало времени провел на улицах, дрался с другими беспризорниками и взрослыми бандитами, порой воровал, тяжело трудился, учился читать и считать и немного успел поработать в скриптории, прикоснувшись к мыслям и

воспоминаниям людей прошлого. И там, в скриптории, он нашел такие книги, о которых забыли за давностью лет. Например, такой книгой, которая стала для него воплощением его мечты о том, какой должен быть настоящий воин и мессиянин, стал затёртый манускрипт о Жане II ле Менгре, знатнейшем человеке, маршале Франции. В ней благородный герой совершал множество подвигов, участвуя во всевозможнейших войнах, часть из которых он провёл против сарацин, сражаясь против них на суше и на море. Ле Менгр был тем человеком, который пытался объединить разрозненные силы мессиян, ведущих между собой бесконечные свары и грызущихся точно дворовые псы по любому поводу, против сил наступающих сарацин, поглощающих земли ромеев. Да, у него ничего в итоге не получилось, но возможно его борьба, борьба его сторонников смогла создать условия, при которых ромеи сейчас, спустя множество лет получили шанс на Восстановление. Что вновь появится мудрый император, который поведёт армии к победе, а народ к процветанию и богатству. И тогда и родилась мечта конкретная места простого парня: вступить в армию, поучаствовать, если будет суждено, в сокрушении ненавистных сарацин, а потом, став героем, получить хорошую должность, при которой можно было бы безбедно существовать, помогая в меру сил в мирной жизни восстанавливать былое величие — соблюдая законы отлавливать воров, грабителей, пресекать заговоры знати, из-за которых Империя и оказалась на краю гибели.

Лемк встряхнул головой, прогоняя нагрянувшие воспоминания.

— Юх, что там слышно о том когда мы выдвигаемся дальше?

— Тишина пока. Все ждут пока подойдёт ланциарная турма, которая отстаёт, и припасы ещё подвезут.

— Ох, демоны вас заберите... — чертыхнулся Мардаит, споткнувшись о плохо видимую в темноте растяжку палатки. — А что, без этих, ланциариев, мы не справимся?

Он плохо относился к тем, кого пришлось силой принуждать к вступлению в армию.

— А ты что, сам собираешься копать апроши у Силистрии? Говорят, что там исмаилиты неплохо потрудились над своими укреплениями, не чета другим. Через них даже Михай не смог перебраться со своими головорезами, уж на что о них слава идёт...

— Не-не, спасибо, мне хватило и Родосто с Адрианополем! А вот припасы... вы заметили, что несмотря на то, что мы вроде как побеждаем и присоединяем всё новые земли, питание у нас не улучшается?

Юхим и Теодор задумались, припоминая, сколько они получили провизии. Слава Богу, что помимо того, что им выдавалось, и у Лемка с войнуками, и у его друзей в прежней кентархии были способы добыть себе провизии. Лемк иногда закрывал глаза на то, как появляются у костра упитанный барашек или бычок. Правда были порой и вполне обычно подстреленные кабанчики с косулями, но так было не часто, так как их редко куда выпускали и армия со страшной силой вытягивала всё съестное со всей округи, в том числе отпугивая дикую живность.

— Это наверное всё из-за того, что весна... Подъели-то всё за зиму, а новое пока ещё вырастет. Да и что, ты не видел, сколько пустых селений по дороге стоит, а сколько ещё сожжено. А те, что целые, так там и взять-то нечего.

— А вполне может быть, что это ещё из-за того, что из приданубских княжеств не идут припасы. Раньше ведь они хочешь не хочешь везли всё сарацинам, а теперь из-за восстания мало того что не везут, так ещё и спалили и награбили всякого добра немало. Ди и присоединяя земли, мы их берём не пустыми, а с городами, жителями, которые тоже хотят есть. А анатолийцы, кстати, запретили вывоз пшеницы. Вот нам и урезают пайку. Хотя,

заметил что у савойцев проблем с этим нет...

— Союзнички...

Слухи о том, что на все земли, которые успели отбить ромеи и союзники, хотят наложить лапу савойцы, уже прочно ходил среди ромейских солдат и не было таких, кто был бы этому рад. Мало того, что венецианцы с прочими всю самую ценную добычу себе заграбастывают, так они ещё и на земли теперь замахнулись! Ранее хоть бродила надежда на то, что отдав им основные богатства, можно расплатиться по долгам, которые как утверждают слухи, были весьма не малы, так теперь даже в случае окончания войны Город мог остаться в нынешних жалких границах, никак не компенсировав все потери последних времён. А ведь за счёт этих земель они могли, после окончания контракта, все поправить своё материальное положение. И даже то, что василевс взялся восстанавливать старую знать, вводя старые законы, пока ещё не могло изменить взглядов людей. Ведь василевс, это василевс! Он знает, что делает.

Совершив очередной поворот и проходя через очередные палатки солдат, они были остановлены криками:

— Ээй, это ведь тот ублюдок! Это ты с той сволочью в юбке нас высмеяли сегодня?

— Выбирай выражения, шелудивый! — вернул в ответ Теодор.

— Слушай, ты... Если не хотите, чтобы вас нашли с вскрытой глоткой, передайте той гниде — мы вас ждём за лагерем, у Острого камня после ночной смены караулов, разберёмся, кто из нас тут настоящие мужчины!

— А ты не боишься, что я сейчас пойду к вашему старшему и вас как зачинщиков драки отправят чистить выгребные ямы?

— Им нечего бояться, — из темноты донесся знакомый голос, который бы лучше никогда не слышать — они защищали свою честь, когда бешеные сулиот и ромей начали приставать к достойным людям.

На свет вышел Анджело, будь он неладен, Кальколло. Даже в свете костров он выглядел гораздо лучше подтягивающихся за ним бойцов. Фетровая шляпа с пером, разрезной дублет, камзол с ниспадающими рукавами и оплечьем, свободные штаны и чулки, кушак с заткнутым пистолетом.

— Давно не виделись, ромеи. Как поживаете? Всё ли хорошо? Слышал, что кто-то про меня стихи всякие сочиняет... Может это вы? Не хотите ли сейчас их вслух почитать?

Его люди начали обходить трёх друзей, а Теодор уже подумывал, не закричать ли, призывая стражу, потому как говорить с Анджело было ему не о чем, он, было видно настроен решительно, чтобы расквитаться с ромеями.

По счастью, среди звуков потрескивания костра послышался тяжёлый звук шагов и вот уже появляется внутренний лагерный патруль, присматривающий за порядком. Солдаты прошли в стороне, но их командир остановил, поглядывая в сторону намечающейся заварушки. Анджело тоже это заметил и отступил на пару шагов. За драки и поножовщину внутри лагеря легко было получить тяжёлое наказание, вплоть до казни. Заядлых бузотёров тут предпочитали вешать.

— Ну так что, ромеи, увидимся ещё?

Юхим, Сидир и Теодор переглянулись:

— И что, мы втроём и вас толпа?

— Ну не думайте о нас плохо... — улыбнулся Анджело. — Пусть будут... Хм, скажем двое оскорблённых и двое оскорбителей. И ещё по четыре человека, которые будут

свидетелями, что всё пройдёт честно.

— Оружие?

— Клинки. Мечи, шпаги, ножи — чем можете владеть, то и пусть берут.

— Защита?

— А что, ромеи ныне стали такими состоятельными что могут купить доспех? Или успели снять с трупов, как то, что на вас? — ухмыльнулся Кальколло. — Нет, обойдёмся без этого. Слишком сильно будет греметь.

Теодор молча кивнул и отступили через разошедшихся членов банды, держась настороже. Если бы сейчас патруль ушёл, то Теодор не сомневался ни капли в том, что их бы попытались насадить на ножи. Хмель выветрился. Расслабился!

— Надо рассказать Федосу. И взять большее количество людей. Не верю я ему — о нём чего только не рассказывают и честность точно не входит в этот список. — Мардаит раздувал ноздри и разминал кулаки, будто уже сейчас был готов ринуться в драку.

— Да уж, вот совсем рядом мимо смерти прошли... — Юхим смахнул пот со лба. — А может ну его, не пойдём никуда, а? Что нам там делать? Вроде как обманули Анджело, а он пусть нас ещё попробует поймать также. Уж мы будем готовы!

— Нельзя не идти. Это грозит ещё большими проблемами. А от этой сволочи надо избавляться, а то так действительно припрут толпой там где не ждёшь и когда не ждёшь и всё, крышка. Теодор, у тебя из твоих болгар есть надёжные люди?

— Думаю что нескольких можно с собой взять.

— Я тоже несколько своих контарионов возьму. И ещё наши друзья... Но, думаю, что этого всё же будет мало. И да, надо сообщить Федосу, он лицо причастное и пусть тоже будет в курсе всего.

— Я схожу. Знаю как обойти так, чтобы тут больше не попасться. — вызвался Теодор.

— Хорошо. Тогда расходимся, времени осталось немного. Тео, не забудь что-нибудь защитное поддеть. Если у тебя нет, я возьму в десятке среди тех, кто остаётся.

Федоса удалось застать ещё не отошедшим ко сну. Он сидел у костра и медленно прихлёбывал что-то из кувшина. На новости и предостережения, которые ему поведал Теодор он отреагировал спокойно. Стряхнул с плеч накинутый плащ, и наполовину вытянув из ножен свою саблю произнёс:

- “Люди будут делать одно и то же, как ты не бейся”. — А видя непонимающий взгляд Теодора, добавил. — Это цитата.

Полюбовавшись пару секунд как отблески костра играют на лезвии, он позвал кого-то из своих друзей и о чём-то с ними зашептался. Те, начали расходиться, будить товарищей, собирать оружие, но всё это без суеты и спешки.

— Ладно, я пойду. Увидимся через пару часов в овраге, что на востоке, в трёх стадиях, там где острый камень.

Сулиот кивнул и продолжил заниматься своими делами.

Теодору тоже следовало подготовиться. Сперва он пошёл к войнукам. Было среди них несколько человек, с которыми он сошёлся не просто как их командир, а вполне как их товарищ. Корст, ответственный за костёр за готовку, уже спал, но мясная похлёбка с его порцией осталась, прикрытая доской. Лемк, осторожно разбудил Младена. Тот открыл глаза сразу, только к нему прикоснулся Теодор, будто и не спал.

— Лагатор?

— Тише. Надо поговорить.

Отошли в сторону от спящих.

— Возможно ты в курсе, что у меня и моих друзей есть небольшой конфликт с группой латинян, из тех что прибыли с испанцами...

Младен молчал.

— Мы с ними уже как-то давно, ещё зимой схватывались, и тогда мы вроде как выкрутились а вот некоторые их них пострадали. А тут вот мы опять встретились и они нам назначили встречу за лагерем. Там должен произойти поединок, но вот только ни я, ни мои друзья не верим, что всё пройдет честно с их стороны.

Младен продолжал молча смотреть. Лемк заметил, что озвучивать просьбу ему было совсем не просто.

— И вот тут нужна твоя помощь, а может и ещё кого-нибудь из... из твоих товарищей. Нужно посидеть в сторонке и проследить, чтобы не было никаких неожиданностей.

— А с кем повздорили? А то мы тут тоже познакомились с кое кем...

— Кальколло и его люди. Он сейчас кентарх и почти половина кентархии из его людей. Всех он конечно не приведет, но мало ли... Мы тоже не одни пойдём, конечно, но в любом случае, это может быть опасно.

— Кальколло... Возможно это и он. До нас тут периодически цепляются всякие молодчики. И в нашем гондере... Отряде... У нас как-то под твоим командованием ещё как-то всё относительно нормально, но вот те, из нас, болгар, которые успели повоевать за сарацин, бывают серьёзные проблемы — людей доводят придирами, издевательствами. Ты из тех, кто к нам относится нормально, и потому я тебе помогу. Ну и поквитаемся со всякой франкской сволочью!

— Младен, они не франки...

— Ну, мы привыкли от сарацин, те всех на Западе порой франками называли.

— Тут я тебе приказывать не могу, но мне думается, что надо бы ещё кого-нибудь позвать.

— Это да.... — Младен зевнул. — Ох, брр... Так. Разбужу Вылко, Бойчо, Деяна Димчо... Енчо, Ивана, Добрина, Корста... Ну, ещё Йордана, тоже надёжный и о тебе хорошк отзывался, так что будет не против помочь, думаю. Остальных не советую. Не то, чтобы я в них сомневался, но мне кажется, что будет не очень хорошо, если я им предложу, а они откажутся.

Пока они будили мужчин и объясняли ситуацию, ушло ещё время. Причём — ни один не отказался поучаствовать в этом деле. Какое-то время потребовалось на то, чтобы натянуть старую кольчугу, сохраненную из добычи, сверху натянуть капанич. Нож за голенище, перехватить скьявону... Знать, что идёшь рисковать жизнью, кого-то убивать, а ни мушкета, ни даже аркебузы нет, очень было непривычно для Теодора. Аж на душе кошки заскребли. Всё-таки даже один выстрел — это практически один готовый труп врага. Но если они будут стреляться ещё с этими разбойниками, то перебудят весь лагерь, и вот тогда всем достанется так, что всё пожалеют.

За полночь, все уже спят и только патрульные время от времени проходят по лагерю, ища нарушителей. Несколько линий караульных в лагере тоже обеспечивают, казалось бы, надёжную защиту. Но если у кого-то целеустремленного в лагере всё же появилась цель, то для него нет преград. Тем более, если они сами не раз ходили в такие патрули, стояли в караулах. Там подойти, перекинуться парой слов, тут просто обойти по широкой дуге... Тихо-спокойно, не красться а быть уверенным в себе и вот ты уже и не в лагере, а вокруг

ночь и цикады стрекочут. Короткий путь и вот они, вышедшие раньше остальных, уже на месте. Но нет, к ним подходит один из сулиотов и ведёт за собой, ещё дальше, где в темноте, на выжженной сухой траве расселись бойцы. Сколько их — не видно.

— Ждём... — лаконично пояснил Федос. В темноте не видно было его лицо, но голос звучал так, будто ожидание встречи с бандитами было для него чем-то таким... предвкушающим. Болгары расположились тут же, а Лемк подсев к Федосу, попытался его шёпотом расспросить:

— Слушай, а почему вас называют “сулиотами”? Вы отдельный народ? Говорите вроде по-нашему.

— Сулиоты — это потому что из села Сули, главного нашего селения. Наши родные земли находятся далеко отсюда, когда-то там был Эпир. Когда сарацины пришли, мы не захотели покориться и ушли высоко в горы, где продолжили борьбу. Сохранив законы предков, мы смогли выстоять до этих дней. Кто мы? Греки, ромеи, албанцы — это те, кто тогда ушёл выше. А сейчас, спустя столько времени мы просто сулиоты.

— А как вы тут оказались?

— Торговцы...

— Что торговцы?

— Мы не могли бы десятилетиями вести борьбу в горах против сарацин. Какие бы мы не были храбрецы — а более умелых и храбрых воинов просто нет — трудно сражаться без пороха, нового оружия, прочих припасов. Не всегда удаётся это всё взять в селениях врага. Всё это нам помогали доставлять разные торговцы. В основном это были дубровчане, но и островитяне тоже отметились. Им было выгодно, когда у сарацины не смотрели на их земли, а пытались нас выковырять. И когда прошёл слух, что собирается войско чуть ли не со всего Нашего моря, то вместе с этими слухами прибыли и те торговцы, что помогали нам в некоторых вопросах и предложили взамен списания долгов поучаствовать в этом деле. А уж подраться с исмаилитами мы все всегда рады! — у него ещё более оживился голос. (Mare Nostrum — “наше море” — Средиземноморье)

К нам присоединилась группа Мардаита.

— Что-то холодно как-то! — поёживался Илья, утопающий в своём кафтане.

— Ха-ха, это не холодно, это тебя морозит перед делом. Но ты не переживай, может и не придётся тебе браться за оружие, — ухмыльнулся Федос, — Мы с Теодором же тут, а там если разбойников придёт больше, то они и не рискнут лезть в драку. И Теодор, если ты не против, сперва постараюсь решить это дело, хорошо?

Лемк пожал плечами. Если Федос что-то задумал, то кто он такой, чтобы ему мешать?

— Идут! — прозвучал откуда-то шёпот.

— Сколько их там?

— Видим шестерых.

— Больше никого?

— Сейчас проверим.

В свете факелов, которые принесла группа итальянцев, видно было шесть человек, среди которых Кальколло не наблюдалось. С помощью потайных фонарей Теодор, Сидир, Месал и Федос с двумя своими товарищами вышли к ним, остановившись десятке шагов.

— Ну вот мы и встретились, паскуда! — вперёд начала выходить пара из разбойников. Их противные голоса хорошо запомнились Лемку. да, это были те шутники, хоть и лиц их не было видно. — Готов отправиться в чистилище?

— Я не верю в него! — Федос сделал пару шагов вперёд и никто не успел даже ахнуть, как в свете факелов мелькнул блеск кинжала и первый из шутников не успел уклониться, как он вонзился ему в ярёмную впадину. Не успело его тело осесть на землю, как выхвативший свою длинную саблю Федос двумя ударами располосовал второго шутника, срубив ему руку, которой он попытался инстинктивно защититься.

— Эээ, ты что!? Ты что творишь! — закричали четверо их оставшихся товарищей.

Теодор сам ошалел от такого развития событий. Вот уж чего он не ожидал.

На крики итальянцев стали разрозненно выбегать несколько групп, видимо их друзей, потому что они все выхватили оружие и попытались напасть на шестерых ромеев, но тут уже их группа не замешкалась, атаковав бандитов. Не ожидавшие такого поворота, когда на каждого из них пришлось минимум по двое соперников, они начали отходить, а когда и нырнут в темноту не удалось, стали бросать оружие.

Возможно, что кто-то и убежал, поэтому надо было спешить, пока они чего-нибудь не натворили, приведя помощь или просто подняв тревогу в лагере.

— Что с этими делать?

Несколько раненых и убитых бандитов, почти дюжина сдавшихся.

— Нельзя их оставлять... — Федос, вынув свой кинжал из первого трупа, подойдя к одному из сдавшихся бандитов, стоящих на коленях, быстрым движением вскрыл ему горло, оттолкнув уже труп ного, чтобы не попасть под струю крови.

Видя такое дело, остальные из бандитов решили продать свою жизнь подороже, но мало кому из них удалось дотянуться до брошенного оружия, как они были посечены.

— Было бы неплохо всё тут устроить, как будто это сарацины на этих паршивцев тут напали! Снять всё пригодное, что-нибудь пугающее сделать, поизголяться над телами, как они это любят делать, чтобы лишних вопросов не возникло, но времени нет. Надо уходить!

Кое-кто, правда, во время пока он это говорил, уже всюду искали чем поживиться, и пришлось Федосу даже прикрикнуть на них.

Кентарх, как его звали ромеи в этой компании, или просто капитан генуэзских сил Дженнаро Скарпа этим вечером только прилёг отдохнуть в своей палатке от суматохи дня. Проклятые солдаты только и делали, что встречали в неприятности, думая как бы обокрасть соседа или подраться с ним, тайно напивались и засыпали на постах. И это ещё хорошо, что в маркитантов теперь в лагерь не пускали, а то бы ко всему добавились драки из-за девок и пьянки. У него было ещё немного времени, чтобы пойти проверить посты, как в его палатку ворвался человек, который буквально втокнул внутрь его помощника, желающего его остановить.

— Кто ты такой и чего тебе надо? — а рука уже тянулась к оружию. На своем веку он совершил немало такого, за что его некоторые люди попытались бы прикончить.

— Дженнаро, это я, Анджело! — воскликнул ворвавшийся. — Дженнаро, капитан, мне нужна ваша помощь!

— Ааа, Анджело... — капитан попытался скрыть пренебрежение в своём голосе. Этот выскочка из разбойников, отправившийся со своими людьми на эту кампанию после того, как их поставили перед простым выбором — петля или война, категорически ему не нравился. Но при этом он успел показать себя перед некоторыми влиятельными людьми, за что они его продвигали, дав ему практически ту же должность. Этому разбойнику дали под командование целую роту, так же как и ему, дворянину, потомственному военному, участнику трёх компаний! Это вызывало глухое раздражение.

— На меня и на моих людей напали!

— Вот чёрт! — это уже было серьёзно. — Кто напал?

— Это сделали ромеи! — Кальколло замялся.

— Ромеи? Произошла драка в лагере?

— Нет, мои люди выбрались за пределы лагеря, чтобы попытаться поймать одну из банд. Я был там вместе с ними. Но внезапно, когда мы сидели в засаде, на нас напал толпа ромеев и нам пришлось отступить! Несколько моих друзей оказались ранеными и убитыми. Остальные дали мне возможность отступить, пока я схожу за помощью!

Дженнаро быстро облачался, с помощью слуги, цепляя кирасу.

— За пределами лагеря? Это вообще-то не наша ответственность...

— Капитан, это совсем недалеко... К тому же я и прибежал именно к тебе, зная о твоём бесстрашии. Только прошу, быстрее!

— Хорошо, посмотрим. — сдался Дженнаро.

Быстро подняв дежурящих людей, они вышли из лагеря, где на ближайших воротах их, почти шесть десятков человек, дежурящие ромеи выпустили не сразу. Когда добрались до места схватки, спасти было некого. Лежащие вповалку тела людей Кальколло и ни одно тела нападавших.

— Ууу, хррр... — Анджело издавал звуки, средние между воем и скрипом зубов.

— Я их тогда узнал, я знаю кто напал. Пойдемте со мной, они ещё могли не успеть проникнуть в лагерь.

Нехотя Дженнаро отдал приказ возвращаться.

Пока пробирались по улицам лагеря, собирая любопытные взоры караулящий солдат и их офицеров, некоторые из которых присоединялись к ним по пути к “тем самым” ромеям, уже светать. Разгар лета, солнце поднимается ещё совсем рано.

— Вот, здесь, они!

Кальколло привел их к отряду переметнувшихся на сторону союзников после памятного для всех сражения войск Русворма с сарацинами болгар. Рядом с которым располагалась и ромеи.

— Кто? Так это были ромеи или всё же болгары? — раздражение усиливалось. В отличие от многих офицеров, Дженнаро их отлично различал.

— Там были и те, и другие!

Болгары и ромеи просыпались, вставали плечом к плечу, недобро посматривая на тех, кто испортил им сон.

— Да посмотри, вот у того нож, да... вот — кровь свежая!

Тот, у кого заприметили корд, с плохо вытертой кровью, молча указал на половину бараньей туши, подвешенной на распорках.

Анджело перекосило:

— А почему боевым оружием туши кромсаешь?

— Тренировался. — пожал плечами тот.

— Они притворяются! Они специально! Вот этот там точно был! — ткнул он пальцем в светловолосого парня, в накинутой на плечи сарацинской накидкой.

— Протодекарх Теодор Лемк, командуя этими войнуками. — представился парень. — Я не понимаю, о чём говорит этот человек.

— Если вы считаете, вот он участвовал в нападении на людей Кальколло за пределами лагеря, то вы ошибаетесь. Я большую часть вечера провел в его компании. Причём нас,

офицеров, тех кто находился рядом с ним, было немало и они все подтвердят это. — заявил один из присоединившихся к шуму офицеров.

— Они специально! — продолжал Кальколло. — Они сговорились!!!

— А за такие слова ты можешь и получить...

Дженнаро не выдержал:

— Слушай, ты... Кальколло! Я вот скорее думаю, что твои люди выбрались из лагеря на свой страх и риск, чтобы добраться до маркитанток, но потом наткнулись на сарацинских разбойников, которые их и убили. А ты... Не мог ничего лучше придумать? — и уходя: Иди к чёрту, Анджело!

Выругавшись тихо под нос:

— Пусть чесотка возьмет тебя, и твои ногти отвалятся, так что ты не сможешь почесаться, проклятый разбойник!

И с этими словами он ушёл.

— Расследование! Я буду требовать расследования! — покрасневший и потерявший свой прежний облик Анджело выбежал за пределы костров войнуков.

А ромеи с болгарами, переглянувшись и ухмыльнувшись вновь стали укладываться спать.

Но уснуть сразу не получилось. В крови бурлили силы, прокручивались события ночи и захотелось сделать что-то такое эдакое. Взяв старый потрепанный дневник какого-то путешественника, что лежал у него уже полгода в вещах, он открыл последние чистые страницы, и так как чернил не было, взял свинцовую пулю и начал ею накидывать стишки, или скорее короткие басенки.

Сочинённые на скорый лад, скроенные из древней литературы предков, они высмеивали Кальколло, который оказался никудышным грабителем и его в конце ждали всяческие... кхм, неприятности.

В одной из басенок ему грозил охранник:

...Не попадайся, Кальколло, смотри — накажу тебя ведь не палкой,

Нанесу я ужасные раны отнюдь не серпом.

Хером пронзённый, как у коня, ты думать забудешь,

Чтобы закрылась обратно рана твоя...

И в итоге:

...А когда ты, идиот, напал на охраняемый садик

Почувствовал — их охранял вовсе не кастрат.

Может быть скажет гнусный Анджело:

«Кто же в кустах разберет,

Что отымили меня тут без смазки?».

Но ошибается он — много свидетелей это зрело!

Когда написал, то как-то сразу успокоился и уснул, почти счастливый и довольный. До окончательного счастья не хватало того, чтобы об этих стишках узнало как можно больше народу. Но ничего, надо только утром будет рассказать это друзьям, особенно Юхиму и Месалу, а уж они донесут это до всех ушей. Думается у Анджело начнётся весёлая жизнь. На этом моменте и пришёл сон, такой спокойный и крепкий, как будто он заснул не после жаркой переделки, а где-нибудь за толстыми стенами зимней кельи.

В воздухе стояли столбы пыли, поднятые тысячами ног, и серой неосязаемой пеленой ложились на одеяния солдат, их мокрые от пота волосы — это армия шла на Силистрию, в которой, как узнали, находилась семья султана. Теодор с парнями гадал — неужели благородные хотят захватить семью султана в плен? Или просто требуется установить контроль над всем подунавьем, а без этой сильнейшей крепости этого было не сделать.

Подойдя к городу, мы увидели, что сарацины без дела не сидели, и позаботились соорудить земляные форты на подступах к городу и без того хорошо укрепленному. Ещё бы — всё же одна из резиденций султанов, и давно все путешественники знали, что этот город самый изысканный из всех на Дунае: в нём имелись замок и дворцы правителя и приближенных лиц, множество мечетей и бань.

Укрепления города, в котором когда-то родился легендарный Флавий Аэций, представлял собой (как можно было увидеть с юга и западных возвышенностей, откуда и наступала армия ромеев и их союзников) состояли из прямой четырехбашенной стены, прикрывающей Данубу и порт, и второй — восьмибашенной, изогнутой наподобие гигантского лука, заключала в себя все самые важные части города.

Укрепления как таковые Лемку не удалось рассмотреть, так как вместе со своими людьми он принял участие в обустройстве лагеря — вместе со всеми он копал, таскал тяжести, и всячески следил за окружающими, чтобы даже намек на драку не случилось.

Он не ленился лично проверять каждую корзину, убеждаясь, что войнуки плотно утрамбовывают землю, поскольку плохо серьёзно относился к словам о той опасности, что может быть вызвана небрежением в устройстве лагеря, что говорилось в наставлениях древнего императора. Закончив работы с землёй, их отправили помогать с порохом и ядрами. Все немного возмущались тому, что приходится работать им, когда ведь можно набрать крестьян из окрестных деревень или вон, ланциариев же зачем-то набирали? Так пусть и отрабатывают свой хлеб!

Поговаривали, что многие знатные люди успели на кораблях покинуть город, но многим казалось, что это было неправдой, так как опасности поджидающие на воде были не менее большими, чем при путешествии по суше и наверняка богатые сарацинские негодянты далеко бы отправились, без риска потерять всё заработанное, как мы считали, нечестивыми трудами.

Артиллерийская канонада продолжалась почти два дня, периодически меняя своё положение — это пушки подтаскивали всё ближе к стенам города, так как один за другим окружающие город форты пали, или даже гарнизон их просто оставил — и эти факты чрезвычайно наполняли радость сердца солдат и воодушевляли. Сарацины слабы духом и не горят желанием сопротивляться!

А Лемк с войнуками-скопелфтами непрерывно работал, и для него эти дни проходили чрезвычайно однообразно — постоянный далекий гул, натруженные руки, пыль, дым костров и нехватка сна.

Через какое-то время ему удалось побывать на одном из захваченных фортов и уже оттуда, пользуясь фактом возвышенности укрепления над окружающей действительностью, он смог частично оценить городские укрепления.

Кирпично-каменная кладка, насколько он смог рассмотреть, не ремонтировалась со

времен строительства. Ему это подсказали знакомые пушкари — например, это можно было сказать по тому, что темный камень покрывали серый лишайник и густая зеленая растительность, обосновавшаяся в щелях. Стены выглядели серьезными препятствиями для штурмующих, потому что были высоки и дополнены значительными бастионами, с которых защищающиеся могли вести фланговый огонь. Но союзные войска уже заняли данубские острова, и часть больших пушек могли обстреливать город оттуда, поджигая его жилища в предместьях. Потому эти воины, предполагая, что разговаривают с кем-то из итальянцев, спокойно объясняли молодому младшему офицеру, что надо пострелять совсем немного — может быть два дня, и стены рухнут, открыв доступ до великих богатств.

А в один из дней Моленар дал приказ, чтоб привели себя и оружие в порядок. И Теодор, как его старший протодекарх, не мог не спросить:

— Господин, если мы здесь, то что же — нам предстоит участвовать в штурме вражеского города? Мне надо знать, что сказать своим людям.

— Не лезьте вперед со своими рассуждениями, солдат! Скажите людям, чтобы были готовы к любому развитию ситуации. Как и подобает настоящим солдатам, которым им ещё возможно удастся стать.

Теодор вспыхнул, но ничего не сказал, удержав резки слова при себе.

Глубокой ночью их подняли. Быстро затянули ремни, перекусили из котла холодной кашей и выдвинулись на построение. И взоры всех были направлены на город, виднеющийся в этот предрассветный час более темным силуэтом на фоне более светлеющего, серого неба.

Кто-то негромко ругался, кто-то сопел досматривая сны, и лишь отблески потайных фонарей то тут, то там, указывало на то, что не только их кентархия была поднята.

Лемк увидел следы от попавших и застрявших в стене ядер, слегка напоминая тёмные жемчужины в гигантском браслете.

Передали приказ — двигаемся колонной за направляющими. Колонну не покидать, в случае боя — ждать команд командиров. У Тео, несмотря на рассвет и тот факт, что не выспался, нервы были взвинчены: куда идём? Штурм это или нет? По его мнению каждый командир должен быть в курсе всех новостей. На штурм похоже не было — ни лестниц, ни брешей в стене проделано не было.

Вынесли знамя, и сотни воинов в колонне двинулись, спотыкаясь и тихо чертыхаясь, к видимой только командирам цели. Там, у стен, его воинов ждали орудия и пули сераткулу, секбанов и других воинов, которые наверняка считали, что смерть Теодара и других ромеев будет самым замечательным событием этого утра.

Рядом хмурился Корст. Ангел проверял как достаются ножи и Теодор сам проверил свою скьявону — не прихватило ли чем лезвие в ножнах, не пролил ли Юц какую-нибудь дрянь на клинок. Но ничего, клинок ходил мягко, а шершавая рукоять с далматинским котом в наверхии успокаивала, как бы говоря — я тебя защищу, я убью твоих врагов.

Одно дело приказать солдатам не стрелять, объяснить, что их жизнь зависит от бесшумности и выдержки, другое дело — ничего не сказать и молча вести навстречу, возможно, западне, и страхи холодят душу. Достаточно завизжать кошке, и солдат выпалит в темноту.

— Кто что видит? Куда идём? — спрашивали шёпотом друг друга воины.

— Разговоры! Прибыю! — не менее тихо отвечали каждому такому декархи, прикладами, эфесами, кулаками или древками утихомиривая любопытство подчиненных.

Стена становилась всё ближе, и беспокойство проявлялось всё больше, ведь уже

входили в область поражения крепостных орудий, а вскоре уже подошли так близко, что их могли обстрелять из мушкетов.

Но нет, одни из ворот, что являлось сейчас самым охраняемым местом, были открыты!

— Черт побери, кто-то здорово постарался...

— Заткнулись!

Солдаты, рассмотрев такое дело, непроизвольно увеличили шаг, спеша под защиту — пройти за стену, чтобы не быть обстрелянными с форта. У предвратных укреплений никаким образом не раздавалось шума боя, а значит неизвестные помощники сдали и их.

И тут же в стороне раздались крики, и огонь огненным лепестком ударил со стен, на какое-то время осветив всё пространство. Ядро со свистом рассекло воздух, пронеслось над кентархией, ударило о землю и куда-то покатило. Через какое-то время заговорили все остальные орудия, и часть из них была куда метче.

Расстояние до ворот оказалось вовсе не близким, особенно когда по тебе ведут огонь. Строй начал рассыпаться, но команды оставались прежними, а потому командиры уже не стесняясь, не давали никому покинуть строй. Беспорядочный сперва огонь из мушкетов усиливался, и становился всё плотнее. При этом в разных местах стены уже раздавались звон столкнувшихся клинков.

На дороге, прямо под нашими ногами лежали на земле несколько раненых, часть корчились от боли, то вскрикивая, то шумно вздыхая, кто-то агонизировал.

— Идем дальше, ему окажут помощь! Наверное.

В любом случае у нас не было права останавливаться или даже посылать кого-то из солдат назад, в лагерь. Мы не могли ослаблять наши боевые возможности даже несмотря на возможные смерти наших товарищей.

К западу и востоку от нас трещали аркебузы, мушкеты и вспыхивали красные клубы выстрелов бастионной артиллерии, и порой тяжелые свинцовые пули с влажным шлёпаньем падали на камни, порой вскрикивали люди и выходили (если могли) из колонны и разворачивались, уходили в лагерь.

Кто-то из болгар так же молча вышел из строя и встав сперва на колени, потом просто рухнул пластом.

— Кто?

— Деян.

Болгары заволновались.

— С ним всё будет в порядке! Вперёд! Держим строй!

Кто-то свалился со стены.

Звуки боя становились всё ближе, и вот уже ворота, схватка за которые так и не состоялась...

Пока рассерженные защитники не пришли их отбивать в тот момент, когда подразделение Моленара выходило из проема ворот на площадку у них, забитую всевозможным мусором, навесами, лавками.

Исмаилиты, уверенные, что для них приготовлены уже самые лучшие места в раю, без страха шли в бой. Крича молитвы и воззвания, они атаковали ромеев. Для начала дав залп из ружей, сарацины отбросили мушкеты и обнажили свои кривые клинки, и падая от ответных редких выстрелов, вступили в ближний бой. Оружие столкнулось — сталь ударила о сталь, высекая искры и проливая кровь на грязную площадку. Страшные ругательства изрыгались, чтобы тут же смениться стонами.

Ромеи сбили строй и плотной стеной отбивали одну атаку противника за другой. Порой солдаты выпадали из общего строя, чтобы сцепиться с врагом в жестокой схватке под ногами у остальных, поднимаясь тогда, когда товарищи ему помогут и вонзят нож в спину врага. Ожесточение, с которым разом столкнулись ромеи, тут же вернулось обратно, когда молчаливая ярость греков и болгар, которым было что припомнить своим давнишним врагам, выплеснулась наружу — и только кровь потоками лилась из распоротых вен, скапливаясь в лужи меж телами павших, которых безжалостно затаптывали обе группы сражающихся, и стены орошало красным...

В отличие от сарацин, не все из ромеев бросили свое огнестрельное оружие, и теперь то один, то другой выстрел уносил жизни храбрых защитников города. И кто-то из них умирал быстро, а кто-то не сразу, как огромный бородатый воин, которому пуля попала в грудь, и от силы удара он сделал несколько шагов назад, постоял немного и при попытке шагнуть вперёд его ноги подкосились и он упал лицом вниз...

Солдаты кололи как на учениях, будто перед ними не живые люди, а тренировочные чучела, рубили безжалостно. Одна из немногих мыслей, пришедших Теодору в этот момент был факт сожаления о том, что люди так рано отказались от щитов.

Будто бы не слыша разгоревшегося сражения, над городом пронесли крики призывающих прихожан на молитву сарацинских священников.

Сражение не затянулось — оно вообще было недолгим, так как уже через краткое время подошли идущие позади другие части Сицилийской турмы и упертых врагов порубили всех до единого и наступающие получили возможность проникнуть на улицы города, в котором кто-то пытался выстроить оборону — звуки стрельбы не утихали.

Моленар приказал добить раненых чужеверцев, а потом повел их на помощь тем, кто сражался на стене. Как таковых драк больше не было: стрелки шли впереди и на каждого пробегающего, наступающего или убеждающего врага обрушивался град пуль.

— Быстрее-быстрее! Убивайте всех, у кого увидите оружие! Нет жалости! — кричали повсюду на разных наречиях и чувство победы постепенно разносилось по городу, по мере того, как союзники выбивали защитников из разных укрепленных точек.

Бастионы были взяты или блокированы, когда Моленар присоединился к большому отряду, по большей части из испанцев и немцев, что пробивались к Большому дворцу для защиты имеющихся там богатств и гарема. Все были в предвкушении того, сколько там всевозможных сокровищ хранится, и потому шли ходко, несмотря на усталость.

Утро уже давно настало и даже лучи солнца, пусть пока и осторожно, освещали улочки и площади древнего города, который много видел в своей истории — от основавших его легионеров IX Клавдиего легиона, до второжений готов, сарматов, авар, болгар, русов, сарацин, и теперь он вновь, как и раньше, готовился сменить хозяев в очередной кровавой круговерти.

На одной из площадей они встретили итальянцев, что полностью перекрыли всё пространство, не пропуская никого. Тут же разгорелась ругань между союзниками, так как немцы и испанцы посчитали, что от них что-то скрывают.

— Прочь с дороги!

— Болваны, убирайтесь отсюда!

— Я не допущу, чтобы меня так называли!

— Это не ваше дело!

Дело действительно чуть не дошло до потасовки, и лишь чудом стороны сумели

договориться, когда нескольких немцев проводили и показали, что они охраняют, и вернувшиеся командиры перестали дерзить, а молча отдали приказ уходить. Далее немцы, испанцы и группа ромеев и болгар Моленара прошла молча через обычную небольшую городскую площадь, что лишь в выходные да праздничные дни становилась оживленной из-за небольших лоточников, что вытаскивали сюда какой-нибудь немудреный скарб, да самые необходимые товары.

Только тут мы рассмотрели, что толпа итальянских солдат стояла, охраняя, над телами, видимо погибших в одной из многочисленных кровавых сшибок, произошедших за последнее время. И было вполне светло, чтобы понять, что тут среди убитых вооруженных мужчин лежат и женщины, и вроде бы даже дети (о чем тут же пошёл шепоток от солдата к солдату).

— Изверги!

— Чертовы бандиты...

— За них же выкуп можно было взять! — раздавались возгласы, показывая общее настроение.

У Большого дворца, к которому кое-как вышли, было полно народу, и все были уверены, что и герцог Савойский, и фон Русворм наверняка здесь, а потому следовало уходить, так как добычу никакую уже не собрать — и без них вычистят всё до нитки.

Здесь же увидели, как вырвавшийся тигр, грациозный зверь, в ошейнике — видимо из зверинца султана, вырвался из дворца, ошалело крутя головой и не зная куда бежать, как кто-то из офицеров пустил в него пулю, тигр рухнул и солдаты восторженно заорали.

Через несколько кварталов их остановили другие солдаты:

— Проваливайте! Люди живущие в этом квартале и их имущество находятся под охраной турмарха Алусиана и его людей, а потому иным тут делать нечего.

— Проклятые островитяне, успели же!

По улицам осторожно бегали ночные жители, грабя своих врагов в то время, когда еще не установилась чья-либо власть, и патрули не вышли на улицы, пресекая всякие безобразия. Пока сами солдаты были готовы и даже жаждали этих “безобразий”.

Кое-где уже поднимались дымы пожаров, хоть треск выстрелов и звон оружия утих. Зато поднимался крики простых обывателей...

В итоге болгары вышли к порту, где стояли корабли, не рискнувшие в своё время выйти из-под защиты пушек порта, повернутых к реке, а сейчас уже и не успевших. На некоторых возилась команда, на какие-то уже запрыгивали итальянские “добровольцы” с оружием наголо, где-то трясущиеся капитаны доставали документы, подтверждающие, что они мирные негодяи из нейтральных стран.

Сарацины, зная что пощады им особо не будет, кидались в воду, чтобы попытаться переплыть великую реку если не на лодках и кораблях, то хотя бы попытаться уйти подальше от разъяренной солдатни. Бросавшихся в воду людей со смехом кололи копьями, били дубками, глядя как они тонут. Мессинин бы не сбежал от единоверцев, рассуждали победители — а раз бежишь, значит ты враг или его прислужник, что может быть ещё хуже.

Солдаты радовались добыче, хотя в трюмах галеры было пусто, кроме запаса сушёных фруктов. И даже так всё подсчитывали возможный прибыток если удастся её продать купцам, там не менее тысячи талеров можно было выручить, как выходило по старым, всем известным всем ценам.

И всё же это было мало, так как возможно её удастся продать не сразу и солдаты разошлись по сторонам.

И каково было всеобщее разочарование, когда выяснилось, что основную часть населения восточной резиденции силистрийцев составляли такие же нищие и бедняки, какими они и сами были совсем недавно! Лишь купеческие кварталы, часть белого города с благородными (по сарацинским меркам) жителями обладала значительным благосостоянием, но туда ромеев не пустили, как бы унижительно это не было.

В порту же, наполненном десятками грузовых кораблей, увидели, как солдаты выкатывают по сходням, одну за другой, большие, но аккуратные бочки.

Одна бочка упала, раскололась и пахучая, винная волна окатила близстоящих, уйдя в канавы! Замечательное вино, пенистое, пахнувшее ягодами и травами кануло в лету.

Но никто не расстроился.

На корабле оказалась добрая сотня бочек. У первых добытчиков не было ни сверла, ни бурава, и они протыкали клепки оружием, часть прямо в трюме, отчего под ногами нещадно хлюпало, и даже пить не требовалось, чтобы опьянеть.

Скопеефты укатили пару бочек и себе, отдав взамен несколько корзин со сладким изюмом.

Всё обменивались со всеми добычей и таким образом принесли связки колбас, круги сыра и почти свежего ячменного хлеба, которым угостили своих товарищей солдаты-ромеев. И все принялись пить.

Пили крепко, зло, поминая товарищей и шипя от ран, залитых вином, ведь всем известно, что нет лучше лекарства, чем хорошая выпивка, в отличие отмаслоприжигания, и злясь, что добычи оказалось ничтожно мало — уж больно жадны до неё оказались немцы, савойцы, да люди купцов, которым ромеев многое должны были, а потому первыми накладывали лапы на лучшее.

Два дня прошло как в угаре, и город сильно пострадал от рук взявших его солдат, и сколько горя совершено было в эти дни — не счесть. Заслужили ли жители города своей судьбы, Теодор не знал, а старые солдаты говорили, что это обычные военные будни и город сам виноват, могли бы не доводить до штурма, выйдя с поклоном и со всеми уважением к командующим.

И хоть штурма не было, а ворота города раскрыли перебежчики, это не спасало ни жителей, ни правителей.

Тогда же все узнали, что при попытке прорваться в порт, окружённые верной охраной, погибли два младших сына султана и его старшая жена со слугами. Что сделает теперь султан, узнав такие новости, оставалось только гадать, но сердца слабых уже сжимались от страха, когда представляли, как его огромная армия движется с верховьев реки от битв с унгарскими и испанцами и немцами-имперцами сюда, в разорённый войной край.

Дни шли, а к галере никто не приценивался. Что с неё толку, если выходы из реки

перекрыты вражескими крепостями — минимум грозные стены Исакчи на востоке и Белграда на западе, не считая других, не давали пройти никому по этой живительной водной артерии. Да и галера... столько гребцов прокормить — уже в убыток можно выйти.

Даже мелкие пушки — старенькие фальконеты не продали, так как никому они особо не были нужны: на стенах и башнях захваченных городов находились десятки и, возможно, сотни разнокалиберных орудий, не считая тех, что сняли с кораблей. Таким образом армии они не были нужны, а купцам таскаться с этакой тяжестью было не с руки, когда вокруг много более ценных и лёгких товаров.

Захваченная силистрийская кедирга (или кедырга — каторга), представляла собой полувоенную двухмачтовую галеру с латинским парусным вооружением и с 25 банками, на каждом весле которых могло быть по 5–6 гребцов, и вместимостью до 100 человек, несколько мелких фальконетов висели на вертлюгах, приделанных к бортам, тогда как место под главный калибр, возможно бомбарду, на носу судна пустовало — возможно сняли и унесли на стены.

Осень наступала, и несмотря на то, что это традиционное время сбора урожая, припасов было очень мало: край разорён! Интенданты, само собой, запаздывали с подвозом провианта из Города и Адрианополя, где были основные армейские склады. Провиант стало очень трудно достать, как только нещадно и бездумно проели захваченное в городе. Декархи/десятники спрашивали у гемилохитов, гемилохиты обращались к кентархам, а кентархи уже у друнгариев стояли с вопросами — где брать припасы, но те лишь пожимали плечами:

— Припасов мало, подвозят телегами через горы, в которых засели зейбеки! По реке не доставить, так как крепости в устье у неприятеля. Но думаю, что вы и сами можете позаботиться о себе! Даю вам полную свободу действий.

Не сказать, что это прям вызвало радость, но официальное разрешение на грабежи прилегающих (и уже контролирующихся) территорий был получен.

Десятки и сотни солдат рассыпались по округам-санджакам и уездам-кадылыкам бывшей султанской вилайета-провинции, в которых их должны были оставить на зимовку, и перетряхивали имущество не успевших разбежаться крестьян из болгар, валахов, оседлых сарацин, помаков, мелких племенных групп кочевников. На командиров выпала задача добирать провиант, которого не хватало, кормить изголодавшихся людей, даже когда провианта нет, и они всячески старались с нею справиться и жалости к местным жителям у них не было никакой. Если выбирать, кто поест — солдат или крестьянская семья, то для них вопрос выбора даже не стоял.

Сами деревни, еще недавно вполне богатые по местным меркам, почти обезлюдели, а те, кто еще остался, посматривали на чужаков с недоверием и держались настороженно, а если солдат было мало, то и враждебно. Вытоптанные и сожжённые поля, переколотый или угнанный скот, пухнувшие от голода дети не добавляли любви к армии. И как следствие — прятали съестное в лесах, либо среди камней, закапывая в замаскированных холодильных ямах.

Споря и ссорясь, союзники решали куда двинуться всеми силами — на восток, где находились кочевнические орды и часть заблокированного флота — старая область Добруджа, а за ней Буджакская орда, крепости в устье Дуная и прочие на реке и побережье — Гульград, Кара-Керман, Константина, Рузово, Тульча, Исакчи и другие. Так можно было обезопасить тылы от беспокойных соседей и ликвидировать угрозу, так как многие беглецы уходили

именно туда. А также расчистить реку, вновь сделать её судоходной до самого моря, что облегчило бы снабжение войск, и хартулариий Гарид настаивал на этом варианте. Ромеи хотели захватить как можно больше крепостей и рассадить там свои гарнизоны, где бы можно было изматывать нападавших.

Многие латиняне тянули на запад, на Софию, в Сербию — на Белград, и далее в Унгрию, на Буду. Там основные армии — там слава, чины и почести! Там земли будущего королевства Карла Эммануила!

Третий вариант, на юг — в самое незащищенное сейчас, пока Селим II на севере, нутрс врагов — в румелийскую Фессалию, Македонию, Элладу.

Венецианцам и многим купцам нужна была Эллада и её острова, что они не скрывали и требовали повернуть туда. Они хотели разорить древних конкурентов из бывших Фессалоник, нынче называвшемся Селаником, где работало множество ткаческих и шелкопрядных мастерских. Им нужен был контроль над торговыми путями восточного Средиземноморья, и они жаждали получить ключ к нему через Эгейские острова и бухты Мореи. Через то ждали их богатства.

Долго рядились, пока латиняне не настояли на своем, поддержанные в итоге ромеями. У потомков старой империи оказался свой интерес — если всех латинян отправить в на запад воевать и отвлекать исмаилитов, то корпус Кавасила, если его усилить, может сам вторгнуться в нужные земли — восток или юг, захватить и привести их под руку Императора, и никто ничего уже не скажет. Итальянцев заверили, что им не о чем беспокоиться и все вложенные средства, всё долги будут отданы.

На том и порешили.

Следовало торопиться — приближалась зима, а в зимний период плаванье по Понту сопряжено с чрезвычайными опасностями, от которых не защитит и самая горячая и искренняя молитва.

Да ещё осенние дожди, как назло, обычно тёплые в это время года, и не слишком долгие, зарядили на совесть, и теперь водопады воды лились со свинцовых небес на землю. Тучи закрыли белый свет, и малорадостные дни стали еще тоскливее. Солдаты тонули в грязи, уставали, промокли и мёрзли, проклиная погоду и время года, пытаясь найти сухие дрова и сохранить порох сухим, и с тревогой всматриваясь в дождливую пелену: а вдруг подбирается враг, а они даже отпора дать не могут... Контарионы тоже были не радостны — им приходилось хранить от влаги и вычищать доспехи от всемирноикающей ржавчины.

Впрочем, врагам тоже доставалось, и даже всюду шныряющие кочевники теперь были не так опасны, потому что лукам в такую погоду приходилось как бы не хуже.

Ни о каком продолжении боевых действий не могло быть и речи, всё сидели на своих местах, хоть разъезды, мелкие отряды врагов постоянно встречались друг с другом.

Тех силистрийских предателей, что открыли ворота, взяли на службу в армии, сформировав друнгарию — и там были не только войнушки, но и немало латников-джебелю, и сипаев, и сераткулу, во главе с Ильхам-беем, альфатарским землевладельцем. Поговаривали, что возглавляя несколько сотен всадников, выходец из знатного рода, он был обижен на султана, так как из-за тяжёлого финансового положения часть его земель отобрали обратно в казну, но оставив норму по всадникам, что он должен был предоставлять в войско.

Найм сарацинов в войске восприняли относительно плохо, и даже неприязнь к бывшим войнукам отошла на второй план, так как они хотя бы так же были мессиянами,

ортодоксами, и натерпевшиеся от исмаилитов люди вслух задавали неудобные вопросы, офицеры (часть) хмурила брови, но никто пока ответить не мог, почему хартуларий от имени императора привечает этих бородачей.

Их задирали, вызывали на бой, цепляясь по каждому поводу и они не отставали — щерили свои поганые рты и произносили страшные ругательства, хватались за ножи и даже, говорят, не раз пролилась кровь, пока их не отвели подальше, дав право Ильхам-бею, новому друнгарию, набрать себе людей из пленных. Говорили, что у него было столько желающих из перекрещенцев, что скоро его друнгария может стать турмой.

Более всего негативно это было воспринято офицерским кружком ромеев, пришедших к выводу, что советники императора, чтобы закрыть потребность в войсках, конечно, готовы на всё, но таким образом забывают ошибки прошлого, совершая новые.

До начавшихся дождей успели дойти только до Никополя...

А потом, в один из последних сухих осенних дней, разнеслась новая страшная новость: Филипп Эммануил, принц Пьемонта, сын савойского герцога, попал в плен! Этот молодой четырнадцатилетний юноша в очередной раз увязался за конными патрулями вместе со своей охраной и небольшой свитой из молодых знатных людей (возрастом постарше). Карл Эммануил спокойно относился к тому, если его сын покидал расположение лагеря, в котором главным врагом для подростка выступала скука, а надёжная охрана должна была его защитить, к тому же опыт войны сам по себе не появится. Тем более когда ты прочитал деяния Александра Великого, гредишь войной, и сравниваешь своего отца с царём Филиппом.

К тому же хотелось посмотреть на новую забаву, которую Савойя и генуэзцы называли "скарамушничаньем" (от имени фольклорного героя Скарамуша, что любил устраивать словесные перепалки — так и появилась скоротечная схватка, стычка, быстрый стрелковый кавалерийский бой. прим. авт.) было весьма любопытно, к тому же его вызвались сопровождать и ромейские кавалеристы-пронории.

И надо же такому случиться, что когда их разъезд столкнулся с отрядом татар, одна из стрел смертельно ранила коня. И всё бы ничего, спешившийся телохранитель одолжил своего, но приближающийся во всю мочь отряд джебелю и акынджи догнал малочисленный кортеж пьемонтского принца, и при попытке прорыва от многочисленного, пусть и более мелкого противника, и второй конь получил травму, а Филипп Эммануил вывалился из седла.

В результате безобразной бойни брюки и подоспевшие акынджи охрану перебили, а сопровождавших конных ромеев опрокинули и рассеяли, и вот уже молодой человек свисает вниз головой с седла...

Это известие ошеломило и разгневало многих — Филипп Эммануил был не самым плохим молодым человеком, в меру веселым и послушным.

Это стало сильным ударом и для отца — Карла Эммануила, который должен был и продолжать военные действия, и, как любящий отец, как правитель — заботиться о своём наследнике. Были немедленно посланы гонцы на переговоры, но они, в силу обстоятельств последующих позднее, весьма затянулись.

А действия профориентации, показавших себя в бою не с лучшей стороны против жестоких сарацин, нанесли очередной удар по отношениям союзников.

Переговоры о выкупе пьемонтского принца затянулись из-за того, что султан Ибрагим, сильный правитель и полководец, сильно занемог после известий о смерти своих троих

детей и старшей, любимой жены, и уже когда ромейские войска были на пути к зимним квартирам, стало известно, что он отдал богу душу (и наверняка жарится в аду — как были уверены всё мессиане, хотя по человечески его многие жалели).

И его армия и остатки земель стали распадаться на фракции и группировки — часть отказалась подчиняться румелийцам, часть согласилась, потому как султан Селим II румелийский объявил, что единственным наследником своего умершего от горя "брата", в этот трудный для всех истинных исмаилитов момент, когда неверные наступают со всех сторон, может быть только он, и призвал всех праведных воинов под свои знамёна.

Впрочем, часть кочевников тут же поспешила отделиться от войска и они ушли через мятежную Трансильванию и Валахию в свои земли, и никто не смог их остановить.

Примерно в то же время начали приходить тревожные слухи, что король Франции собирается объявить Священной римской империи германской нации войну, так как они опасались, что такое чрезмерное усиление после уничтожения силистрийцев серьёзно бы укрепило положение империи, что было бы весьма опасно для королевства, и так окружённого владениями Габсбургов. Все в это всерьёз верили, и ждали что вот-вот начнётся новый виток войны, в которой и так чрезвычайно обросшие долгами австрийские Габсбурги ещё ничего не приобрели, что заставляло их с недовольством писать гневные письма Русворму, обвиняя его в том, что он не спешит вести армию ромеев в решительное нападение на румелийцев, и на остатки армии Силистрии, не давая даже шанса на оправдание. В конце концов им нужна была победа, а не усиление, как они считали, старой гнойной ямы Европы под названием Ромейская империя, оставшейся пережитком прошлого.

Ну и конечно, нашлись те, кто вызвался остаться — "добровольцы-волонтеры" — так вольно и беззаботно грабить они мало где могли себе позволить.

Основные силы испанцев и немцев были в волнении — все ждали, что в случае начала войны их могут отозвать в Геную, для прикрытия Северной Италии и потому предавались грабежам, забирая возки с трудовыми лошадьми у местного населения и наполняя их доверху содержимым разграбленных господских домов тимаров, беев, кятибов — в общем всех старых хаджегянов (бюрократов) и прочих, продавая пленных тосканским и мессинский купцам, что давали самую лучшую цену. Караваны телег тянулись к Городу, чтобы добро было перегружено на корабли, перевозящие его в более благополучные земли, чтобы осесть в замках и дворцах, радуя латинян восточным колоритом и роскошью.

Волновались и в Буколеонском дворце, что видно было по высшим офицерам на совещаниях. Лишиться большей части сил союзников, их флота и остаться один на один с румелийцами и кочевниками ромеи откровенно считали ужасным, страшнейшим из положений и спешно пытались сформировать новые полки на возвращенных территориях из лояльного населения, а также пытались закупить хоть что-то из военных припасов: и крупные торговые, финансовые дома часто шли навстречу дипломатам Андроника IV — всё же немало удалось приобрести в ходе текущей войны, а может и ещё получится что-то приобрести. В любом случае они бы в накладе не остались.

Боеспособность набранных солдат была низка, и это все понимали. Среди всевозможных бюрократов, быстро расширяющейся прослойки бюрократов, нотариусов, высших армейских чинов пошли осторожные разговоры, что неплохо бы было заключить перемирие с румелийцами и сохранить завоеванное и для этого они были уже готовы даже что-то уступить.

Дряхлая империя захватила кусок своих коренных земель и теперь с трудом их пыталась

переварить.

Все, каждый житель истерзанного войной кусочка мира надеялся, что может быть, новый век, семнадцатый откроет новую эру, эпоху стабильного мира. Надеялись, но никто не верил, активно затачивая клинки, выливая пушечные стволы, набивая бочки порохом, ставя под ружьё новые полки солдат и оснащая боевые корабли.

Продолжение следует...